

ЕВДОКИЯ ЛАВРИНЕНКОВА

ДОРОГОЙ МОЙ «СОКОЛ-17»

ЕВДОКИЯ ЛАВРИНЕНКОВА

En Prusse avec De

El est né en 1914 à Krasnodar. Il a été pilote de chasse pendant la guerre. Il a été tué le 17 mai 1941. Il a été décoré de l'Ordre de la Patrie. Il a été nommé héros de l'Union soviétique. Il a été tué le 17 mai 1941. Il a été décoré de l'Ordre de la Patrie. Il a été nommé héros de l'Union soviétique.

ЕВДОКИЯ ЛАВРИНЕНКОВА

**ДОРОГОЙ МОЙ
«СОКОЛ-17»**

**«АДЕФ-Украина»
Киев-2008**

УДК 821:161.1(477)-94
ББК 84 (4РОС=УКР)-4
Л-113

Евдокия Лавриненкова

Дорогой мой «Сокол–17»
Воспоминания и размышления

Предлагаемая книга-дневник — это правдивый, волнующий рассказ о непростой судьбе человека—летчика-истребителя Дважды Героя Советского Союза Владимира Дмитриевича Лавриненкова (1919–1988), о его мужестве в годы Великой Отечественной войны и в мирное время, о побратимах, грузях, сослуживцах, родных и близких. Автор по-житейски мудро осмысливает прожитое и пережитое.

ISBN 978-966-7936-85-3

© АДЕФ-Украина, 2008
© Е. Н. Лавриненкова, 2008

ВМЕСТО ЭПИГРАФА

*Я верю, ты жив, мой родной, мой любимый,
Я верю, живешь где-то рядом со мной.
И смертельной тоской по тебе я томима,
Никогда не решусь называться вдовой.
Я верю, ты жив, ты во всем, что прекрасно,
В лесах, и полях, и в цветущей весне.
Ты сражался и жил, мой родной, не напрасно,
Ты во всем, что хорошее есть на земле.
Я прошла б через лес, я прошла б и сквозь горы
И любовью своей воскресила б тебя.
В моем сердце безмерное женское горе,
И сердце теперь, как костер без огня.
Пусть каждой весной журавли прилетают,
В каком-то из них я узнаю тебя.
Но только прости, мой родной, я не знаю,
Когда же Господь заберет и меня.
Тогда мы вдвоем распрявим свои крылья
И снова умчимся на встречу зари.
Пусть прошлое вечно нам кажется бьелью,
А это и есть продолженье любви.*

Чем дальше уходят самые страшные и тяжелые дни моей жизни, тем ярче и подробнее я вспоминаю прошлое.

Порой вспоминаю то, что казалось совсем и навсегда забытым. Неожиданно всплывают в памяти подробности, от которых сердце заходится.

Все встает перед глазами — его лицо, движения, походка, привычки, манера говорить, поступки.

Его большая, добрая, открытая улыбка. Мне кажется, что такой нет ни у кого.

Эта простота и улыбка сразу подкупали всех, кто с ним встречался. За его жизнь сложную, интересную и большую, но большую не в смысле возраста — всего 68, а большую в смысле насыщенности. Я видела его разного — от по-мальчишески задорного до сурового большого командира. Множество фотографий в нашем семейном альбоме. Многие хотели запечатлеть его или сфотографироваться с ним на память. И на многих фотографиях, где он с друзьями, побратимами, детьми, у него на лице эта широкая, порой застенчивая улыбка.

Таким я и увидела его в первый раз.

1944 год, первые числа декабря. Военный санаторий под Москвой, Архангельское. Бывшее поместье князя Юсупова, одного из самых влиятельных и богатых лиц России. Мой отец был отозван Молотовым с Ленинградского фронта для дальнейшей дипломатической работы. 196-я стрелковая дивизия, которой он командовал, при нем удостоилась звания Ропшинской и Гатчинской.

Перед отъездом отца в Англию на всех членов семьи получили туда путевки.

Архангельское... Как много связано с этим санаторием. Еще в 1939 году после окончания Академии Генерального Штаба, перед отъездом на новую работу, отец тоже получил путевки в Архангельское на всю семью.

Уже тогда я была потрясена красотой этой усадьбы. Прекрасно все — дворец необыкновенной архитектуры, коллекция живописи (особенно хороши женские головки Греза), коллекции скульптур, фарфора и стекла. На втором этаже — богатейшая библиотека. В наше время были выставлены и изделия крепостных мастеров. Это чудо!

Юсуповы коллекционировали скульптуры древнегреческих мастеров, найденные при раскопках. Скульптуры были очень удачно расположены на верхней и нижней террасах перед дворцом.

Летом все утопало в несметном количестве розовых кустов, а на зиму эта красота закрывалась деревянными ящиками. На верхней террасе стояли римские мраморные скамьи, которым более двух тысяч лет.

Так уж повелось, что перед очередной заграничной командировкой отца мы ехали всей семьей отдыхать в Архангельское. И 1 декабря 1944 года мы были уже там.

Зима в Подмоскowie всегда холодная, снежная. А в годы войны зимы были особенно морозными.

Вместе с нами поехал отдыхать помощник отца полковник Клешканов.

В то время в Архангельском два крыла Юсуповского дворца были переоборудованы под госпитали, а в санатории отдыхали фронтовики, многие после ранений, и сотрудники Генерального Штаба. «Люксов» тогда не было, в каждом номере по 2, 3 или 4 человека независимо от рангов.

Папа получил на нашу семью большую комнату на втором этаже, благо туалет и умывальник там были. Полковник Клешканов получил комнату тоже на втором этаже. Маленькую, на двоих. Сказал, что на второй день к нему подселили майора-летчика, который приехал с фронта. Летный состав его полка переучивался летать на новых машинах — Ла-7, а он новый самолет уже освоил, и его отправили немного отдохнуть перед предстоящей большой работой в Восточной Пруссии.

*Наша лестница-«чудесница».
Подмосковье, Архангельское*

Родителям моим иногда хотелось побыть одним, и я уходила в гостиную напротив нашего номера, усаживалась с ногами в большое уютное кресло и читала, читала. Заново перечитала небольшую книгу о французских разведчицах Первой мировой войны. Особенно меня поражала Марта Рише, ставшая в буквальном смысле моим кумиром. Она была двойным агентом и сумела провалить всю немецкую разведывательную сеть фон Крона. Как жаль, что мы так мало знаем о наших разведчицах. Сейчас, когда понемногу приоткрывается завеса сложной и очень опасной работы во внешней разведке, удивляешься му-

жеству и преданности Родине этих людей.

Мимо меня не раз проходил молодой офицер. Мельком взглянула — петлицы голубые. Подумала: «Может, это сосед Клешканова?». Сначала я на него не реагировала. Но он проходил и раз, и два, и три... А вид у меня был довольно необычный — японское кимоно и штук десять косичек, как у девушек-уйгурок. Подумала, что ему, наверное, после фронта странно и смешно видеть такое чудо в голубом кимоно. Но он бросал острый взгляд из-под красивых лохматых бровей, словно изучал меня.

Узнав, что Клешканов помощник отца, попросил его познакомиться нас, что тот сразу и сделал и потом всю жизнь гордился этим. А мы всю жизнь с благодарностью его вспоминали.

Прямо на лестнице, ведущей в столовую, они догнали наше семейство. Клешканов представил нам Владимира Дмитриевича. Раньше, когда он проходил мимо, мне казалось, что он такой

большой и серьезный. А тут вдруг как-то застенчиво улыбнулась. И сердечко мое екнуло.

Он неловко протянул моей маме руку, и она от неожиданности споткнулась. А так как это случилось на лестнице, то все могло закончиться падением. Но В.Д. с мгновенной реакцией летчика поддержал ее своей крепкой рукой и сказал: «На мою руку всегда можешь положиться». Даже не на «вы», а именно так: «Можешь положиться». Всю жизнь мама помнила эти слова, и это были не только слова.

Итак, это была пятая или шестая ступенька лестницы, которую мы запомнили на всю жизнь.

Потом в 1947 году, когда у нас уже родился сын, мы снова отдыхали в нашем любимом Архангельском, где каждый уголок был близок и памятен. Решили сфотографироваться на этой лестнице, с которой все и началось.

Благо, фотограф ютился там под лестницей. Долго уговаривал он нас найти более подходящее место для памятного снимка об Архангельском. А таких мест в юсуповских владениях было много. А какие гостиные в нашем корпусе! Но мы твердо стояли на своем — на 5-й ступеньке знаменитой для нас лестницы.

Тогда, уже наведя на нас старый, выдавший виды аппарат на трех ножках, он, задумавшись, сказал: «У меня это второй такой случай. Несколько месяцев назад тут отдыхала одна чудачка, так она попросила вообще сфотографировать только лестницу». Мы засмеялись, и я сказала: «Это была моя мама». Фотограф смутился, а потом спросил: «У вас, наверное, что-то связано с этой лестницей?». Мы утвердительно кивнули, как-то сразу оба — головой. И он нас «щелкнул». Этой фотографией и открывается наш семейный альбом.

А реакция у В.Д. действительно всегда была мгновенной. Летом 1945 года, уже после войны, мы жили в Ново-Московской гостинице вблизи Красной площади, рядом с рекламируемой сейчас гостиницей «Балчуг». Жили на пятом этаже. Лифт не работал. Да и В.Д. к нему не привык. Где там, в деревне, в учили-

Евдокия («Евдошка»)

цах, а потом на фронте был лифт? По утрам мы рано, до Академии, вдвоем выводили на прогулку Стега — роскошного ирландского сеттера с редкой родословной — подарок короля Норвегии Хокона отцу. Папа привез его из Осло, когда ехал на Генеральную Ассамблею в Нью-Йорк, и оставил нам.

Стег тащил меня по лестнице вниз, видимо, ему уже было не вмоготу. Я шла возле перил, и вдруг В.Д. бросается и закрывает меня собой. Я растерялась, не могу понять, что случилось. Заработал лифт! В.Д. увидел, скорее, почувствовал, как что-то большое движется сверху и, не раздумывая, закрыл меня. Я от неожиданности

упустила Стега, и он с восторгом, сломя голову, бросился вниз. Мы бросились за ним. В.Д. отправился в Академию, а я, гуляя с собакой, думала о случившемся. Представила, как он во время воздушного боя прикрывал своих друзей... За всю войну он потерял только один самолет — во время столкновения с «рамой» — «Фокке-Вульф-189» и одного ведомого — Плотникова в Восточной Пруссии. Сам он не был ни разу сбит. Его называли «математик воздушного боя». В начале лета 1943 года его вызвали в Москву. Тогда он был командиром эскадрильи. Буквально заперли в редакции газеты «Красная звезда», посадили с ним военного журналиста — летчика, чтобы он написал статью о своем методе воздушного боя. Статья вышла под названием «Мои воздушные бои».

Этой статьей, напечатанной в трех номерах газеты «Красная звезда», я начала книгу воспоминаний, написанных друзьями В.Д. о нем через 10 лет после его смерти.

Весь декабрь 1944 мы были вместе, казалось, что все 24 часа в сутки.

Зима, а у нас в душе и на лицах — весна! Ходили на лыжах, катались на коньках, гуляли по парку. Несколько раз осматривали Юсуповский дворец-музей, где каждый раз находили для себя что-то новое и интересное. Там были потрясающие вещи, сделанные руками крепостных. Коллекция картин у Юсупова тоже была блестящая, а на втором этаже — библиотека, но туда не пускали, так как лестница обветшала.

В санатории тоже была большая библиотека, и мы часто заглядывали туда. Правда, на чтение у нас было мало времени, но заходили, когда работала знакомая библиотечка и давала нам посмотреть старинные книги и журналы, взятые из юсуповской библиотеки и «по блату» выдаваемые счастливым. Как сейчас помню книгу истории танца. Балерины разных стран... Книга на русском языке, издана приблизительно в 1910 году. На одном из снимков молодая красивая полуобнаженная женщина. Внизу подтекстовка: «Танец живота исполнила молодая балерина Императорского Санкт-Петербургского театра Наталья Турханова» (или Труханова, сейчас уже точно не помню). Но помню, что было написано: она исполнила этот танец «с надлежащим бесстыдством». Нас очень рассмешил этот текст. А что происходит сейчас? Прямо со сцены исполняются с откровенным бесстыдством танцы более чем полуголыми певицами под фонограмму.

И кстати, эту Наталью я видела потом приблизительно в пятидесятых годах в Москве с ее мужем генерал-лейтенантом Игнатьевым, написавшим книгу «50 лет в строю».

Как-то, гуляя по парку, наткнулись на небольшой дом с ко-

Владимир Лавриненков

Кинопроба на «Мосфильме»

косы. Я все выполнила.

И верила, и не верила. Думала, уедет — и забудет девушку с косами.

Но вот первое письмо. Писал о том, что проезжал через Смоленск, где жили его родные, но не смог повидать их. Встретил на перроне знакомую женщину и попросил передать им открытку. «Это ведь теперь и твои папа и мама». На душе стало тепло.

Каждое письмо — радость. Письма приходили из Восточной Пруссии. И я писала, писала в ответ на эти долгожданные, дорогие письма. 21842 — полевая почта. Разбуди меня ночью — сразу назову. Писала ему, что делаю, что читаю, что вижу и жду, жду, жду...

Письма от В.Д. были интересные. Самобытный, своеобразный, конкретный язык. Он сам, его мысли, речь, привычки, вся жизнь не помещались в рамки этикета или, как принято говорить, протокола. Я ждала эти письма с нетерпением и страхом — а вдруг больше не будет? Ведь война...

лоннами. Это был крепостной театр Юсупова (сейчас здание восстановлено). Пробрались туда. Полное запустение, но сторож сказал нам, что сохранились три декорации знаменитого Гонзаго.

Из Архангельского мы уехали немного раньше, чем В.Д. Но через несколько дней он приехал, зашел к нам и сделал мне предложение. Мы, как говорили раньше, обручились.

Новый 1945 год встречали все вместе, а числа 7 — 8 января В.Д. уехал на фронт. Просил ждать его, я пообещала. Дал «указание»: в разведшколу не поступать, с киностудией не связываться, а главное — не срезать

Хранила их и не могу себе простить, что в конце 40-х годов, перед окончанием В.Д. Академии имени Фрунзе, сотрудники музея Советской Армии буквально выудили у меня несколько писем, шлемофон и еще кое-какие его фронтовые реликвии. И теперь вместо этих писем акт об их сдаче на хранение...

Я отдала бы многое, чтоб эти строки могла вновь перечитать. Часть писем у меня осталась. Пожелтевшие от времени, на разных кусках бумаги, написанные самым дорогим для меня человеком. Храню их как зеницу ока вместе с письмами, которые он каждый день передавал мне в роддом.

Вскоре после смерти В.Д., перебирая бумаги, я засунула руку в большой серый конверт, не посмотрев, что на нем написано. Рука вытащила открытку, где твердым почерком, его почерком, было написано: «Здравствуй Дуся!!!» Да, без запятой, с тремя восклицательными знаками. Я вздрогнула от неожиданности... Все поплыло перед глазами.

А вот письмо от 2 февраля 1945 года, тоже из Восточной Пруссии. «Ребята говорят, что я после Москвы стал как блаженный, на тебя намекают». А вот еще: «На коньках я здесь не катаюсь, но скоро придется провести большое катание на самолете над Германией».

14 марта: «Ты там наверное романы читаешь а у меня в воздухе свои романы с немцами только не любовные а ненавистные!».

Сколько раз все это перечитываю и начитаться не могу. С ошибками и полным отсутствием знаков препинания.

Что характерно и необычайно ценно в его натуре — это

*Командир 9-го гвардейского
Одесского авиационного полка
майор В. Д. Лавриненков*

тяга к знаниям. Если что-то непонятно — досконально разобраться, разложить все по полочкам. Хотя в разговорах с моим отцом перед отъездом на фронт мечтательно говорил, что после войны хочет вернуться в Смоленск. Жить тихо, спокойно и столарничать, как в юности. Устал от крови, горя и грохота войны. Но отец убедил его, что с таким боевым опытом надо учиться дальше. Совершенствовать себя в качестве командира.

В.Д. никогда не стеснялся спросить то, чего не знал или не понял. Много занимались мы русским языком. Но все это было непросто. Часто с работы звонил мне и, если сомневался, как написать, спрашивал. Не было ложного самолюбия. Знал, что я друг, жена и все, что знаю и могу, все принадлежит ему.

Но это все потом, а пока шла война, и я ждала каждую весточку и ловила каждое слово о боях в Восточной Пруссии. Моя мама, очень бережно и с пониманием относящаяся к моему чувству, всегда была рядом со мной. Отец уже уехал в Англию, а потом в Норвегию.

Однажды мама принесла газету «Правда» с приказом Сталина о взятии в Восточной Пруссии города Мельздок, где упоминались имена майора Луи Дельфино — командира полка «Нормандия — Неман» и майора В.Д.Лавриненкова — командира 9-го гвардейского, Краснознаменного ордена Суворова Одесского авиационного полка.

Встреча с летчиками полка «Нормандия — Неман». Слева на переднем плане Герой Советского Союза Иван Королев с собачкой в подарок майору Луи Дельфино (справа)

Там, в Восточной Пруссии и началась дружба В.Д. с французскими летчиками и особенно с Луи Дельфино.

Перег боевым вылетом

Полевая связь

Приближался май 1945 года. Приближался день Победы, а на душе все тревожнее. Ведь погибали и в последние минуты войны. И «похоронки» все так же разносил почтальон. Бог миловал!

И вот долгожданный день Победы! Отец в Норвегии, мама в гостинице, В.Д. на аэродроме в Шенефельде, что под Берлином, а я в военном госпитале в Москве. И только из окна был виден сказочный праздничный салют и слышен гром орудийных залпов. Радостно звучало радио.

В середине июня В.Д. приехал в Москву. Его направили в Академию имени Фрунзе. По приказу Сталина нескольких летчиков, особенно хорошо воевавших, направили в общевойсковые академии. Генералиссимус считал, что боевой летный опыт они имеют. Если будет война, как летчики они уже потеряют свою боевую форму. Надо знать тактику наземного боя, военное искусство и вооружение, чтобы быть настоящими грамотными командирами.

Парад Победы... Как удалось В.Д. достать для меня пропуск, до сих пор удивляюсь. Мы стояли где-то около собора Василия Блаженного, а Машенька — жена Покрышкина — ближе к центру. Александр Иванович шел в колонне победителей. Сколько бы ни смотрела кадры о параде, когда наши бойцы, самые заслуженные, бросают вражеские знамена к Мавзолею, на котором стоял Сталин и правительство, — мурашки бегут по коже!

Мы победили, и боевые друзья В.Д. французские летчики, улетали домой. В.Д. был награжден французским боевым крестом за взаимодействие и прикрытие летчиков полка. Луи Дельфино несколько раз был обязан В.Д. жизнью. А провожали их, как и знакомились с ними, по-русски. В.Д. пропал два дня. Пришел с повинной: «Прости, Дусик, прости, сам не помню, до чего допроважался и как приземлился». Конечно, простила... Как давно это было!

А память все хранит где-то в своих тайниках. Вот сейчас вспоминаю первую встречу В.Д. и летчиков его полка с французскими боевыми друзьями, о которой В.Д. рассказывал всегда с любовью и юмором.

Они сражались вместе с эскадрилей «Нормандия – Неман». Справа от В. Д. Лавриненкова командир дивизии генерал Георгий Захаров, инженер французского авиаполок полковник Сергей Агавельянц

В Восточной Пруссии они базировались на одном аэродроме. Майор Луи Дельфино для знакомства и налаживания взаимоотношений со знаменитым маршальским асовским полком послал «разведать обстановку» своего переводчика, гражданина Франции. Он долго не возвращался, и Дельфино стал беспокоиться. Через несколько часов переводчик появился, еле держась на ногах. На вопрос Дельфино, что он там видел, ответил: «Звезды, мой командир, только звезды». Он был на ужине с летным составом полка, и знакомство, естественно обмыли «наркомовскими» 100 граммами.

А звезд было много: 28 Героев, из них 4 Дважды. И В.Д. имел честь быть командиром этого полка.

Академия имени Фрунзе... Сначала Загорск, где я не была. Там проходили подготовительные занятия по строевой подготовке и технике. В Загорске В.Д. опекала семья Покрышкиных. Машенька была там вместе с А.И. и маленькой доченькой Светланой, родившейся в конце войны. В Москве квартиры еще не было, и они снимали ее в Загорске. К концу 1945 года уже получили по тем временам прекрасную квартиру в центре Москвы. С одной стороны, почти напротив, старинное здание — Моссовет. Тогда слова «мэр» у нас не употреблялось, а теперь там резиденция мэра Лужкова. К его чести, через несколько лет после смерти Покрышкина и Кожедуба Лужков распорядился о дополнительной пенсии вдовам Покрышкина, Кожедуба и Гагарина от правительства Москвы. Машеньке это было очень кстати. Сбережений у них, как и у нас, никогда не было.

С другой стороны дом выходил на небольшую улицу, где находился знаменитый тогда грузинский ресторан «Арагви».

В доме жильцы приняли их хорошо и гордились тем, что их сосед А.И.Покрышкин — «лучший летчик Второй мировой войны в антигитлеровской коалиции», — как назвал его президент Рузвельт.

В этом доме жил известный поэт Михаил Исаковский, смолянин, впоследствии друг В.Д., и актер Бабочкин — Чапаев. Его семья, жена — бывшая балерина Екатерина, много хорошего

*Летчики 9-го гвардейского авиационного полка Герои Советского Союза.
Слева направо: Иван Борисов, Иван Королев, Алексей Алелюхин, Лев
Шестаков, Владимир Лавриненков*

сумели передать Машеньке, простой девушке из-под Харькова.

Мое знакомство с Машей состоялось в ноябре, в день праздника. Тогда все семьи слушателей, которые питались дома, получали в академической каптерке пайки. Водитель А.И. получил продукты и после торжественной части и концерта должен был завезти их Марии Кузьминичне. Мы жили еще в гостинице, и А.И. сказал, что подвезет нас. Сели в машину, едем. Мне доверили держать в руках банку со сметаной. А.И. говорит что-то шоферу, я смотрю, мы куда-то не туда едем. Попыталась объяснить, как к нам проехать, а В.Д. и А.И. смеются. «Нет уж, поехали к нам. Во-первых, праздник, а во-вторых, кто сметану держать будет». Приехали. Лифт совсем маленький. Пошел А.И. и шофер с большой сумкой, а нам с В.Д. уже и места нет. А.И. говорит: «Ты, Володя, подожди, а Дуся пускай с нами, а то сметана прокиснет». Вышли из лифта, А.И. звонит в дверь, открыла Машенька. Стоит ее муж, шофер с сумкой и какая-то в обезьяньей шубке (папа прислал) фифочка с банкой сметаны. А время — двенадцатый час ночи. Машенька бросила на меня недобрый взгляд и, ска-

зав шоферу «проходи», пошла вперед. А.И. подтолкнул меня и говорит: «Иди, не теряйся». Я пошла. А тут и В.Д. поднялся. Маша с улыбкой встретила его, а он ей говорит: «Как тебе моя Евдоха?». Маша рассмеялась. «Я, — говорит, — думала, что это какая-то очередная фифа-корреспондентка, которые атакуют моего мужа. Напишут немного, а потом, стервы, глазки строят».

Тут я поняла ее недобрый сразу взгляд. Мне это было знакомо. В.Д. тоже атаквали, но они с А.И. — мужики стойкие.

Машенька показала спящую Свету, и я поняла, почему она не могла быть на вечере.

Незабываемые академические годы! Все хотелось увидеть, познать, попробовать. В.Д., пройдя нелегкое детство, трудное отрочество и боевые молодые годы, с виду солидный и строгий, выглядевший старше своих лет, в душе был ребенком, который не добрал тепла, сытости и знаний. Кто-то из сибирских писателей сказал: «Необласканное, неотыгранное, неотоспавшееся детство». И В.Д. тянулся ко всему, что было для него неизвестным, хотя многое не сразу воспринимал. Любил разобраться, почувствовать. Имел свое мнение и умел его аргументировать. Так с музыкой, литературой, живописью, театром и людьми.

Всегда удивляла в В.Д. его немногословность и порой казалась корявой речь. Но словоблудия не было. Очень меток был в характеристике людей. Иногда одним словом определял всю сущность человека.

В то время книг в продаже было мало, а наша домашняя библиотека пропала в Киеве, где мы оставили наши небогатые

*Дважды Герой Советского Союза
В. Д. Лавриненков — слушатель
Академии имени Фрунзе*

пожитки у маминой сестры перед отъездом в конце 1939 года в Китай.

Депутаты Верховного Совета РСФСР во время сессии могли покупать книги. И он покупал, покупал их десятками. Сначала все подряд. Читали все, спорили, рассуждали, потом стали умнее — что мимолетное, а что стоящее.

Помню нашуевшую тогда книгу Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды». Необычайно слабая как литературное произведение, но получившая по указанию сверху премию. В.Д., переживая и рассуждая, говорил: «Что они там не могут понять, что книга — дрянь, хоть мысли в ней есть, и неплохие. Статья была бы хорошая, а это не роман».

Если тогда, в конце 44-го года на «Пиковой даме» в Большом театре, сидя в директорской ложе, он проспал половину оперы, то теперь после занятий мы бежали в театр, оставляя сынишку маме. Благо, В.Д. как депутату Верховного Совета РСФСР в МХАТ и Большой театры был бесплатный пропуск в правительственную или директорскую ложу.

Некоторые спектакли, особенно в Большом и Художественном, смотрели по нескольку раз. Старались увидеть разных исполнителей главных ролей, чтобы потом сравнить их и для себя решить, кто нам больше понравился.

А тогда был расцвет, словно все и вся проснулось после страшной войны. Хотелось вновь окунуться в мир прекрасного.

Большой театр — всегда праздник. Целая плеяда блестящих певцов — Козловский, Лемешев, Пирогов Давыдова. Совсем юная Плисецкая, Уланова.

Помню, после парада Победы через неделю в Большом «Лебединое озеро». Танцевала Лепешинская.

Никогда я не видела такого сверкания наград в свете люстр и бархата театра. Театр заполнен участниками парада. Маршалы, генералы, офицеры, рядовые... Представители союзных войск, югославские партизаны. Сияли лица, и сверкали награды на груди победителей. Сколько же было в этот вечер Золотых Звезд Героев!

После окончания спектакля у входа в Большой стояли, ожидая машин, с кем-то разговаривая, кому-то пожимая руки, Маршалы Конев, Рокоссовский, Тимошенко, Рыбалко, Говоров, Гречко в окружении генералов и офицеров. Увидев Рыбалко, я вспомнила Китай, как летом 41-го или 42-го года он с особой миссией летел в Чунцин. Еще в 1937 году он помогал молодому, тогда довольно прогрессивному офицеру синьцзяньской армии прийти к власти. Останавливался в посольстве в Урумчи и несколько раз бывал у нас в доме, так как знал всю нашу семью еще со времен Академии. Надо было решить с отцом некоторые вопросы и получить от него информацию. Кое о чем информировал отца сам. Отец хорошо знал Рыбалко по работе, а тот хорошо и давно знал Китай.

Мы с В.Д. остановились, увидев так много Маршалов одновременно. Мне очень хотелось подойти к Рыбалко, но В.Д. сказал: «Не надо, неудобно». Рыбалко несколько раз внимательно посмотрел на нас, но В.Д. дернул меня за косу. Я долго, даже после рождения сынишки, ходила с косами «навыпуск», как говорил В.Д. И мы сторонкой стали проходить мимо. Но тут я услышала негромкое: «Евдошка, это ты?». Ему очень нравилось, как называл меня отец. Мы, смущаясь, подошли. Косы меня выдали. Он видел, как В.Д. меня дернул. В.Д. козырнул, Рыбалко пожал ему руку, меня чмокнул в щечку и спросил, где отец. Я сказала, что в Англии.

Маршал Рыбалко и будущий генерал Лавриненков стояли рядом, не зная, что через 50 лет после Победы по Днепру и Черному морю будут ходить и стоять рядом у пристани два круизных теплохода, построенных в Германии, — «Маршал Рыбалко» и «Генерал Лавриненков». И даже капитан Алексашин был капитаном на обоих теплоходах. Пути Господни неисповедимы.

Очень любил В.Д. Ивана Семеновича Козловского. Голос его всегда мог отличить. «Козловский поет», — говорил он, услышав его по радио.

А когда на академическом вечере Козловский исполнил украинские песни, которые В.Д. очень любил, то был совсем покорен.

Интересен подход В.Д. к занятиям. Кое-что он не принимал, считая, что устарело — нечего тратить время на бессцельную зубрежку цифровых данных орудий. Все равно они должны совершенствоваться.

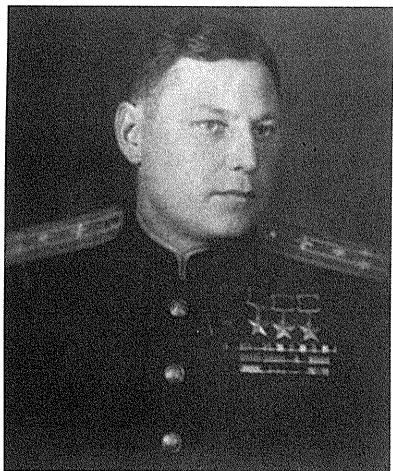
Преподавал тактику Герой Советского Союза полковник Лев. Вел занятия хорошо, интересно, но В.Д. говорил: «Это уже было, мы прошли это на фронте. Надо изучать и думать о новом, крепить оборону, совершенствуя вооружение. Но главное, чтобы думали политики и не было войны».

Никогда не забуду его отношение к Бородинскому сражению. Никак не мог согласиться с тем, что Кутузов сдал Москву. Много лет спустя после Академии мы, путешествуя по «Золотому кольцу», были на Бородинском поле. Ходили, осматривали памятники и русским, и французским солдатам. Чувствовала, что он опять внутренне сам с собой рассуждает. Еще был переполнен горячим молодым военным задором.

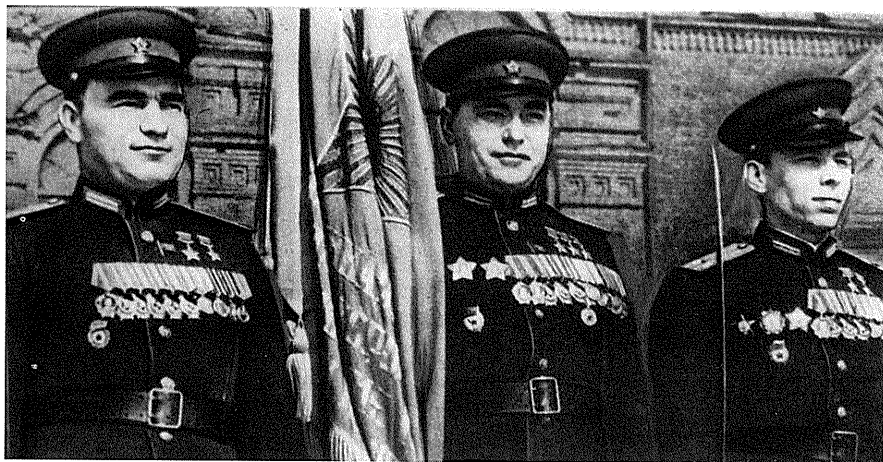
Трудно ему было, как и Покрышкину, привыкать к строевым занятиям, артиллерии, танкам. Они привыкли воевать в воздухе, где не было строевой подготовки, было много простора, как говорили, миллион на миллион; и проявлялись индивидуальные качества каждого бойца — летчика.

Скучали по самолетам. С помощью Дважды Героя Советского Союза генерала Савицкого Е.Я. — отца космонавтки Светланы Савицкой, добились разрешения периодически ездить на полеты, чтобы, как они говорили, не «дисквалифицироваться».

А еще труднее им было в дни подготовки к парадам. Они были людьми действия. А тут направо — налево по несколько часов, да еще с саблями, которые обязательно лезли куда не надо, да шпоры,

*Трижды Герой Советского Союза
А. И. Покрышкин — слушатель
Академии имени Фрунзе*

*А. Покрышкин, А. Алелюхин, В. Лавриненков со Знаменем Академии
имени Фрунзе на военном параде*

которыми цеплялись за все. В.Д. удивлялся, как мой отец, кавалерист, прошедший червонное казачество, ходил с этими шпорами. Занятия иногда проходили за городом.

Как-то осенью в дождливый неприятный день надо было куда-то ехать.

Надел кожаный фронтальной реглан без погон, фуражку летчика, кашне на шею. Все слушатели вернулись, а моего нет. Жду, волнуясь. Наконец звонок в дверь. На вопрос, почему так долго, говорит: «А меня на вокзале в комендатуру забрали». — «За что?», — спрашиваю. — «Сказали, вид подозрительный и документов при мне нет. Я от своих отстал, кому-то дал закурить и задержался. Приехал в Москву, тут меня и сцапали на вокзале».

Благо, кто-то из комендатуры видел его портрет в газете и узнал. А он даже реглан не снимал, звезды не показывал. Говорит: «Интересно, как я выйду из этого положения? В тюрьме в детстве в Смоленске за драку уже сидел, а теперь комендатура».

Мы в то время уже получили квартиру на Смоленском бульваре. Это Фрунзенский район Москвы. Секретарем райкома была Екатерина Фурцева. Она и дала нам квартиру. Дом этот был построен для сотрудников конструкторского бюро авиа-

ционных двигателей Микулина. Тут же на одной площадке, как теперь говорят, в двухкомнатной коммуналке жил брат Фурцевой с женой и инженер завода с женой. Соседи хорошие и спокойные. Дом почти рядом с Академией имени Фрунзе. Во дворе Академии каптерка, куда я ходила за летным пайком. А по вечерам с сынишкой встречали папу Володю. Товарищи по группе, все прошедшие фронт, с удовольствием здоровались с нами. И, глядя на Петеньку, очень похожего на В.Д., говорили к папиному удовольствию: «Чистая работа».

Помню многих из них.

Некоторых потеряли из виду. Кое-кого встречали на перекрестках военных дорог, с некоторыми переписывались.

Бочков, Сутурмин, Малыга, Альбетков, Агапов, Тарасенко... Все они были лет на 10 – 12 старше В.Д.. У каждого за спиной большая судьба, и учиться было непросто. Особенно трудно было полковнику Бочкову. Никак не давался английский язык. Забавные ситуации бывали довольно часто: то дернут Агапова

за холеные усы, то карикатуру рисуют на кого-то, поставят знак вопроса, мол, догадайтесь сами.

Однажды, когда надо было рассказать о семье, что никак не удавалось Бочкову, А.И. стал подсказывать ему. В классе – хохот. Преподавательница, которую они называли «тыча», что должно было по-английски означать theacher, с удивлением подняла брови. А Покрышкин, сидя за спиной Бочкова, тихо подсказывал: «У меня 7 детей, 5 жен...» и все в том же духе. «Тычу» В.Д. и А.И. обхаживали, старались умаслить, особенно перед экзаменами, так как English им

Первенец Петенька

тоже не на пятерку давался. Мы с Машей даже на госкурсы пошли, чтобы нашим мужьям помогать, но они действовали своим способом. А.И. имел комнату в Архангельском, где часто находилась Маша, а А.И. приезжал по воскресеньям. Мы были там частыми гостями. Однажды А.И. пригласил нас приехать. Было начало лета. Мой husband поехал, а я что-то не смогла. Оказывается, А.И. пригласил и «тычу», чтобы показать ей музей — поместье Юсупова, роскошный парк, отдохнуть на пляже прелестного озера и покататься на лодке.

Анна Васильевна, подумав, согласилась.

Вечером приезжает мой муж. Спрашиваю: «Ну, как Анна Васильевна?». Он только рукой махнул, а потом неожиданно расхохотался и говорит: «Тычу» чуть не утопили, будет теперь нам английский!».

Экскурсия по музею прошла благополучно. Оба ученика старались показать свою эрудицию в области истории и искусства. Прошлись по парку, где тоже много интересных скульптур, и пошли к озеру. А.И. и В.Д. решили искупаться, разделись, а «тыча» говорит: «Посижу на бережку, посмотрю, как вы ныряете». Поныряли, достали лодку, подогнали ее к мостику и пригласили А.В. покататься. Она с удовольствием. «Давно, — говорит, — не каталась, молодость вспомню». Они в плавках, а «тыча» в полной амуниции, да еще сумочка и раскрытый зонтик от солнца. Один герой стоял в лодке и протянул ей руку, а другой на мостике поддерживал ее. А лодочка качнулась и отошла от мостика именно в тот момент, когда Анна Васильевна, вспомнив молодость, хотела легко впорхнуть в нее. Бух! И в воду! Умаслили «тычу». Сушили ее на солнышке.

Когда пришли на занятия, боялись ей на глаза показываться. А самих смех разбирал, когда вспоминали, как она с зонтиком в воду летела.

Каждый из слушателей действовал своим способом.

Григорий Скоринов, тоже летчик, перед экзаменами обхаживал машинисток, которые печатали вопросы. Это ему удавалось. Симпатичный был летун!

Я с сынишкой уезжала летом в Кубинку, что под Москвой, где был лагерь Военного института иностранных языков. Отец, уже

насовсем вернувшись «из дальних странствий», принял этот институт. До него был генерал Биязи. При нем в институт провалось много «блатмейстеров», особенно, когда его перевели в Москву. Ходила поговорка:

*Был генерал Биязи,
были блаты и связи.
Пришел генерал Ратов,
не стало связей и блатов.*

Институт был очень перспективным и, как теперь говорят, «престижным» — и звание военное, и поездки за границу, и учиться там было очень интересно. Изучали около 50 языков. Аналогичен ему был только такой же институт в США.

Создан этот институт был в начале войны, когда срочно нужны были военные переводчики. В основном — английский, немецкий, итальянский, чешский, французский, польский языки. А немного позже количество языков и наречий увеличилось. Там изучали даже уйгурский язык, так как большая часть населения Западного Китая Синьцзяна были уйгуры. Учили слушатели по два языка — основной и дополнительный.

Преподавательский состав был отлично подобран. Часть — опытные военные переводчики, часть — разведчики, прекрасно владевшие всеми тонкостями преподаваемого ими языка и прошедшие трудный, очень трудный путь. В этом институте учились моя двоюродная сестра и двоюродный брат, окончившие его еще до прихода отца. Сестренка учила английский и в конце войны была отправлена в Италию, где ее союзники чуть не утробили. Сначала украли паспорт, а потом подстроили автокатастрофу, чтобы изъять документы, которые она везла еще с одним офицером. Документы не удалось захватить, а сестру захватили, у нее не было паспорта, который украли. Отправили ее в госпиталь союзных войск. Она очень пострадала.

Меня отец в институт не принял, да и В.Д., вспоминая разведку, тоже был против моей учебы в нем.

В годы войны и первые годы после ее окончания туда был большой наплыв фронтовиков. Было много девушек, прошедших фронт. Туда поступила Валя Борц, член подпольной комсо-

мольской организации «Молодая гвардия». Полина Гельман и Наташа Меклин — летчицы, обе Герои Советского Союза, «ночные ведьмы», как их называли немцы. Из полка Евдокии Бершадской. Училась там и Мамлакат Нахангова, девочка, которая еще перед войной получила орден Ленина за сбор хлопка двумя руками. А до нее было принято рвать чашечки хлопка одной рукой.

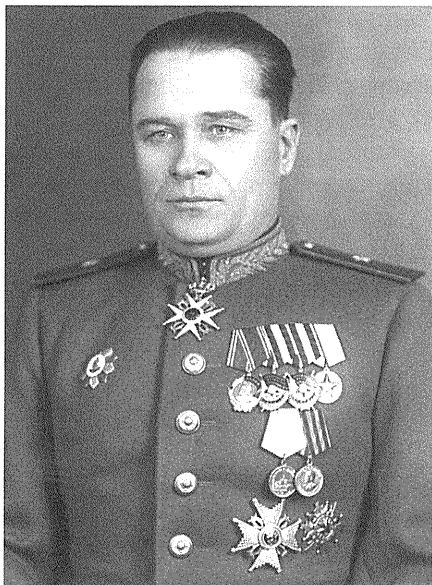
Много там было интересных слушателей и блестящих и интересных своей судьбой преподавателей.

Придя к власти, «гениальный» Хрущев расформировал институт и волевым решением прекратил его существование. Один факультет передали в институт иностранных языков — гражданский, другой — в разведшколу. Слава Богу, что мой отец уже ушел оттуда после третьего инфаркта, а то не пережил бы этого. Лет через 12 — 15 институт был восстановлен, даже на том же месте, в Лефортово, но кадры, методические разработки, классы — все было, как у нас умеют, разбазарено. Да что говорить, если в те годы Никита Сергеевич умудрился и Россию почти без хлеба оставить. Зато был кукурузный бум. Удивительно, как в одном человеке сочетались ум, даже остроумие и дурь. По количеству анекдотов в его адрес он мог сравниться только с Брежневым. А в то время, когда процесс сокращения армии был в разгаре, многие поминали его не добрым и не тихим словом.

Много дров наломала «Кузькина мать». Недаром памятник ему на Новодевичьем кладбище весьма философский: голова Никиты Сергеевича в обрамлении двух полуколец — белого и черного

По Москве ходил анекдот-загадка, после того, как Н.С. убрал маршала Жукова: «Что такое Жуков-носитель? Ответ — вывел Никиту на орбиту, а сам сторел». Да как хитро это было продумано. Жуков был то ли в Чехословакии, то ли в Югославии, точно не помню. Когда он возвращался и перелетел границу, по радио было сообщение о снятии Жукова с должности министра обороны и назначении его командующим округа в Свердловске.

Жуков помог Н.С. в его приходе к власти, а потом, когда министром обороны стал Гречко, говорили: «Пережили кукурузу, переживем и гречку».

*Начальник Военного института
иностранных языков Петр
Филиппович Ратов,
отец Е. П. Лавриненковой*

Закончилась война. В Москве начались строительные работы. Работали немецкие военнопленные. Строили и восстанавливали разрушенное. В Кубинке был отряд немцев, шло лагерное строительство. А в Москве расширение строительства на территории военного института. Строили тоже немцы.

Пишу и думаю, какой же мы народ — славяне. Только кончилась война, столько горя принесли нам немцы, как они относились к нашим пленным. Наверно, пятая часть слушателей и преподавателей потеряла кого-нибудь из близких. На фронте, в лагерях, на работах в плену. А у нас в Кубинке их

хорошо кормили, работали они по 8 часов, играли на губных гармошках, когда отдыхали. Разные среди них были люди. Некоторых сразу чувствовали, что сволочь, сколько наших погубил, не поняв всю преступность фашистского режима. И, если бы мог, снова пошел бы убивать. А некоторых жаль. Они часто к вечеру после работы или после обеда отдыхали недалеко от нашего домика. Знали, что я дочь начальника института. Им интересно было, как мы живем. Среди пленных был один, как мне сказали, военный врач. У него, видимо, дома остался сын. Как он смотрел на нашего Петеньку! Сколько тоски и боли было в его глазах. Думала, неужели и он мог убивать? В глазах стояли кадры из кинохроник, в сердце и душе — рассказы людей, переживших плен и оккупацию.

А мы... На территории института был магазин для слушателей и преподавателей. Пленные немцы получали какие-то карман-

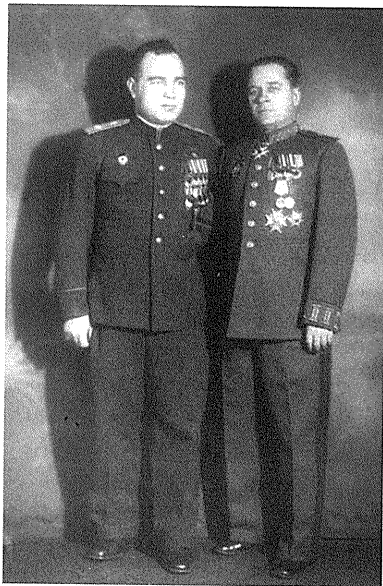
ные деньги за работу и заходили в магазин. В то время не было такого изобилия и разнообразия продуктов, как сейчас. Но сигареты, колбаса, печенье были всегда и дешевле, чем в городских магазинах. Никто их не гнал, не грубил им, не обзывал. Они сначала побаивались, а потом осмелели, подходили к прилавку и становились в очередь. Никто из наших вновь пришедших не лез вперед, Все по очереди. Немцы были потрясены и заискивающе улыбались.

Когда летом 1944 года пленных немцев везли по Москве, по Садовому кольцу, опоясывающему весь центр Москвы, москвичи стояли молча, гордо, но с такой болью и ненавистью в глазах и сердцах. Немцы шли колоннами. Впереди офицеры и генералы с наградами. В основном — армия Паулюса. По краям дороги стояли наши солдаты, чтобы, не дай Бог, не было никаких эксцессов со стороны жителей Москвы. Нет, не было. Но мне кажется, что наше молчание и наши глаза были страшнее всего. Вот пишу и все вижу вновь. В глазах слезы и какая-то дрожь от этих воспоминаний.

Я была в районе Калужской площади. Весь дипломатический корпус, находящийся в Москве, стоял ближе к центру. Немного дальше от нас находились представители французской военной миссии во главе с генералом Пети.

Среди пленных были эльзасцы — французы, воевавшие в немецкой армии. Прицепили себе французские кокарды и увидев французскую миссию, они стали кричать: «Мой генерал, мы не виноваты!». Но Пети, плюнув, отвернулся и сказал: «Предатели». Даже смотреть на них не захотел.

Генерал Пети — маленький седой человек с большой душой и большим патриотическим сердцем. Это он был представителем

В. Д. Лавриненков и П. Ф. Ратов

де Голля в Москве в 1942 году. Он приложил немало усилий для создания эскадрильи, а потом полка «Нормандия — Неман» — гордости французских ВВС.

В 1956 году он приезжал в Киев. В.Д. и я имели честь видеться с ним.

Квартира, которую дала нам Екатерина Фурцева, была маленькая. В двух комнатах — 27 метров. Микроскопическая кухня, коридорчик и ванная без ванны. Окна выходили на Смоленский бульвар. Там, почти напротив наших окон, проходили тренировки колонн слушателей Академии к парадам.

Мы с сынишкой, сидя на подоконнике, имели возможность смотреть, как наш папка ходил в строю и перед строем со знаменем, первоначально цепляясь шпорами, нога за ногу. Сентябрь, ноябрь в Москве дождливые, промозглые. И после тренировки В.Д. вместе с А.И. шли к нам на пельмени. А.И. — сибиряк и мог есть пельмени три раза в день. Отогреются они, поговорят, вспомнят фронтовые годы.

Часто приезжала Мария Кузьминична посмотреть на обоих Героев в шпорах и с саблями. Стоим у окна, смеемся, вспоминаем забавные случаи из их «не боевой» биографии. Особенно памятна нам была встреча Нового 1947 года. Решили встретить его с шиком. В районе Красной площади, напротив музея Революции было старинное здание гостиницы «Гранд-отель» с роскошным рестораном высшего класса. Дорого, но сердито. Ну, думаем, приобщимся к московской знати.

У А.И. уже был гражданский костюм, пальто и шляпа, а у моего В.Д. только трофейная шляпа, которая не лезла на его большую голову. Так он и пошел в летной форме с двумя звездами и орденскими планками. У нас с Машей тоже вечерних туалетов не было. Но выглядели мы неплохо. С нами был младший брат А.И. — Валентин, директор «Артека», тоже летчик и тоже в летной форме.

Приехали в ресторан, раздеваемся. Посмотрела на А.И. и тихо захихикала. Он без звезд, без орденских планок и только одна медаль «За победу над Германией» на лацкане черного пиджака. Маша только руками всплеснула и тихо протянула «Сааа-ша!».

Он ухмыльнулся, потер руки и говорит: «Пошли, братва». Зал на втором этаже. Лестница устлана ковром. Все в зеркалах и позолоте. Красота! Прошли в зал. Сразу к нам, точнее к звездам моего мужа, бросился метрдотель. Усадил нас за столик. Сидим, осматриваемся. Мы с Машей, конечно, разглядываем туалеты дам. Куда нам — «золушкам»? А мужчины — какое горячее на столе. Остались довольны.

Было уже часов 11. Все столики заняты, все блестит, сверкает. В зале тоже зеркала, лепка, позолота. Потолок высокий и колоссальная хрустальная люстра. Играла музыка, стараясь перекричать уже слегка подвыпившую публику.

Столик наш накрыт хорошо, красиво. В центре — ваза с фруктами. К вазе было привязано штук 5 цветных шариков, и они очень симпатично колыхались над нами приблизительно на метровой высоте. Официант все время крутился около нас и В.Д., не спуская глаз с его звезд. По залу прошел шепот: мол, Дважды Герой сидит.

Публика шикарная, дамы почти все в вечерних платьях с украшениями. А.И. сидел и с интересом разглядывал всех. Принесли шампанское в ведерке со льдом. Официант с шиком открыл его и наполнил наши бокалы. Может быть, нам показалось, но шампанское было вкусное и красиво играло в наших бокалах. Тогда для нас все было необычно. Моему В.Д. шампанское очень понравилось, и он, с удовольствием причмокивая, попивал его, а А.И. пил водочку. Сидит, молчит.

А официант все крутился около В.Д.. Валентин не выдержал такого невнимания к А.И. Подозвал к себе официанта и говорит: «А ты знаешь, кто это? Это сам Покрышкин!». Официант сразу не поверил, тогда Валентин достал из бумажника фото А.И. при всех регалиях. Официант обомлел. Побежал, как говорят, за кулисы — в раздаточную. Притащил откуда-то газету «Красная звезда», где было фото А.И. По залу пошел шумок. Стали подходить уже нетвердой походкой мужчины и дамы, цепляясь за стулья длинными платьями. Чокались, что-то говорили. А.И. рывкнул на брата: «Не дал спокойно посидеть, похвастаться надо было». И, чтобы как-то реализовать свою негодующую энергию,

стал поджигать ниточки, которыми были привязаны к вазе шарики. Ниточки загорались, обрывались, и шарики с горящими ниточками улетали вверх к красивому расписному высокому потолку. И когда огонь подбирался к шарикам, они с треском лопались. У нас их было штук пять, и салют был приличней.

Публике это понравилось, и шарики со всех столов полетели вверх. Кто-то шутя крикнул: «Салют Героям!». А Герои поняли, что пора уходить. Твердой походкой они вышли из зала. В.Д. пил все время шампанское, которое до войны и не пробовал. А на фронте — положенные «фронтвые» 100 грамм. В основном разведенный спирт. А тут попробовал.

Свалить его с ног шампанское не смогло, а подействовало совсем другим коварным способом. Стали спускаться по лестнице к раздевалке. Мы с Машей впереди, а наши мужья за нами. Вдруг слышим душераздирающее — ик, как будто бы из глубины желудка. Никогда такой икотки не слышала. Обернулась и вижу испугано-удивленные глаза моего мужа, закрывающего руками свой рот и от неожиданности даже слегка присевшего. Мы замерли. Молчание. Выпрямился и только перенес ногу на следующую ступеньку, опять такое же громогласное — ик. Мы с Машей еле удерживались от смеха. Стали бить его по спине, но ничего не помогало. И так он икал на каждой ступеньке, пока не спустились вниз, надеясь, что икотка прекратится. И она как внезапно началась, так внезапно и кончилась. Мы облегченно вздохнули, но В.Д. рукой еще продолжал зажимать рот и молчал. После этого он долгое время в рот не брал шампанского. Вышли на улицу — на небе звезды, снег искрился в лучах фонарей. Светились освещенные прожекторами Кремлевские звезды. Даже не верилось, что прошло лишь полтора года после страшной войны. Тишина, покой, красота и звон Кремлевских курантов.

В жизни нашей семьи дружба с семьей Покрышкиных оставила след на всю жизнь. Это были настоящие друзья. Горе постигло М.К. раньше, чем меня. В.Д. был так потрясен, что его забрала «скорая», и я поехала на последнее прощание сама с нашей общей с Машенькой приятельницей Т.С. Курилиной.

Встретил какой-то офицер с машиной и прямо в Дом Советской Армии, где лежал А.И. Я, зная, что не будет времени на покупку цветов, везла из Киева штук 30 потрясающих бело-снежных хризантем. Девушка, срезавшая мне хризантемы в оранжерее, удивленно спросила: «Куда вам столько?». Я ответила, что везу их лучшему летчику Отечественной войны. А она даже не знала, кто это, когда я назвала его имя. Мне стало так больно и обидно. Молодежь должна знать своих героев, отстаивших родную землю.

Когда мы вошли в зал с этой огромной охапкой хризантем, около гроба в почетном карауле стояли космонавты. Я положила цветы к ногам А.И. и подошла к М.К.. Она держалась хорошо, достойно памяти мужа. Рядом с М.К. был Петр Ефимович Шелест. Они жили в Москве в одном доме.

Потеря А.И. для нас была равносильна потере наших самых дорогих родственников. Прошли мы рядом почти всю жизнь. Первое время после Академии — в разных местах. Мы под Ро-

Мария Кузьминична Покрышкина и Евдокия Петровна Лавриненкова

стовом, А.И. в Ржеве. А потом один за одним. Даже квартиру А.И. мы занимали дважды. Часто вспоминали мы с В.Д. прилет А.И. в Сейму — летный центр корпусного значения, где переучивались летчики на новую реактивную технику, отрабатывали возможности ведения воздушного боя на новых самолетах. Это под Горьким.

Тогда еще в тех местах водилась стерлядка. Я наварила, нажала — все высший класс. Рыба во всех видах. А у А.И. времени почти не было. И все-таки перед отлетом они с В.Д. заскочили. Наспех перекусили, посмотрели на маленькую дочку Олю, на Петеньку и скорее в машину. Но денежную реформу, которая была в стране то ли в 1947, то ли в 1948 году, он все-таки успел мне припомнить. Тогда денег в стране было видимо-невидимо, часть фальшивых. Цены были астрономические. Решено было старые купюры обменять на новые. И так как на руках было много шальных денег, обменивали не все. Предположим, до 10.000 — один к одному, дальше — меньше, дальше — еще меньше. Нас с Машенькой это не волновало. Мы еле сводили концы с концами. Помню, на карточки по талонам в военторге покупала галоши, байку по «казенной цене», как теперь говорят, по цене производителя, и относила в комиссионку. Получала в два, два с половиной раза больше. Это выручало. Как-то принесла отрез байки, а женщина тут же в магазине отдала мне 300 рублей. Ей выгодно — дала без комиссионных, и мне — деньги сразу. А тут, смотрю, на прилавке очаровательные 5 маленьких тарелок французского фарфора, ажурные. Согрешила, купила их. Ложат у меня в горке до сих пор. Пришлось тогда выкручиваться с деньгами. В.Д. смеялся надо мной.

И у Покрышкиных было ненамного гуще. Так что реформа нам была не страшна.

В Москве — суета. Скупали люди все что нужно и не нужно. С раннего утра очереди в магазинах. Даже по Москве анекдоты ходили. Заходит мужчина в магазин, в канцелярский отдел. Все, что можно купить, уже раскупили. И он, поправляя пенсне, говорит продавцу: «Дайте мне кошечку, что стоит на третьей полке в углу». Продавец возмутился: «Как вам не стыдно, это не кошечка, а Семен Михайлович Буденный». Усы-то одинаковые!

Иностранцы посмеивались и фотографировали очереди. Была в Москве еще со времени войны английская газета «Британский союзник». Вот я вечером и звоню Покрышкиным, благо, учила английский, говорю с акцентом. Представилась корреспондентом «Британского союзника». «Мистер Покрышкин, как вы относитесь к событиям в Москве», — спрашиваю. Минутное молчание, потом: «Не понял». Я объясняю, говорю об очередях и о желании все более или менее приличное скупить. В ответ: «Не вижу, не знаю». Тогда вопрос, как говорится, «в лоб»: «Мистер Покрышкин, а как вы собираетесь использовать свой капитал?». В.Д. стоит рядом, закрыв рот, чтобы не разразиться хохотом. Капитал у нас одинаковый — нулевой! В ответ невнятное мычание, а у меня уже тоже нет сил, душит смех. Я вежливо поблагодарила и повесила скорей трубку. И мы с В.Д. хохотали, представляя себе выражение лица А.И.

На следующий день, когда В.Д. вошел в аудиторию Академии, слушатели бурно обсуждали события, связанные с реформой. Обсуждали ехидное поведение бывших союзников, старавшихся взять интервью и сделать различные фото. У некоторых, как и у нас, ничего не было, но пару человек побаивались. Денежки были за счет проданных «трофеев».

А.И., насупившись, сидел за столом и промолвил: «Мне вчера одна из газеты звонила». И не успел он продолжить, как В.Д. говорит: «Мистер Покрышкин, как вы собираетесь...». Но не успел В.Д. закончить, как А.И. вскочил и говорит: «Дунька — стерва. Ну держитесь — отомщу!». И отомстил в самый неожиданный момент. В.Д. было очень трудно высиживать лекции, именно высиживать. У него как будто двигатель в одном месте. Долго сидеть не мог. Он ерзал, раскачивался на стульях, вроде менял положение. Они с А.И. сидели в конце класса за одним столом. Столы высокие, рассчитанные на рост «победителей». И на уроке дорогой «тычи» В.Д. плавно раскачивал стул на задних ножках. «Тыча» задала вопрос по-английски и попросила В.Д. ответить. Только он хотел подняться, А.И. — ногой по задним ножкам стула, и В.Д. плавно сполз под стол. «Тыча» от неожиданности спросила по-русски: «Лавриненков, вы куда?».

И после мы, шутя и со смехом, вспоминали академические годы.

Генерал, возглавлявший прилетевшую группу, задавал, возмущаясь, вопрос: «Покрышкин где?». И отдал приказ взлетать. Но командир корабля тянул время. Тихо двигаясь, развернулся и повел самолет к взлетной полосе. Увидев мчавшийся автомобиль, остановился. Второй пилот быстро открыл дверцу ЛИ-2 и выбросил трап. А.И. проворно вскочил в самолет, держа в руках сверток с парочкой стерлядок для Маши.

Сейчас пишу это, улыбаюсь и вспоминаю описание побега генерала де Голля из Франции. В 1946 году в Советском Союзе были изданы 6 томов истории Второй мировой войны Уинстона Черчилля. Там он описывает побег де Голля. Это было после подписания 20 июля 1940 года правительством Петена, находящимся в Виши, акта о капитуляции Франции. 18 июля Шарль де Голль обратился к французскому народу по радио. Он сказал: «Франция проиграла сражение, но не проиграла войну». Немцы вошли в Париж, а де Голль за призыв продолжать борьбу был приговорен правительством Петена к расстрелу. Иностранцы представительства покидали Францию. Де Голль провожал английскую миссию. Самолет английского генерала Спирса медленно двигался по взлетной полосе, а высокий генерал де Голль шел рядом с самолетом, пожимая протянутые в открытый люк руки. И тут неожиданно десяток рук, подхватив генерала де Голля, втаскивают его в самолет, дверца захлопывается, и самолет, набирая скорость на взлетной полосе, взлетает, увозя с собой де Голля, позднее ставшего во главе комитета «За освобождение Франции». Вот так устроена жизнь, и так неожиданно всплывают воспоминания.

Незадолго до смерти М.К. я получила от нее книгу воспоминаний о любимом человеке и друге «Жизнь, отданная небу». Надпись: «Приношу тебе свой скромный дар памяти о моем Саше. Благословляю судьбу за нашу с тобой и Володей дружбу длиной в жизнь... Твоя Покрышкина».

«Длиной в жизнь» — это и много, и мало. Нам с ней мало. Мало той жизни бурной, с волнительными ожиданиями с полетов, с большой ответственностью наших мужей перед Родиной и людьми за свой труд. Покрышкин и В.Д. приехали с фронта без трофеев. В.Д. привез тросточку, которую подарил моему отцу, шляпу, которая не лезла на его крупную голову, и подарок командующего — машину «Опель-капитан» серого цвета, за которую потом заплатили в Московском округе при получении прав на нее. Заплатили старыми деньгами 5000 рублей. Фронтной водитель В.Д. Вася Погорелов подарил командиру радиоприемник да из-под Берлина послал родителям В.Д. в Смоленск пару гобеленов на стену, 6 вилок с ножами и 6 столовых ложек. Наверное, думал, что они серебряные, а они только посеребренные. Две вилки с ножами и две ложки мама отдала нам при нашем первом совместном приезде в Смоленск. У Покрышкиных тоже трофеев не больше. Почти ничего. Ни хрустала, ни фарфора, ни одежды. Красивая хрустальная ваза появилась у них в доме после рождения сына — Сашеньки. Ее подарил в честь такого события маршал Судец, в армии которого А.И. был на фронте.

А в квартире, как и у нас, почти пусто. В детской — Светочкина кровать да портреты Маши, А.И. и маленькой Светочки. В спальне — кровать и тумбочка. В столовой — почти пусто.

И у нас старая железная кровать да на кухне столик, пара стульев. Разрешили А.И. и В.Д. купить мебель на складах Московского округа. Мебель вывозилась из Германии по репарациям. А.И. досталась приличная мебель, а мы еще не имели квартиры и брать было некуда. А когда появилась квартира, остались на складах поломанные, немудреные вещи. Но и это была радость. Купили кушетку без ножки, письменный стол со сломанным ящиком, буфетик с выбитым стеклом, тумбочку (ура!) целую, стулья с шатающимися ножками и шкаф, весь развалившийся. Когда привезли, я просто растерялась. Но В.Д. гордо сказал: «Я ведь все-таки столяр». И кое-как сколотил с помощью дворника нашу «импортную» мебель. А потом купили пианино, сделанное на хорошей дипломированной фирме, но оно плохо держало настройку. В.Д. пианино очень понравилось. С молодым летным

задором решил освоить фортепианное искусство. Благо, моя мама была не только хорошей актрисой, но и неплохой пианисткой.

Но не тут-то было. Самолеты оказались понятней, а на гаммы и нотную грамоту терпения не хватало.

Вот так мы и обставились. А все вокруг думали, что Покрышкин и мы чуть ли не миллионеры. Часто получали письма, иногда даже забавные. Просили деньги на корову, а кто и на машину. Популярность героев в те годы была очень велика. Надо было иметь моральную и душевную стойкость, чтобы удержаться от всяких соблазнов. Но они оба удержались.

Их лепили скульпторы, рисовали художники, брали интервью, иногда лишь бы познакомиться, писали о них книги, приглашали на встречи и просто в гости.

Они прошли огонь и воду, смогли пройти и медные трубы.

Как-то нас с В.Д. пригласили в редакцию газеты «Сталинский сокол», была такая. Там устраивались литературные понедельники. Приглашались интересные люди, в основном связанные с авиацией — конструкторы, первые довоенные Герои, испытатели и молодые Герои Великой Отечественной войны. Там мы познакомилась с Георгием Филипповичем Байдуковым — соратником Валерия Павловича Чкалова.

Помнит ли, знает ли сейчас молодежь знаменитый экипаж — Чкалов, Байдуков, Беляков? Они первые в мире совершили перелет в Америку через Северный полюс.

Георгий Филиппович был сердечный и внимательный к людям человек, не говоря о том, какой он был интересный собеседник. Много знал, много видел. Общаться с ним — одно удовольствие. Наш интеллектуальный багаж с В.Д. всегда пополнялся. После смерти В.Д. Байдуков прислал мне не одно письмо, за что я ему очень благодарна. Бывали в редакции Ольга Эразмовна Чкалова и ее сын Игорь. Честь и хвала Байдукову, настоящий друг. Как много помогал он Ольге Эразмовне, когда она осталась одна. Игорь был непростой парень.

Посмотрев на нас с Володей, она сказала: «Трудно будет тебе, девочка. Берегите друг друга! Около славы трется много дешевых людей — ненастоящих. Научитесь отличать лесть». Она через все это прошла.

Часто вспоминаю ее слова. А жизнь продолжалась...

По Указу правительства на родине Дважды Героев еще при жизни устанавливали бронзовый бюст. Вот и начал лепить для Смоленска бюст В.Д. чудесный человек и скульптор Оленин. Бюст очень удачный, сходство поразительное. Стоит он на высоком постаменте, как будто бы хочет быть ближе к небу.

Деревня, где родился В.Д., была полностью сожжена немцами, и бюст решили установить в районном центре Починок, где находился авиационный городок. Деревня — родина В.Д. — называлась Птахино. А вылетел из нее Сокол-17. Сокол-17 — это позывной В.Д. на фронте.

Как-то пришли мы к Ленину, а его мастерская была рядом с мастерской Веры Игнатьевны Мухиной. Ее скульптура украшает начало всех кинолент Мосфильма.

Подвел он меня к В.И. и говорит: «Вам надо русское женское лицо? Вот оно». Вера Игнатьевна улыбнулась. Весь вечер наблюдала за мной, а перед уходом сказала, что ей очень бы хотелось

Возле бюста Дважды Героя Советского Союза В. Д. Лавриненкова в райцентре Починок на Смоленщине с родными и близкими

взять меня как натуру для задуманной ею скульптуры — молодая женщина с голубем. В.Д. промышчал что-то нечленораздельное, а дома сказал, что он кончает Академию, скоро надо уезжать и меня в Москве не оставит. Я, вздохнув, согласилась. Его желание — для меня закон. Семья всегда должна быть вместе.

Сейчас, сидя за обильным столом, нередко вспоминаю, как с Олениным мы зашли к его другу, тоже скульптору. Сидим, разговариваем, а хозяйка волнуется. Вроде бы гости пришли, угостить надо, да нечем. Поставила на стол несколько картошек и одну небольшую селедочку. Растянула ее на селедочнице маленькими, тоненькими кусочками. И хлеба по два кусочка на человека. А мы сейчас не умеем беречь хлеб и все, что нам дает наша земля.

В конце 1947 года В.Д. выдвинули кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР от Смоленского сельского округа. Началась предвыборная компания. И мы с мужем едем в Смоленск.

С отцом мужа Дмитрием Федоровичем я уже была знакома. Он приезжал к нам посмотреть на невестку, внучонка, как живет и учится его сын, чтобы потом рассказать все матери Клав-

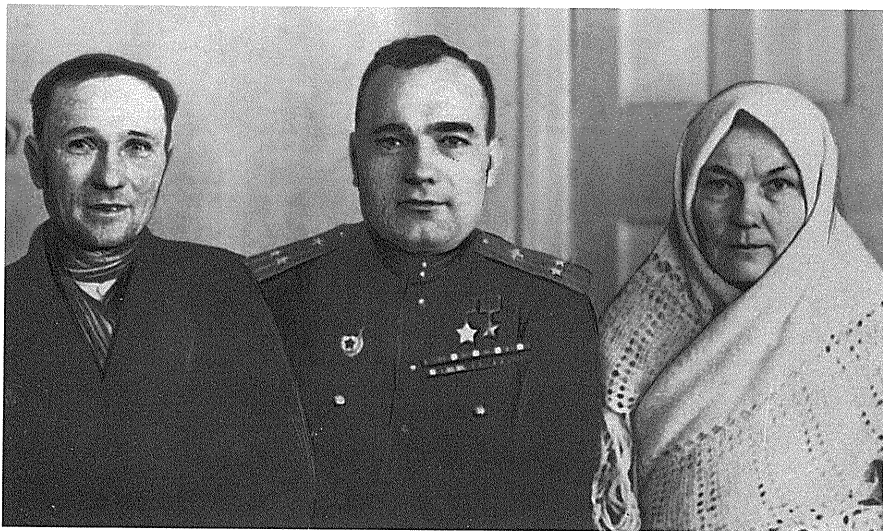
Здесь была деревня Птахино. Возле сожженного домашнего очага

Первая поездка в Смоленск

дии Тимофеевне, которая не могла приехать, не могла оставить хозяйство. А хозяйство большое — дом, куры и главное достояние — красавица корова, которую и звали Красотка. Действительно хороша была. Чистая, гладкая, с большими темными глазами. Она давала чудесное молоко, которого мы давно не пили. Мама гордилась Красоткой, снабжала молоком соседских детишек и немного продавала. Это помогало пополнить бюджет семьи. Мы с В.Д., когда поженились, сразу начали помогать его большой дружной семье. Мама отказалась. Мы стали помогать старшему брату Жоре, больному туберкулезом. А потом, когда он стал хорошим портным и прилично зарабатывал, стали отсылать деньги маме и отцу и делали это до последних дней их жизни.

Первая встреча с родными. Большая, дружная и работающая семья. Конечно, я волновалась — как примут меня сестры, братья, мама? Три сестры и три брата, с моим мужем семеро детей. Семерка — счастливое число. Правда, одного брата не удалось повидать. Он проходил военную службу на флоте.

*В. Д. Лавриненков с отцом Дмитрием Федоровичем
и мамой Клавдией Тимофеевной*

Вся семья жила в доме, построенном по Указу правительства. Для семей Дважды Героев Советского Союза строили дома на их родине. Так как деревня, где они жили перед войной, была вся сожжена, решили строиться в Смоленске. Да и братьям и сестрам надо было учиться и работать. У меня на всю мою жизнь и после смерти В.Д. сохранилась дружба с родными, особенно с сестрами.

Мама удивила и порадовала меня своей добротой и счастливой хлопотливостью. Как же, приехала первый раз невестка в дом! Жена ее дорогого сына, ее гордости. Необычайно колоритна была ее речь — смесь русского, белорусского и украинского. Читая с В.Д. воспоминания Людмилы Гурченко о ее жизни и любимом «папусике», мы оба почувствовали схожесть речи.

Мама не знала, чем нас накормить. Была в кадушке солонина, домашняя колбаса, сделанная мамиными натруженными руками, необычайно вкусная. Мне кажется, что мы и до, и после такой не ели. Сало, яйца, молоко, сметанка, творог. Что еще надо?

А под лестницей, идущей внутри дома на второй этаж, стояла наша мечта — кадка с квашеной капустой. Как мама солила ее! От нее мы не могли оторваться. Мама все хотела повкуснее нас накормить, а мы, как козлы — на капусту.

В комнате, самой большой, которую все называли залом, мама с гордостью показала мне буфетик, сделанный любимым сыном, когда он столярничал. Это вселило в меня надежды, что он будет хорошим хозяином. Но увы, штурвал он держал в руках лучше, чем молоток! Все гвоздики в доме забивала я. А отец В.Д. хорошо плотничал. Когда строили дом, большую часть работы сделал он сам вместе с бригадой.

Дом находился в центре города, за чудом уцелевшим театром. Там вниз к Днепру, как бы в овраге, шла небольшая улочка с крутым спуском к реке. Машине вниз не проехать. Большие дома там строить нельзя, и начали осваивать эту улочку-овраг бездомные смоляне, имеющие хоть какую-нибудь финансовую возможность строиться. Конечно, с разрешения городских властей.

На углу за театром музей знаменитого скульптора смолянина Коненкова. И наша улочка стала носить его имя.

Дом вроде бы в центре, а вокруг как деревня. Только где-то вверху возвышалось здание театра, немного изувеченной войной, но, к чести смолян, хоть как-то приведенное в порядок. Около каждого домика оградка, садик, огород. У кое-кого куры, поросята, козочки. А у наших — дорогая Красотка, которая чинно шествовала летом по городу рано утром туда, где можно было найти травку. Мама выводила ее за ворота, а там пастух, которого

*В. Лавриненков — курсант
Чугуевского летного училища*

нанимали счастливицы — те, у кого была кормилица, собирал их и выводил на окраину города. А где окраина — трудно понять. Все еще разбито — землянки, приведенные в порядок дома, где хоть как-то можно было жить, и самостройки.

А вечером мы собирались в «зале» всей семьей, и начинались воспоминания. Мама рассказывала о В.Д.: «Непоседа был! Если внучок пойдет в него, тогда держись! Но был работающий, любил лошадей. Пас их, запрягал в повозку, перевозил навоз, сено. А когда кончал работу, распрягал лошадь и несся галопом на пастбище. Зимой помогал по дому. Носил воду, пилил дрова. Учился В.Д. в деревне Станково. Кончил семилетку и поступил в ремесленное училище, которое находилось в семи километрах от Смоленска. Общежития не было. Жил у родственников — тети Поли и дяди Михода. Было у них три сына. С войны никто не вернулся. Добрые, хорошие люди.

На выходной день В.Д. приезжал домой в деревню Птахино, что километрах в 50 от Смоленска. На полустанке поезд не останавливался, и ему приходилось прыгать на ходу. Часто ездил «зайцем», так как денег на дорогу не было. А умение прыгать с поезда на ходу пригодилось, когда бежал из плена.

Кончил училище, работал плотником. Мечта — аэроклуб. Поступал два раза. Первый раз не приняли, ростом маловат. Мама смеется, «Но, — говорит, — упрямый был, своего всегда добивался. А цыганочку как танцевал!», — у мамы даже глаза зажглись и руками всплеснула от воспоминаний. Кончил аэроклуб, потом Чугуевское училище. И явился домой в летной форме к восторгу всей большой семьи. Привез фотографию в полный рост. В хате ее повесили на стенку. А во время оккупации в доме на пару дней поселился немецкий офицер. Долго рассматривал фото, а потом нацелился пистолетом, но Лида и Валя — сестры вместе с мамой закрыли фотографию собой. Уберегли ее, и им казалось, что они и своего Володьку уберегли.

Я слушала все рассказы, буквально раскрыв рот. Ведь мой дорогой был очень скромнен в рассказах о себе.

О нем узнавала больше от других. Даже сейчас, когда его нет уже 19 лет, иногда совсем незнакомые мне люди что-то интерес-

ное расскажут о встречах с ним, и почти всегда с благодарностью его вспоминают.

Сколько было рассказов и радостных, и печальных. Вспоминали, как, погрузив на корову свои пожитки, пытались уйти от немцев, но не успели.

А потом, с блестящими от радости и возбуждения глазами, сестра Лида рассказывала, как В.Д. после плена, получив отпуск на 10 дней, прилетел в деревню, где тогда жила семья. Смоленск освободили 25 сентября 1943 года.

В октябре, когда уже готовились к зиме, Лида с ведрами подходила к хате и увидела, что кружит самолет и летчик машет рукой. Она тоже помахала рукой. А через несколько минут прибежала двоюродная сестра и кричит: «Это Володя прилетел». Лида рассказывала, волнуясь и смеясь. Говорит, что ведра выпали из рук, и вся облилась холодной водой, бегала по сеням и не знала, что делать. Вскоре появился и сам Володя. Самолет ПО-2 посадили прямо на лугу возле деревни.

«А меня дома не было, — вступила в разговор мама, — но как сердце подсказывало, что надо ехать домой». И когда ей сестра Валя сказала, что Володя прилетел, чуть не упала от радости. Папы не было. Он был в Красном Бору под Смоленском, где формировалась воинская часть для отправки на фронт, мама ездила к нему.

В.Д. попросил у кого-то лошадь и поехал в Красный Бор. Часть уже готовилась к отправке, но командир дал отцу отпуск, радости не было конца.

Когда В.Д. уезжал, его провожала вся деревня. Почти все, кто остался. Рядом стояла артиллерийская часть, пришли все, кроме тех, кто был на дежурстве. Нашлась у кого-то родная гармонь — подруга и в горе, и в радости. Володя, говорила сестра, отплясывал свою коронную цыганочку. А когда стали расходиться, кто-то сказал: «Молодец, хорошо воевал, раз Героем стал». Мама только сейчас увидела, что у него Геройская звезда. В радостной суматохе и не заметила.

Я слушала и ясно себе представляла, какая же была радость в семье.

С сестренкой Нагей

В.Д. удалось добиться разрешения, чтобы отца перевели в их полк. Там он и был как бы денщиком у собственного сына. И когда В.Д. улетал на боевое задание, отец сидел на аэродроме и ждал, ждал, вернется ли сын.

А потом по годам к концу 1944 года его демобилизовали и отправили домой на Смоленщину. Вот сколько я узнала о своем муже, о своей новой большой семье — семье В.Д.

На следующий день В.Д. повел меня по Смоленску. Грязный, ободранный, разбитый, многострадальный Смоленск. Сколько раз отражал он врагов! Татары, монголы, поляки, немцы, французы...

От большой стены, окружавшей город по типу Московского Кремля, осталось немного... После войны ее удалось восстановить. И стоят эти стены, как памятник героизму смолян. Строили Смоленский Кремль по указу Бориса Годунова. Назвали эту стену, окружающую весь город, «Ожерельем всей Руси»,

а сам Смоленск называли «Ключ-город». Это название издавна характеризовало историческую роль города в защите Отечества. Через него прошли Батый, поляки, Наполеон. Город все выдержал.

Повел меня В.Д. на Блонью. Там на углу висели часы, точнее, то, что от них осталось — один круг и кусочек циферблата. В.Д., смеясь, сказал мне, что здесь назначал свидания девчонкам, и, прищурившись, спросил: «Не ревнуешь?». Я фыркнула.

А люди шли навстречу усталые. По лицам видно — голодные. В основном в телогрейках, ушанках, платках. Ноги в матерчатых бурках. У кого галоши на них — хорошо. Часто на улицах встречались коровы и козы, которых прутиком гнали ребятишки.

Прошлись по парку в центре города, и повел меня В.Д. к смоленской тюрьме. Место для моего мужа памятное. Здесь до войны он отсидел несколько недель за участие в драке в клубе перед ноябрьскими праздниками. В этом была усмотрена крамола. Уж не знаю, чего стоило отцу добиться освобождения сына и доказать, что не он затеял драку, хотя участвовал в ней.

С сестрами мужа Лидией и Валентиной

А потом после войны неожиданное письмо от заключенных, сидящих в той же камере. Так что тюрьма вроде бы гордилась, что в этой камере отсидел перед войной за хулиганство паренек, ставший Дважды Героем Советского Союза. Просили помочь, что В.Д. и пытался сделать.

Смоленщина запала мне в душу не только, как родина мужа, но и как настоящий русский город со своей историей, радостями и бедами. Он очень живописный. Летом зеленый, зимой заснеженный. Правда, погода там не балует жителей. Солнышко не очень частый гость. Да и земля небогатая — серозем, глинозем. Но все это согрето сердцем и душой смолян, умеющих ценить все, что им дает земля.

И Днепр... В Смоленске еще не такой могучий и полноводный, как на нашей Украине. Но это Днепр! Он как будто бы связал две части жизни В.Д. — юную и зрелую. А на горе над Днепром Бог весть как уцелевший собор с иконой Божьей матери Одигитрией — покровительницей Смоленска. И она отсюда сверху как бы благословляет и защищает своих смолян.

В гостях у земляков

Среди учеников смоленской школы

У меня дома стоит маленькая иконка Одигитрии. Я купила ее пару лет назад при посещении собора. Когда я куда-то еду или иду и мне трудно — она со мной.

История иконы необычна. В 1046 году греческий император Константин благословил этой иконой дочь свою Анну, выдавая замуж за черниговского князя Всеволода Ярославовича. Икона сопровождала царевну Анну из Царьграда в Черниговское княжество. Отсюда икона получила название Одигитрия. Иконе молятся о сохранении и помощи в пути. Когда икона попала в Смоленский собор, не знаю, но потом она пропала, а годах в 1700-х была восстановлена и снова в золотом убранстве заняла свое место в Смоленском соборе. Говорят, что оригинал где-то в частной коллекции.

Во время войны с Бонапартом в 1812 году Кутузов благословил этой иконой русские войска, находящиеся в районе Смоленска.

История города и собора очень интересны, но тогда почти весь город был так разбит, что больно было смотреть.

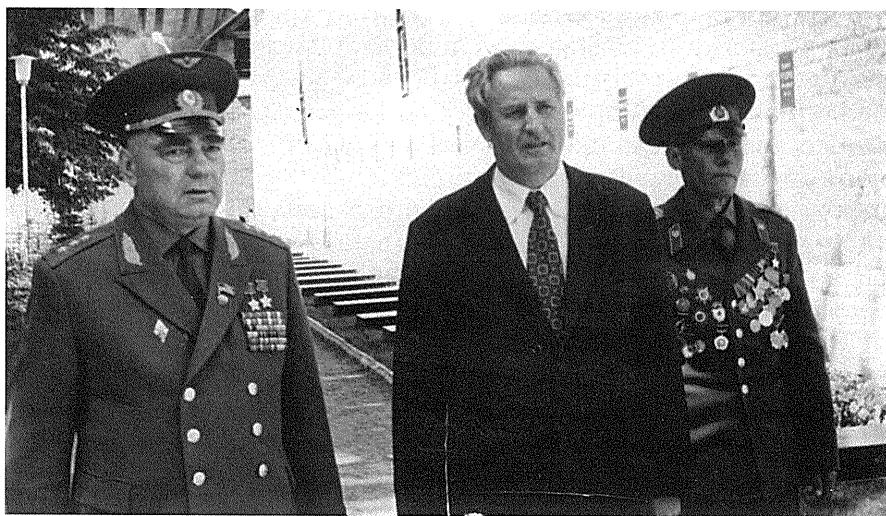
У нас так повелось в семье, что мы почти каждый год навещали родных, помогали им чем могли. Видели, как поднимался и хоро-

шел город. Многое для города сделал бывший тогда секретарем обкома И.Е. Клименко, человек, влюбленный в Смоленщину, ее историю и ее знаменитых земляков.

Все памятные места Смоленска вновь засверкали своей красотой.

В один из приездов В.Д. встретился с Егоровым, который вместе с Кантария водрузил знамя над рейхстагом. Маленький, сухонький простой человек. Грузины были очень горды и внимательны к Кантария, а Егоров так и не нашел себе настоящего места в жизни. Мы уехали и узнали, что через пару недель после нашего отъезда, как раз 22 июня, в годовщину начала войны, Егоров погиб, попав в автомобильную катастрофу. Хоронили его возле Смоленской стены, остатки которой находятся рядом с музеем «Смоленщина в годы войны».

Этот наш проезд был связан со съемками Киевской киностудией документального фильма «Пять песен о коммунистах». Фильм состоял из 5 небольших новелл. Одна из них посвящена В.Д.. Все новеллы о людях труда — Гиталов, Тимошенко — хирург, Микитенко — сталевар и Байда — Герой Советского Союза, бывшая разведчица.

В. Д. Лавриненков, И. Е. Клименко и М. А. Егоров возле Смоленской стены

Интересна, волнующа судьба этой севастопольской девушки. На 22 июня 1941 года была назначена свадьба с любимым, который был военным моряком. В первый же месяц войны он погибает на своем катере. Невеста уходит в армию. И на севастопольской земле, наравне с мужчинами, она ходила в разведку. Ей был знаком и штыковой бой, рука ее не дрогнула. За мужество она удостоена звания Героя Советского Союза.

Кончилась война, и она, как и все, восстанавливала свой родной Севастополь. Пошла работать. Замуж так и не вышла. А работала как вы думаете, где?

Во дворце бракосочетаний. Благословляла молодых на счастливую жизнь, на любовь, которую она потеряла в первые дни войны.

Высокая, красивая, с косой, уложенной на затылке, и с Золотой Звездой на груди. Такой я увидела ее на параде в День Военно-морского флота, когда она шла во главе колонны военных моряков при знамени Черноморского флота.

Фильм был удачный и в качестве подарка был отослан Фиделю Кастро. Говорили, что ему очень понравился, и он интересовался судьбой героев.

В.Д. в конце 70-х годов был удостоен звания «Почетный гражданин Смоленска».

В. Д. Лавриненков – «Почетный гражданин Смоленска»

Памяти выдающегося поэта
и земляка

Награждение Смоленска орденом Ленина, а потом Золотой Звездой мы восприняли как личную радость. Во время всех торжеств в Смоленске старались быть с земляками. И когда в деревне Загорье Починковского района Смоленской области был заложен камень на месте, где была усадьба родителей поэта Твардовского, мы тоже были там.

В.Д. и Твардовский из соседних деревень и еще мальчишками хорошо знали друг друга. Когда в сорок пятом, в свой первый после войны приезд в Смоленск, В.Д. встретил Александра Трифоновича, оба обрадовались. В.Д. повел его на маленькую улочку над Днепром, где строился наш дом. Отец что-то забивал, а когда В.Д. спросил его, с кем он пришел, оторвался от работы и улыбаясь сказал: «Не знаю кто, но кто-то из Твардовских, такой же лобастый». А порода у Твардовских была сильная. Все сыновья работающие, большие, лобастые. И не какие они не богачи были, не кулаки — просто трезвая работающая семья.

А пока был разбитый, голодный Смоленск, ютящиеся в полуразрушенных домах жители...

В.Д. баллотировался от Смоленского сельского округа. Начались поездки по селам.

Нищета нищетою, дороги разбитые, грязь непролазная... Но люди жили надеждой на лучшее, ведь кончилась война! А что было страшнее ее?

В.Д. за эти поездки насмотрелся, наслушался горя, которого хватило бы не на одну жизнь. Решал, чем и где надо помочь. Недаром он так любил Симонова: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины». И он запомнил навсегда то, что видел сразу после войны. Раньше я не думала, что он так глубоко мог чувствовать стихи.

Теркиным зачитывался. Смеялся, читая мне вслух особенно понравившиеся места. Это было родное, понятное. А потом стал понимать, чувствовать больше и глубже и разностороннее творчество Твардовского.

Просто болтовни не любил. Любил глубокие мысли и содержание. Любил и хотел что-то почерпнуть из прочитанного. Пустая лирика со вздохами и без мысли была ему чужда.

Очень любил серию «Жизнь замечательных людей».

Любил борьбу человеческой мысли за знание, правду и историю. После поездки по колхозам был у секретаря обкома. Решали вместе вопросы помощи людям. Вопрос трудный. Мало кому было хорошо на Смоленщине в те годы. Но, что можно было, делали.

А потом собрались дома. «Городская», как сказала обо мне мама, готовила для приема гостей. Помню, тушила курицу, мясо приготовила, картошку, домашнюю колбасу маминого производства и главное — мамина капуста! С лучком, сахарком и олией. Даже сейчас ощущаю вкус этой капусты. Решила сделать салат оливье — городскую достопримечательность. Майонез в Москве уже бывал, а в Смоленске им и не пахло. А мама и не знала, что это такое. Все порезала мелко, мама стояла, смотрела. А чем заправить? Решила сама сделать что-то вроде майонеза, благо, были горчица, сметана, олия и от маминых курочек яйца.

Сделала вроде бы вполне съедобно. Мама ходила рядом. Смотрела, охала и качала головой, а в конце сказала: «А Боже ж мий, невже ж дерьмо такое есть будут?». У меня руки и опустились. «Ну, — думаю, — отличилась невестка перед свекровью и гостями». Жду гостей с замиранием сердца. Каково же было удивление мамы, когда салат был съеден весь и женщины спрашивали, как делать такой а-ля майонез. Мама развела руками и сказала: «И чего это в городе не едят, изголодались бедные». А я так и не знаю, изголодались или действительно понравилось. Думала, а вдруг это так же, как с моим шашлыком дома. Знала, что В.Д. очень любил шашлыки. Не раз они с А.И. Покрышкиным заходили в знаменитый ресторан «Арагви» полакомиться шашлыч-

ком. Я решила отличиться. Вычитала в поваренной книжке, что можно шашлык делать на палочке, на сковородке. Купила хорошую баранину. Зная, что В.Д любит все острое, постаралась. Приходит он после занятий — я сияю. Гордо подала аж три палочки шашлыка. Запах божественный! Потер мой муж руки от удовольствия, попросил рюмочку водочки под шашлычок, выпил, крякнул и откусил первый кусочек. Вижу — глаза на лоб лезут, но ест и на меня посматривает. Я забеспокоилась и тоже кусочек в рот. Такой пожар от перца во рту, хоть водой заливай. Но муж, недаром ведь Герой, все героически съел.

А в еде он был неприхотлив, но очень любил щи из кислой капусты. Что и как я не делала, все не так. Никак не могла понять секрета смоленских щей, таких густых, что ложка стояла. Попросила маму сварить щи, а сама подсматривала. Оказывается, вся изюминка в том, что там солонина свиная. Она и придавала особый вкус. В Москву мы уехали, конечно, с солониной, и я с гордостью кормила мужа смоленскими щами.

Подружилась с его сестрами Валею, Лидой и маленькой Надюшей. Этой дружбе мы верны до сих пор. Валя и Лида рассказывали мне о брате, какой он был непоседа, как хотел стать летчиком. Как научился у цыган стоящего около их села табора танцевать цыганочку. Я потом не раз видела эту цыганочку. Особенно у него был хорош выход. Закинет руки за голову, как-то красиво ими слегка шевелит, выстукивает ногами, хлопает руками по голенищу и движется в круг под музыку. А если партнерша, танцующая цыганочку, еще и заводная, тут уж он развернется в полную меру. Все это словно вижу сейчас.

Чувствовала, что понравилась родным, да и у меня было на сердце тепло, словно вошла в свой родной дом.

Особенно теплыми были вечера, когда собиралась семья и начинались воспоминания. Все просили В.Д. рассказать о том, как воевал, как попал в плен. Я слушала и все больше узнавала о нем. Он был очень скромный. О своих боевых заслугах мало говорил, больше говорил о друзьях. Но тут все-таки разговорили его. И пошел рассказ о самых трудных днях его жизни. Начал как бы запинаясь, а затем все больше входил душой, памятью и сердцем

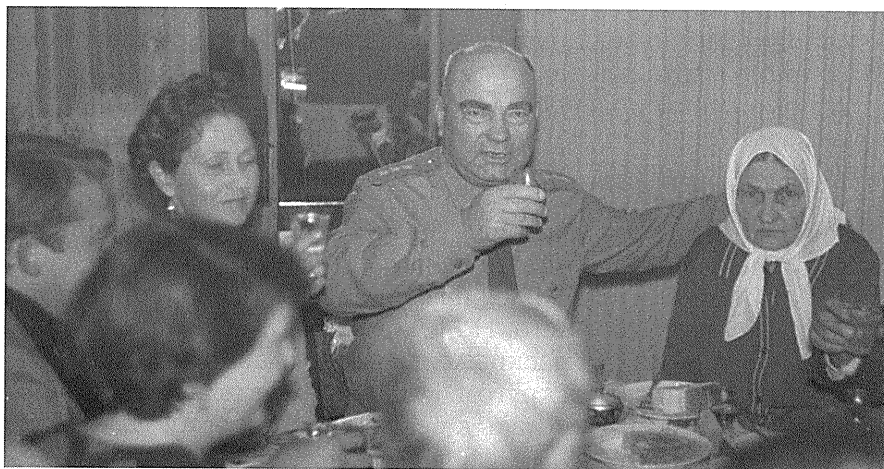
в те прошлые страшные дни.

«В августе 1943 года полк стоял в районе Ростова», — начал В.Д.. В один из дней механик должен был проверить его ЯК и устранить неисправности. Вдруг вызывает командир полка Морозов в штаб и говорит, что звонил командующий и приказал лично ему сбить разведчика-корректировщика «Фокке-Вульф-189», так называемую «раму», которая вела съемки наших позиций над передним краем обороны. Вылетели две пары: летчик Тарасов со своим ведомым и В.Д. со своим ведомым Плотниковым. Линия фронта проходила в районе Матвеева кургана.

Тут, над линией фронта, Плотников, обладавший очень хорошим зрением, заметил «раму». Самолет сложный — два фюзеляжа, соединенные одним центропланом и стабилизатором. Он действительно был похож на раму. В.Д. никогда раньше не при-

Наша «городская»

В родном доме

ходило столкнуться с этим самолетом. Экипаж самолета состоял из трех человек, включая стрелка.

«С виду самолет кажется неуклюжим, — рассказывал В.Д. — Я думал, что собью его с первой атаки, если подойду на близкую дистанцию. А «рама» вдруг начала удирать, да каким-то незнакомым маневром, словно сползала по спирали». В.Д. энергично и здорово показывал руками, как уходила «рама». «Я бросился за ней, — продолжал с азартом В.Д., — «рама» вроде бы в прицеле, но — мимо. Она уходила со скольжением из-под обстрела и тянула нас с Плотниковым на свою территорию. Я вел бой на машине комполка Морозова — «кобре» под номером 01, но вдруг услышал в наушниках «Сокол-17, я Вас не узнаю». Я понял, что это — командующий 8-й армией и он знает, что в самолете 01 — семнадцатый. Я включил передатчик и, как говорится, войдя уже в раж, ответил: «Сейчас узнаете». Осмотрелся и понял, что только с очень близкой дистанции я смогу сбить «раму». Было не по себе, да и перед командармом стыдно. Я уже сбил 26 самолетов в бою, а сейчас вдруг промазал.

До «фокке-вульфа» оставалось метров 50 — 70. Я выдержал еще секунду и включил все огневые средства. Трассы прошили оба фюзеляжа, стрелок не ответил, значит, убит. Но «рама» летела — летчик жив. Ну, думаю, гад, я ж тебе сейчас врежу. Решил обойти «раму» и дать залп с другой стороны. Но мой самолет развил такую большую скорость и я подошел уже так близко к «раме», что, дав залп, не успел отвернуть в сторону. И в этот момент крылом своего самолета задел хвостовое оперение «рамы». От сильного толчка грудью ударился о ручки управления. Сильно ударился, даже потом кровью харкал; головой тоже ударился. Одно крыло моей «кобры» отвалилось, и самолет с одним крылом, переворачиваясь, начал падать к земле. Я пришел в себя и нажал на аварийный рычаг. Дверцу вырвало. Я освободился от ремней и вывалился на второе крыло. Сильной струей воздуха меня смело с него. Но голова работала, нащупал кольцо, дернул, и парашют раскрылся. Я начал плавно опускаться на землю и осматриваться крутом. Ниже меня падала моя «кобра», а немного в стороне неслась к земле проклятая «рама». Вижу, что от нее что-то отделилось, и через несколько мгновений раскрылся парашют немца.

Подо мной была железная дорога. Но меня относило на запад. Если бы на восток! Ведь там наши. Начал вертеться, раскачиваться в воздухе, подтягивать стропы, чтобы меня ветром так не сносило к немцам. Но это ничего не дало. Я уже видел под собой ходы сообщения передней линии обороны немцев. Взорвались оба падающих самолета. Мой ведомый уже не был виден. Я приземлился прямо на вторую траншею немецкой обороны. Несколько фрицев схватили меня, обыскали и потащили по траншее. Потом подошел офицер, что-то сказал, и несколько солдат увели меня. Втиснули в коляску мотоцикла и повезли куда-то. А над нами совсем низко промчались три «кобры». Мотоцикл остановился во ржи. Наши скрылись, и меня повезли дальше. Товарищи возвращались на наш аэродром без меня. Потом мне Плотников рассказывал, что они поняли, что в мотоцикле везут Лавриненкова, и боялись стрелять, чтобы не попасть в меня. Привезли в какую-то деревню. Я вылез. Приставили ко мне полицаю, а потом повели на допрос. Я шел и с благодарностью вспоминал девушку из батальона авиационного обеспечения, которая утром до вылета, зная, что мой самолет неисправен, заставила снять гимнастерку с наградами, чтобы постирать ее, и дала мне чистую, но сильно выгоревшую. На ней ясно были видны следы наград, потому что под ордена и звездочку солнечные лучи не доставали. Так что ясно было видно, кто я такой. Но ордена и звездочка остались в полку.

Привели на допрос к генералу. В деревенской хате был оборудован кабинет. У двери страшная овчарка. Почуяла чужого и бросилась на меня, сшибла с ног и стала рвать гимнастерку. Генерал окликнул собаку, солдаты подняли меня. И опять пошла кровь горлом. Подвели меня к столу и посадили на стул. Солдаты ушли, остался переводчик и генерал, у ног которого лежала овчарка. И тут я увидел на столе у генерала письмо, которое я получил перед вылетом. Его забрали у меня при обыске.

Спросили, кто я. Я сказал, что летчик, Герой Советского Союза. Отпираться и унижаться не стал. Спрашивали откуда я, где учился, где воевал, сколько сбил самолетов, коммунист ли я. Я коротко отвечал. Потом спросил, как чувствуют себя ваш

командарм Хрюкин. ваши друзья и Амет-Хан Султан: разведка у них здорово работала. Я сказал, что они вас переживут.

А потом вдруг сразу, где ваш штаб, где штаб армии, какие задачи у вашего соединения. Я сказал, что этого я не знаю. Тут вошел долговязый немец с перевязанной рукой и головой. Куртка была распахнута, и я увидел много наград. Подумал, не этот ли самый, которого я сбил. Действительно, это и был он. Мне сказали, что он знаменитый летчик-разведчик, работающий на танкистов. Переводчик переводил генерала и сказал, что они возмущены, что я сбил «раму» не по правилам, нарушая законы ведения войны в воздухе. А я подумал, сбил тебя гада и мне все равно, какие у вас законы воздушного боя. И вам ли говорить о законах. Пообещали мне, что за таран я буду жестоко наказан. Я был весь в крови. Кровь горлом при разговоре опять пошла. Меня повели в какую-то хату, видимо, медпункт. Там были немки, но помощь мне оказала русская женщина. Она тихонько спросила, кто я, откуда. Не говорила больше, боялась немок, которые поглядывали на нас. Повели назад в какую-то хату. Наша женщина дала мне воды и кусочек хлеба. Утром повезли на грузовике. Оказалось, в Сталино, прямо на аэродром, к взлетной полосе, где стояли немецкие «хенкели». Сказали, пускай русский посмотрит, какие у них силы.

Немецкие летчики находились вблизи, увидев меня, подошли. Им было интересно посмотреть на русского летчика — героя, который сбил их аса. Через переводчика задавали вопросы, желая выведать, как мы ведем бой на ЯКах. Это их интересовало больше всего. Я сказал, что сильно болит голова после удара, и плохо соображаю. Потом посадили в транспортный самолет и снова повезли куда-то, оказалось в Днепродзержинск. Там находился лагерь и пересыльная тюрьма для наших летчиков».

Сейчас пишу и мысленно улыбаюсь. Разве мог он подумать тогда, что лет через сорок снова будет здесь, около этой тюрьмы и будет выступать с воспоминаниями о том, что пришлось пережить ему, как удалось бежать и воевать дальше. Ему — тогда лейтенанту, а теперь — генерал-полковнику, Дважды Герою Советского Союза.

«Там, в тюрьме, — продолжил свой рассказ В.Д., — я познакомился с Виктором Карюкиным. Нашлось несколько человек, которые узнали меня по портрету, напечатанному в газете «Красная звезда». Доверие ко мне было полное. Рассказали, что партизаны готовят побег.

И все было готово к побегу. Но за день до побега меня и Карюкина было приказано отправить в Берлин. Карюкин — офицер разведки, и я, как ас, летавший на ЯКах, представляли для них интерес. Они, как я понял, тоже были знакомы с моими статьями о ведении воздушного боя на ЯКах и, видимо, имели какие-то планы на меня.

Берлин... даже мурашки пробежали по коже, когда услышал. В самое логово. Пока повезло, что попал в армейскую разведку знаменитого Канариса. А что будет в Берлине? Гестапо!

Привезли нас на вокзал и посадили в поезд. Вагоны какие-то чудные, не такие, как у нас. Одна общая подножка и выход из каждого купе. Нагрузили нас с Виктором мешками и указали, в какое купе их нести. Там уже было два офицера. Нас посадили скраю. Тут же в купе и охранники. Ну, решил, дело совсем плохо, надо думать, как бежать.

Я уже два раза думал о побеге. Когда вели ночью на допрос к генералу, думал, как ударить одного, потом другого, но это было нереально, да еще сразу после удара самолета слабоват был. И в транспортном самолете, когда перевозили в Днепродзержинск. Но тоже, как ни думал — нереально. Хотел убить охранника, захватить самолет. В мыслях вроде бы получалось, а реально?

А тут уже реально или нереально, а надо бежать. Теперь нас с Виктором двое. Бежать, пока мы на своей территории. Попроситься в туалет — а там окошечко маленькое, плечи мои не пролезут, да и в туалет с Виктором вместе не сходишь. Понимал, что если нас к ночи не переведут в какой-нибудь особый вагон, то ночью надо бежать отсюда. Но как? Офицеры ехали в отпуск. Это их мешки с трофеями мы затащили в купе. В основном, барахло всякое и сало, колбаса домашняя. Вспомнил, мама, твою колбасу, аж челюсти заломило». Мама тут вздохнула, переkre-

стилась и сказала свое: «А Боже ж мий». У охранников тоже был большущий чемодан, в основном набитый продуктами. Ну, думаю, гады, везете наше сало и колбасу своих фрау кормить. Поезд останавливался несколько раз на станциях. Одни уходили, другие садились, но в нашем купе состав постоянный.

Я решил прикинуться услужливым простачком, чтобы опробовать ручку купе. Это единственный наш шанс. Сидел и не сводил с нее глаз. Когда поезд остановился, вскочил, нажал на ручку и повернул ее. Туговата, проклятая! Но открыл ее и встал как бы по команде «смирно». Офицерам это понравилось. Один немного говорил по-русски. Похлопал меня по плечу и сказал, что я не так плохо воспитан. Мне хотелось дать ему в морду, но я улыбался. Нам с Виктором даже разрешили постоять на перроне около вагона. И так несколько раз. Я пробовал эту ручку, и нам разрешали несколько минут стоять около вагона. План у меня созрел, и мы с Виктором тихонько обговорили его. После одной из остановок Виктор сел рядом со мной. Дело шло к ночи. Офицеры размечтались, что едут в отпуск, да с трофеями! Совсем разомлели. Мне сказали, что я, видно, важная птица, и меня вроде бы фюреру хотят показать. Они даже нас с Витькой колбасой угостили и закурить дали.

Уже стемнело. Я сидел по ходу поезда. Виктор плотно рядом со мной и одной рукой взялся за мой ремень, а голову положил мне на плечо. И очень здорово похрапывал, чтобы убедить всех, что спит. Офицеры тоже задремали. Я услышал, что упомянули Фастов. Понял, где мы приблизительно находимся. Виктор еще плотнее прижался ко мне. Я слушал стук колес, он становился реже, значит, едем медленнее. Я чуть-чуть приоткрыл глаза и посмотрел на охранников. Видать, проголодались. Решили поужинать, сволочи, нашим сальцем, хлебом и колбасой. Большой чемодан поставили себе на колени и открыли крышку. Она почти закрыла нас обоих. Я левой рукой резко опрокинул чемодан на охранников». Знаками В.Д. показал нам, как это было, вскочил и перевернул табуретку, которая с грохотом упала. Он махнул рукой и продолжил: «А руки у меня в деда пошли, он ведь подковы гнул. Правой быстро повернул ручку двери. Слава Богу,

на остановках натренировался. Оттолкнулся и рванулся вперед, а Виктор, крепко держась за меня, вылетел вслед за мной». В.Д. опять вскочил, и тут перевернулась табуретка, на которой он сидел. От волнения стал ходить по кухне, где было тепло и уютно. «Виктора пытались схватить, но только гимнастерку разорвали внизу. Масса моего тела увлекла его за мной по ходу поезда. Так вдвоем мы и врезались в кучу песка. Видимо, шли ремонтные работы. Кувыркаясь, покатались под откос. Поезд замедлил ход, остановился. Замелькали фонари, раздались выстрелы. Но немцы боялись партизан и не стали идти в ночь. У меня прыжок прошел хорошо. Конечно, стукнулся, поцарапался, но в общем — нормально. Руки, ноги целы! Помнишь, — обратился он к маме, — как ты ругала меня, что прыгал на ходу из поезда? Видишь, пригодилось. А Виктор вывихнул руку. Я несколько раз сильно дернул ее, вроде бы стало легче, и мы побежали дальше от железной дороги. Чуть-чуть отдохнем и опять бежим. А куда, не знаем, темно. Так всю ночь и бежали. На рассвете увидели большой стог сена, забрались в него и заснули мертвым сном. Проспали почти сутки, а проснувшись, по солнцу сориентировались и пошли на восток, а восток — это к нашим.

На кукурузном поле увидели человека, спрятались и стали наблюдать за ним. А вдруг это полицаи? Видим, крестьянин с натруженными руками, пожилой, плохо одетый. Решили подойти к нему. Поздоровались. Он посмотрел на нас грязных, небритых, оборванных. «Что скажете?», — спросил, а сам внимательно изучал нас. Мы ответили, что нам нужна его помощь, что мы бежали из плена. Он вздохнул и рассказал, что его сыновья тоже в Красной Армии, но он о них ничего не знает. Сказал, что нам надо к Десне идти. Лучше идти днем, а то ночью нарвемся на кого-нибудь, и сразу выстрелят. Днем виднее, от кого прятаться. Полицаев берегитесь. Среди них есть люди, а в основном — собаки. Гитлер пообещал за каждого беглого русского солдата платить, не дай Бог, попадетесь. Спросил, давно ли мы ели, а у нас даже челюсти свело при мысли о жратве. Он понял нас. «Да и переодеться вам надо бы», — задумавшись, сказал он. И, по-

бещав помочь, ушел. А мы спрятались и думали, а вдруг полицаяв или немцев приведет. Часа через три увидели двух женщин с тележкой полной хвороста. Поздоровались с нами и сказали, что это нам передал их односельчанин. А «это» оказалось под хворостом — два старых пиджака и двое брюк да еще узелок с едой. Мы быстро переоделись. Вид у нас был тот еще... Пиджачок на меня был бы ничего, только на животе не сходился да рукава короткие. А брюки и того короче! У Виктора тоже вид не совсем как надо. Женщины развели руками и сказали, что смогли, то принесли. Мы же свои гимнастерки и брюки отдали им. В маленьком карманчике брюк лежали часы именные, подаренные мне командующим фронтом за боевые заслуги. Немцы при обыске как-то не заметили этот маленький карманчик с часами. Сказал женщинам, чтобы они передали их этому мужчине, и спасибо ему, что он позаботился о нас. Женщины объяснили, как нам идти дальше, и благословили нас.

И мы пошли, надеясь дойти до линии фронта и перебраться к нашим».

Мы все молчали. У маленькой Надюши блестили глаза, сестры покраснелись от переживаний, мама всхлипывала, папа, скручивая сигарку, задумчиво улыбался. А мой дорогой муж был весь в плену воспоминаний.

Разве возможно описать, как он рассказывал! Ходил, приседая, показывал и размахивал от возбуждения руками. А словечки, которые он вставлял? Ни тогда, ни позже за всю нашу жизнь я не слыхала, к чести его, настоящего матерщинного ругательства.

Я молчала, в мыслях как будто бы все это переживала вместе с ним. Ночью я, конечно, не спала. Сестры просили рассказывать дальше, но В.Д. сказал «хватит, я и так разговорился, пора спать». Мне тоже очень хотелось услышать, как они попали в партизанский отряд, как там воевали, как сумел В.Д. снова возвратиться в свой полк.

Понимала, что будет еще время разговорить его.

А на следующий день опять встречи с избирателями и старыми друзьями. Угощали всех, кто приходил в дом, дарили все, что

могли, на память. Надо было уже ехать домой. Приехали на вокзал брать билеты, а денег не хватает. Доутощались! В кошелек не заглядывали, думали, он бездонный. Хорошо, на вокзале встретили поэта Михаила Исаковского. Он тоже приехал на предвыборную кампанию. Сейчас уже немногие помнят это имя, но, может быть, помнят замечательные песни «Катюшу» и —

*Летят перелетные птицы
в осенней гали голубой,
летят они в жаркие страны,
а я остаюся с тобой.*

Одолжили у него 50 рублей старыми деньгами. И мы купили самые дешевые билеты в общем вагоне, правда, места плацкартные. Одна полка нижняя — моя, верхняя В.Д. А на постель хватило только одну. Мне достались матрац и одеяло. Под головой — пальто. А моему дорогому — подушка и простынка. Укрывался шинелью. Здорово было, интересно. Всем были довольны. Улыбались и радовались жизни.

Поездка в Смоленск для меня очень много значила. Я ощутила себя тоже членом этой большой, дружной и работающей семьи. Особое душевное тепло исходило от мамы. Простая деревенская женщина, малограмотная, но житейски мудрая, добрая, работающая. Руки натружены, спина согнулась. Вся жизнь в работе и заботе. А ей так хотелось ласки!

Когда я звонила в Москву маме, она стояла около двери и слушала. И когда я говорила: «Мамочка, дорогая, голубка» своей маме, теперь я понимаю, как ей хотелось услышать это от своих дочерей. Я не сразу назвала ее мамой. Как-то не смогла, боялась, что это будет неестественно. Ведь мама одна. Ни она, ни муж этого не требовали. Видимо, они понимали, что это придет. И пришло. В наш третий приезд, обращаясь к ней, я неожиданно для самой себя сказала ей «мама» и сама даже растерялась. Как же она обрадовалась, бросилась ко мне, поцеловала и сказала свое: «А Боже ж мий, деточка моя». А у меня это было от сердца и осталось навсегда. Она, Клавдия Тимофеевна, мать моего мужа и моя мама. Все наши поездки в Смоленск приносили радость и какое-то новое познание людей, жизни и родных.

Тетя Поля и дядя Миход — самые близкие родные. У них было три сына, ни один с войны не вернулся. Старенькая бабка Анфиса, которая все время молилась за своего крестника Володьку, чтоб выжил в эту страшную войну.

Папа — Дмитрий Федорович, отец большого семейства. Старался всем детям, а потом и внукам дать образование. Всегда просил В.Д. за кого-то. Он всю свою жизнь был очень внимателен ко мне и всегда хотел сделать что-нибудь приятное. Знал, что я очень люблю раков. А в Смоленске в ларьках они были в продаже уже вареные, но к ним была, как говорили, «нагрузка»: в разлив рюмка водки, два рака. Папа делал приятное и себе, и мне — две рюмочки — четыре рака и шел домой веселый, улыбающийся. Торжественно вручал мне раков. А мама сердиться не могла — невестку уважил.

Родных в Смоленске и соседних деревнях было много. Двоюродные и троюродные сестры, братья, тетки и племянники — всех не перечесть. О многих В.Д. не знал и в лицо их не видел, но после поездки в Смоленск они к нам стали приезжать. В.Д. старался припомнить, а кто это и с какой стороны родня. Чем могли, помогали.

Встречи на родине

Вечная память, пусть вам земля будет пухом

А как-то был случай довольно волнительный. Одна из двоюродных сестер, будучи в оккупации, работала у немцев в медпункте. Сошлась с врачом-итальянцем и когда наши войска освобождали Смоленск, уехала с ним. Говорят, красивая была девчонка. Никто ничего не знал о ее дальнейшей судьбе. Но в конце 1948 года каким-то образом она сообщила родным, что жива и находится в Италии со своим мужем-врачом, с которым уехала. Писала, что очень хочет приехать, повидать мать и сестер, но не знает, кого просить о помощи. Не знаем как, но, видимо, от родных она узнала, что ее двоюродный брат, то есть В.Д., жив, Дважды Герой Советского Союза и учится в Академии имени Фрунзе в Москве.

И вдруг неожиданно в Академии ему передают письмо. В.Д. приносит его домой — от сестры. Она пишет, что все хорошо, но очень хочет увидеть родных. Меня же больше всего заинтересовал конверт, так как на нем были итальянские марки. А я лет с десяти, если не раньше, их собирала. У меня большая коллекция очень интересных марок. И даже когда в конце 1939 года мы с мамой уезжали в Китай, я упросила ее разрешить взять их с собой.

Я, конечно, осторожно отклеила марки от конверта, но на следующий день приходит мой муж и говорит: «Мам, отдавай марки мне. В особом отделе сказали, чтоб я отдал письмо и конверт. Черт с ними, отдавай марки». Хотя долго еще возмущался.

Но это были цветочки, ягодки были впереди...

Перед отлетом во Францию полка «Нормандия — Неман» группа летчиков, сражавшихся вместе с французскими пилотами, была награждена французскими орденами. Вручал их на прощальном вечере генерал Пети. Так как Франция была оккупирована немцами, а орденов в запасе не было, ордена отливались у нас. Ленточки были хороши, а ордена, конечно, по виду грубоваты. Пообещали, что в скором времени их поменяют на награды, отлитые по всем правилам во Франции.

Кто-то из летунов сказал В.Д., что ордена меняют в посольстве. Он, не долго думая, в один из дней после занятий на своем трофейном «Опель-капитане» поехал в посольство. Дело было летом. В.Д. без плаща, так что все его награды были налицо. Милиция, охраняющая посольство, с удивлением посмотрела на него, но пропустила, хотя, видимо, сразу позвонила кому-то из посольства. В.Д. храбро вошел, а навстречу ему уже быстрым шагом шел сотрудник посольства с удивленным видом.

В.Д. крепко, как он умел, пожал ему руку и сказал, что пришел обменять орден. Сотрудник что-то растерянно ему сказал и попросил подождать несколько минут. Минут через 15 он вышел, неся в руках орден, который существенно отличался по виду от отлитого в Москве. Вручил орден, что-то еще сказал о подвигах летчиков, но вид у него все время был растерянный. В.Д. поблагодарил, опять крепко пожал ему руку и поехал домой. Показал мне новый сверкающий орден и смеясь сказал: «Шляпа он, даже старый орден не забрал».

А на следующий день что-то нет моего мужа. Начала волноваться. Приходит. Вид какой-то недоумевающе растерянный. Спросила, что случилось. А он говорит: «Черт бы побрал эту дипломатию, весь день меня промурыжили в особом отделе. Прихожу на занятия, и через час меня вызывают к начальнику Академии». А начальником был генерал-полковник Чибисов.

Заслуженный генерал, прекрасный человек, очень любящий своих слушателей и в особенности летчиков-Героев, к ним у него отношение было просто отцовское.

«Не могу понять, — продолжал В.Д., — что это я один вдруг понадобился Чибисову. Зашел в кабинет, а кабинет большой. Посредине огромный ковер, видать, трофейный. Стол посреди этого ковра. А Чибисов смотрит на меня из-под очков и молчит. Вышел из-за стола и все молчит. Я тоже молчу. Обошел меня вокруг и говорит: «Вроде ты нормальный парень, а где же ты вчера был?». Я в уме перебираю — никуда не ходил, в ресторане не был и вдруг вспомнил, говорю: «В посольстве, орден обменивал».

У Чибисова, смотрю, очки сползают с носа. «Ну, знаешь, — говорит, — влип ты в историю. Садись и пиши объяснение». Сел, пишу да еще в трех экземплярах. А сам думаю: «Что же я такое сделал? Ведь мы воевали вместе, наградили меня. А теперь пиши объяснение».

Чибисов сначала сердился, а потом, когда тучи рассеялись, смеялся.

Понимал, что до дипломатических тонкостей летунам еще расти и расти.

А когда приехал мой отец с Генеральной Ассамблеи, мы рассказали ему эту историю. Он покачал головой и сказал, что все визиты в посольства согласовывают, а не так просто — взял и поехал. И, усмехаясь, сказал: «Ты еще хорошо отделался. Чибисов, молодец, отстоял, даже партийного выговора не дали».

Вот так потихоньку приобщался мой муж к мирной жизни во всех ее аспектах.

Подходили к концу незабываемые академические годы — первые годы после страшной войны.

Когда был выпускной вечер, то после официального вручения дипломов группа собралась в каком-то кафе на Арбате. В.Д. уже сшили хороший гражданский костюм. А во время отдыха на Кавказе заказали в Кутаиси лаковые туфли. Он так плясал, что у туфли лопнул задник и слетел с ноги в стоящих кругом друзей. Домой шли с подвязанной носовым платком туфлей, чтобы не свалилась с ноги во время ходьбы.

Все ждали назначения. Кого куда отправят. На север, юг или вообще одного в какую-нибудь таинственную командировку. Оказалось, А.И. Покрышкина — командиром корпуса во Ржев, а В.Д. предположительно командиром пехотной дивизии в Германию. Он, конечно, свирепствовал: «Я — летчик, и буду летать». Я в душе тоже переживала за него. В Германию не хотела, хватит с меня Китая.

Я понимала, как боевому летчику в пехоту, но, как жена, думала: «А может, хорошо, что не будет летать». Сердце у него уже пару раз срывалось в приступ параксизмальной тахикардии. Первый раз — на фронте во время показательного боя с Луи Дельфино. Каждый доказывал, что его самолет более маневренный. Один на ЯК-3, другой — на «лавочкине». Вышло на равных. Хорошо, что приступ начался уже при посадке, а то бы самолет не посадил! Пульс — более двухсот. Не знаю, как тогда сбили приступ. Медики по просьбе В.Д. замяли это дело — война. Проверили сердце — вроде нормально. А второй раз — в Академии. Как сейчас помню, второе мая 1946 года. Пришел к нам в гости его однополчанин Алексей Алелюхин, тоже Дважды Герой. Вспомнили молодость, стали бороться. И сорвался пульс, сосчитать невозможно. Лежит белый весь, в поту. Вызвали из академической медчасти дежурного врача. Даже фамилию его помню — Кыштымов. Лекарств тогда для лечения параксизмальной тахикардии не было. И пытались сбить пульс сильным нажатием на глазное яблоко. Сразу на оба глаза. В то время это было единственное средство, но не всегда удавалось помочь больному.

Несколько раз нажимали на глаза, через несколько часов удалось остановить приступ. Пульс стал реже, но с перебоями, а потом все пришло в норму. Врач сказал: «А летать-то я Вам не советую». В.Д. упросил его не отмечать в медкнижке этот приступ. Сказал, что это случайно.

Но когда они с Покрышкиным ездили на полеты, я дрожала вдвойне. Им разрешили несколько раз в месяц ездить на аэродром в Чкаловске, чтобы, как говорится, не дисквалифицироваться, а главное — душа рвалась в небо.

Был такой случай. Во время сессии Верховного Совета он должен был присутствовать на вечернем заседании в четыре часа, а с утра были полеты. Уехал с А.И. часов в 6 утра. Должен был в 2-3

часа заехать домой переодеться и — на сессию. И два, и три, и почти четыре... Он ведь точный. Не знаю, что и думать. Сажу на подоконнике, ищу глазами Покрышкинский «Хорьх», переживаю. В пятом часу подъезжают. Когда посмотрел на меня, понял, как я волновалась, сказал: «Так нельзя, я ведь летчик, привыкай, летать я буду».

Привыкла с виду, а внутри... Каждая жена летчика знает, что происходит внутри. Сжалась, молчу. Понимаю, что авиация — дело его жизни. А сама грешным делом подумывала — а может, лучше командиром пехотной дивизии, правда, в Германию не хотелось. Но сердце ведь у него одно. Приступ и слова Кыштымова меня очень волновали.

В.Д. помог остаться в авиации его бывший командующий фронтом Т.Т. Хрюкин. В.Д. очень уважал и любил его. Это Хрюкин, когда В.Д. попал в плен, сказал, что если В.Д. живой, то он убежит. Ордена В.Д. он не сдавал, в те месяцы, когда В.Д. не было, он хранил их у себя в сейфе. Это Хрюкин помог В.Д. после плена вернуться в свой родной полк. Потом он в декабре 1944 года назначил В.Д. командиром знаменитого 9-го асовского полка, а после войны настоял на том, чтобы В.Д. учился. Через всю свою жизнь В.Д. пронес любовь и уважение к Тимофею Тимофеевичу. Вместе со своим соавтором Н.Н. Беловолом собирался писать книгу о Хрюкине.

В.Д. и Покрышкин пошли на прием к Хрюкину. Тот принял их хорошо и спросил, нужна ли его помощь. И помог. Позвонил сразу Е.Я. Савицкому — генерал-лейтенанту, Дважды Герою Советского Союза, командующему истребительной авиацией ПВО страны, который хорошо знал В.Д. по фронту.

Е.Я. Савицкий одним из первых освоил после войны реактивные самолеты и пилотировал их на воздушных парадах в Тушино. После одного из парадов Сталин, зная боевой опыт Савицкого, сказал: «Мы ищем человека, который мог бы возглавить истребительную авиацию ПВО. Савицкий — готовый командующий».

В.Д. и Покрышкин сразу от Хрюкина отправились к Савицкому. Пока они ехали, все уже было решено — оба будут служить в истребительной авиации ПВО.

В.Д. — командир отдельной дивизии ПВО в Ростове.

Направили их переучиваться на МИГ-9, а я опять дрожала. Генерал-лейтенанта, а впоследствии маршала Савицкого В.Д. очень уважал за боевые подвиги. Во время войны он не раз проводил совещания летчиков-Героев, так называемых охотников, которые могли со своими ведомыми вылетать на «свободную охоту» без прямо поставленной задачи.

Высокий, стройный, подтянутый. В жизни заядлый рыбак и охотник. Не раз ездил на рыбалку с моим отцом, тоже рыбаком-фанатиком. Шутя и любя многие называли его «генерал Ставрицкий», так как любил ловить на «самодур» ставридку в Черном море. Потом отдавал ее коптить и угощал друзей. Пишу и даже челюсти заломило, до того было вкусно!

Савицкий немного любил эффектность. Даже позывной у него был «Дракон». С возрастом он еще больше похудел, лицо заострилось, но летал, как Бог, и чуть ли не до 60 лет.

Позднее главкомом ПВО был маршал Батицкий П.Ф., полная противоположность по комплекции Савицкому. Некоторые с иронией говорили: «Лучше пузо Батицкого, чем чахотка Савицкого». А тогда Савицкий был в отличной летной форме и подбирал кадры себе под стать.

После переучивания В.Д. и А.И. отправились к местам своего назначения.

Мы едем в Ростов! В.Д. уехал раньше, а я потихоньку стала собирать наши небогатые пожитки. На календаре 1949 год.

Мне недавно исполнилось 22 года, я родилась в ночь с 18 на 19 января, на Крещение. Предстояла разлука с мамой, отцом, со всем, что было мне близко и дорого в Москве.

Но я была дочерью военного и стала женой военного. Мама моя всю жизнь проездила с отцом, помогая ему чем могла. Воспитала она и во мне понятие о настоящей жене военного — друге, помощнице, любящей женщине и матери. Только школа Западного Китая — Синьцзяна — чего стоила, когда мама, а потом и я работали на отца, а точнее, на нашу Родину.

Моя мама, будучи талантливой актрисой, снималась в кино, когда звездой была Вера Холодная, а кумиром публики —

Александр Вертинский. Восковой рукой слегка отодвигавший занавес, в костюме Пьеро он начинал проникновенно-томным голосом петь «Ваши пальцы пахнут ладаном». Пел он в театре «Гротески», где выступала в маленькой роли мамина младшая сестра.

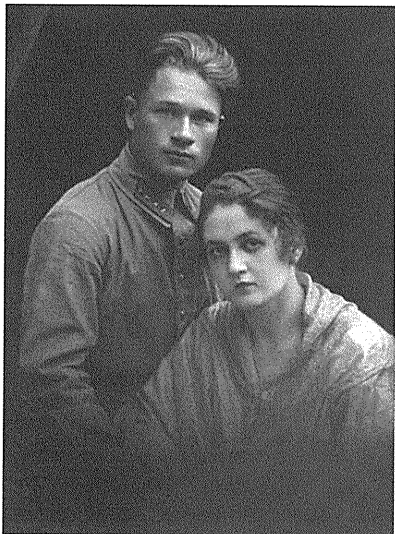
Мама часто бывала там, так как администратором был бабушкин дальний родственник. Вертинский даже ухаживал за мамой, но однажды получил пощечину. Много интересно могла бы рассказать мне мама, но тогда не было принято говорить о не «совсем пролетарском прошлом». А жаль. Ведь отец мамы имел фабрику.

Моя мама Рауса Зорич

Но о Вере Холодной мама мне все-таки кое-что рассказывала. Актриса умерла в Одессе. Умерла Вера Холодная на руках маминого двоюродного брата — брата милосердия. До нашего отъезда в Китай, куда нельзя было брать фотографии, в нашем альбоме хранились снимки Женечки — дочки Веры Холодной. Очаровательная девочка с большим бантом на головке, немного косая на один глазик. Снимки мужа Холодной Рунича и прекрасного киноактера, очень красивого Максимова. Все эти фото были с надписями, подарены маме в знак дружбы и уважения.

У мамы была неплохая артистическая школа. Еще в Умани она была в студии-театре знаменитого Леся Курбаса. Она очень хорошо играла на фортепиано, и Курбас любил слушать ее. Там, у Курбаса, начинал свою творческую жизнь наш поэт-классик Микола Бажан. Помню маленькую записную книжечку в кожаном тесненном переплете, где рукой 15-16-летнего Бажана написаны стихи, посвященные маме. Эта книжечка, как и все наши вещи, мамины артистические костюмы, папина бурка, книги — все, что перед отъездом в Китай оставили у маминой сестры в Киеве, разумеется, пропало.

*Мои родители
в Староконстантинове*

В середине двадцатых годов мама из Одессы приехала к сестрам в Староконстантинов, где они были с мужьями — командирами Красной Армии. Возвращаться особо не было к кому, мама задержалась в Староконстантинове и стала руководить самодеятельностью в полку. Здесь она и познакомилась с командиром кавалерийского эскадрона Петром Филипповичем Ратовым. Они репетировали пьесу Островского «На бойком месте». Мама играла Аннушку, а отец — помещика Миловидова. По сюжету пьесы они должны были пожениться. Но спектакль не состоялся: часть полка ушла дальше, а часть осталась на месте. Но герои поженились на самом деле. Мама нашла в себе силы бросить театр, остаться с отцом и следовать за ним, куда бы не бросала его военная жизнь. Мама сумела многое дать отцу. Всегда была рядом с ним.

Она понимала, что и я связала свою жизнь с неординарным человеком, человеком со сложной судьбой и сильным характером, и что всю свою любовь и душу я должна отдать ему.

И когда В.Д. окончил Академию, я с маленьким сынишкой уехала из дома. Даже в мыслях у генеральской дочки не было, чтобы остаться в Москве возле родителей. И пошли наши пути и дороги по родимой земле.

Я сейчас часто думаю о наших ребятах — офицерах и их молоденьких женах, боящихся выехать не то что куда-нибудь далеко, а даже в Васильков, что под Киевом. В.Д. про них говорил: «Боятся оторваться от Крещатика, а хотят, чтобы мужья получали звания и хорошие оклады, просиживая штаны в штабах или училищах больших городов». Я никогда не могла понять их. Мое поколение моталось от Архангельска до Сахалина и Балхаша.

В послевоенные годы люди радовались вновь обретенному семейному счастью. Воины вернулись домой! Что могло быть дороже и теплее семейного очага? Вернулись отцы, братья, чтобы быть вместе. Но наши военные семьи и до войны, и после часто довольно долго жили в разлуке. Получая особые задания, мужья уезжали в такие места, куда нельзя было или некуда было брать семьи. И каждая из нас, жен, когда мужья кончали академии, думали: только бы вдвоем.

Как-то, уже будучи в Минске, где В.Д. командовал армией, мы провожали друзей. Написала им на прощание стихи:

*Военная семья, военные дорожки,
Как часто мы меняем свой маршрут.
И постоянный дом — удел немногих.
Два года поживешь и жги — переведут.
Объездили мы чуть ли не полсвета,
Архангельск, Кушка, Сахалин.
Бывает, на Курилах где-то
В семье родится первый сын.
На ножки встанет он в Тагиле,
А в яслях он уж в Крыму.
А пара лет пройдет и в перспективе
Пошлют куда-нибудь в тайгу.*

И так далее.

Ничего в жизни просто не дается. Звезды на погонах сияют тогда, когда у офицера прочный тыл. Он должен знать, что, когда придет с полетов или вернется ночью с учений, порой без выходных, усталый, грязный, его встретит тепло родного дома.

Трудно бывало. Никогда не забуду свой первый приезд в часть после Академии имени Фрунзе. В.Д. был уже в Ростове. Позвонил мне, сказал, что избран делегатом на XI съезд комсомола, что приедет и заберет меня с сынишкой.

Мебель, что купили в трофейных остатках и которую подремонтировал В.Д., братья не стали — уж очень она была некрепкая. Почти за два дня до отлета купили две деревянные светлые под карельскую березу кровати и к ним трельяж. Кровати сразу

не решались брать. Слишком дорого. Но потом В.Д. сказал, что ведь почти треть жизни проводим в них, можно и раскошелиться. А трельяж! Я чувствовала себя принцессой...

Генерал Савицкий выделил нам грузовой ЛИ-2, и мы погрузили туда свои вещи. Пружинный матрац положили на пол самолета, и я с сынишкой улеглась на нем. Был март месяц. Погода ужасная — дождь со снегом. Началось обледенение, самолет отяжелел, набрать высоту не может. Летим над Донбассом — угольные терриконы большой высоты, а мы свою высоту теряем. Спирт, который пропускали по трубочкам на крыльях, спасаясь ото льда, почти весь «оприходовали» летуны. Так и ковыляли «на честном слове и на одном крыле», как пелось в американской песенке военных лет. Да и посадка была рискованной — дождь со снегом. Видимость минимальная, самолет, отяжелевший от обледенения. Встречали замполит дивизии, начштаба и несколько офицеров. Потом начштаба говорил, что когда самолет заходил на посадку, думал, как будем расставлять гробы в клубе. Боялся, что врежемся в заводскую стену, которая была не так далеко от взлетной полосы — видимость почти нулевая. Но летуны — молодцы, хотя спиртом и полакомились. Когда прилетели, оправдывались перед В.Д.

Сели километрах в двадцати от Ростова на разбитом во время войны аэродроме. Взлетная полоса и три дома. Один дом перелетчиков и два — нашей дивизии. В одном из них была наша квартира на третьем этаже. И еще разбитый сверху «кошкин дом», как его называли. В его полуподвале в уцелевших комнатухах жили техники с семьями, а в подвале было полно кошек. Но никто не ныл. Летчики жили в лучших условиях. Конечно, ни газа, ни горячей воды, как теперь, ничего не было. На кухне плита и керосинка или керогаз. Слава Богу, было паровое отопление, которое хоть еле-еле, но согревало нас.

Первый мой приезд в часть был тяжелым. Пока В.Д. был в Москве на съезде комсомола и попутно забирал нас, погиб летчик Цуревич. Погиб глупо, по недосмотру медслужбы. Оказывается, у него недавно была травма головы. В медкнижку записано мимоходом. Погиб не в воздухе, а на земле в барокамере, сосу-

ды головы после травмы не выдержали. Это еще один из уроков, которые преподносила мирная жизнь, доказывая, как надо быть внимательным и ответственным при осмотре летного состава.

Это имя врезалось в память навсегда. Казалось, что кончилась война и все должны жить! Но не так-то это было. Помню эти первые похороны. Особенно помню глаза жен летчиков. Все это тяжелым камнем легло на сердце В.Д. Он никогда не мог смириться с потерей летчика ни на фронте, ни тем паче в мирное время.

Было ему очень трудно. Опыта командования в мирное время не было. Последний год войны В.Д. был командиром полка. Но это фронт, война, другие задачи, другие требования, другие взаимоотношения. А теперь командир дивизии, в которой сняли генерала. Да и зам, метивший на эту должность, тоже не стал другом. У замполита Павлова позиция выжидающая — кто кого перетянет. Но по жизненной случайности его брат был в Китае и когда-то хорошо знал моего отца, работая негласно под его началом. Это как-то смягчило обстановку, а потом и совсем все пришло в норму.

А вот начальник штаба, фронтовой летчик Антон Матвеевич Аксиньюшкин, сразу стал поддерживать В.Д.. Как-то ненавязчиво, по-отечески вводил мужа в курс штабных дел дивизии. Он поверил в В.Д., понимал, что боевой опыт у него прекрасный, а опыта командования в мирное время нет и надо помогать.

Мы подружились семьями. Жена его Антонина Михайловна была намного старше меня, у них было три сына. Два еще довоенных. И все мытарства эвакуации и голода военного времени она хлебнула сполна.

Антон Матвеевича и Антонину Михайловну мы называли «два Антона». Дружбу нашу пронесли через все годы жизни. Есть люди и семьи, которые оставляют в сердце след надолго, навсегда.

В.Д. и мне было трудно. Бывало, придет домой, ляжет на плохонькую кушетку, купленную в Ростове, и молчит. Я так и сяк, как говорится, то лизну, то рявкну, чувствую, что трудно ему, что он лежит и думает о какой-нибудь создавшейся ситуации.

Но надо его растормошить, заставить улыбнуться, «оттаять». Как он был мне благодарен за это! Говорил: «Как хорошо, что вы с Петенькой рядом».

На фронте все было ясно, где враг, а где друг. Не надо было думать о квартирах для семей офицеров, как и где учить детей на разбитом аэродроме, чем кормить семьи. И о личной жизни молодых семей, чтоб они не распались и не страдали дети.

Было трудно правильно найти себя в новой послевоенной жизни. Не всем это удавалось. Иной летчик — прекрасный боец, хороший товарищ, а командных качеств нет. И его потолок — звено, эскадрилья, а ему хочется и покомандовать.

Иные вообще после фронта не могли войти в русло трудовой мирной жизни или учебы. Так получилось у Амет-Хан Султана. Блестящий летчик, боец, командир эскадрильи, удостоенный двух Золотых Звезд Героя. Он из простой татарской семьи, проживавшей в Алушке, где сейчас стоит его бюст. Его семья — единственная татарская семья, которую во время отселения из Крыма Сталин разрешил оставить в Алушке.

Он привык воевать, летать и не имел другой профессии и общего образования, метался, не зная, как найти себе место в новой жизни. Его «поступили» в Монинскую Академию, но со всеми науками он был на «вы», а с грамотностью и того хуже. Часто в одном слове умудрялся делать две ошибки. Он не выдержал, перестал посещать занятия, затаился от друзей. Да и там, в Монино, как-то просмотрели его. Думали, он сильный, найдет себя. Никто толком не знал, куда делся Аметка, как его любя называли друзья.

Летчики Иван Борисов
и Амет-Хан Султан

Мы с мужем встретили его случайно в парке. Неряшливый, плохо выбритый, ботинки на босу ногу, рукава обтрепаны. Очень обрадовались встрече, а он как-то стеснялся. Стали расспрашивать его, что он делает, как живет. Оказалось, что он числится в Академии, но не ходит туда, не работает, а хочет летать.

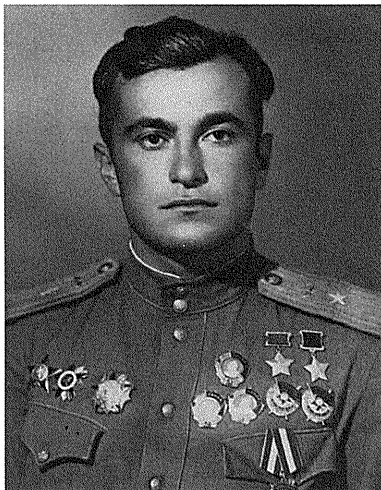
В.Д. очень разволновался. Расспросил Амет-Хана, как его найти, и сказал, что что-нибудь придумает. Придя домой, сразу позвонил Покрышкину, и они оба решили обязательно помочь боевому другу. Пошли к начальству и добились, чтобы Амет-Хана отпустили переучиваться на летчика-испытателя.

И он снова почувствовал себя в своей стихии. В этом деле, которое стало смыслом и целью его дальнейшей жизни, он нашел себя. Таким испытателем, каким был Амет-Хан Султан, не многим удалось стать. Он испытывал новую реактивную технику. В один из приездов к нам в Киев он с гордостью показал маленькую красную книжечку. Предъявитель ее мог летать на всех видах самолетов и в любую погоду. Он был, как мало кто из летчиков, удостоен Государственной премии за свою работу.

А если бы друзья не помогли, если бы человек остался один?

Фронтная дружба была сильна своей честностью и бескорыстием.

А Виктор Чуднов? Боевой летчик, награжден многими орденами. Случилась с ним беда. В.Д. учился уже в Академии имени Фрунзе. Узнал, что Чуднов арестован. За что? Полк тогда еще находился в Германии. Летчики часто жили в домах, часть которых занимали хозяева — немцы. Виктор пришел откуда-то выпивший, и ему показалась, что немка хочет убить его. Он схва-

*Дважды Герой Советского
Союза Амет-Хан Султан*

тил свой пистолет и выпустил в нее всю обойму. А у нее ребенок остался. За несколько недель до этого случая вошел в силу Указ Правительства о наказании за мародерство и убийство немецкого населения. Вот Виктор и получил восемь лет. Он просидел уже полгода, когда к нам пришли его мать и тетя. Со слезами на глазах просили помочь. Мать — учительница, пожилая женщина. Окончилась война, а сын в тюрьме. Сердце разрывалось от боли за него и от стыда за его поступок. Куда только В.Д. не обращался. А когда стал депутатом Верховного Совета РСФСР, дошел до Калинина. Удалось добиться пересмотра дела и, учитывая боевые заслуги летчика, срок снизили до 4 лет.

Вспоминаю о бесчинствах фашистов на нашей земле, о поведении союзников на захваченной немецкой территории. Только наше правительство, наша страна, воспитывавшая нас в духе интернационализма, старались сохранить честь советского офицера и солдата.

Илья Артемьевич Процько — разведчик партизанского отряда. Это он, встретив В.Д. и Виктора Карюкина в партизанских местах, наблюдал за ними и потом привел их в отряд имени Чапаева. Сколько труда и здоровья положил В.Д., чтобы доказать невиновность Процько и вытащить его, уже совсем больного, разбитого человека из лагеря, что под Житомиром.

Честнейший человек, прекрасный директор — хозяин Коростеньского фарфорового завода. Он тогда, в тяжелые годы застоя, не боялся ответственности и делал все, чтобы улучшить быт рабочих завода.

Мы были в Риге, когда комиссар партизанского отряда Е.Д. Ломако сообщил, что Илью посадили.

Вместо того, чтобы разбивать и уничтожать слегка бракованную посуду, он на территории завода организовал продажу этой посуды по дешевой цене для рабочих завода и жителей соседних улиц. Деньгам велся строгий учет. На эти деньги построили детский садик для детей рабочих, заасфальтировали дорогу около завода да и территорию завода, где раньше была непролазная грязь.

А дома у него были две железные койки да еще какая-то немудреная мебель. Рабочие все были за него, но все-таки дело ему пришили. Дали 12 лет. Где только В.Д. не был, писал и приезжал из Риги. Потом, когда мы вновь вернулись в Киев, пошел к прокурору Глуху, не помню его имени и отчества, да и вспоминать не хочу. Глух был таки глух. Он сказал: «Вы, Дважды Герой, и ходите просить за какого-то дельца». В.Д. не выдержал, не знаю, что уж он наговорил Глуху, но потом ему было плохо — начался приступ параксизмальной тахикардии.

Помог С.А. Ковпак. Дело пересмотрели. Еще раньше следователь, который вел дело Процько, был расстрелян за взятки, побои и необъективность. Но прокуратура долго сопротивлялась, боясь подрыва своего авторитета. Сначала сказали, чтобы подавал на помилование. А Процько был настоящий коммунист. Он ответил, что помилование для преступников, а он честный человек, и отказался. Но добились все-таки уменьшения срока. А потом в связи с очень плохим состоянием здоровья его втихую выпустили, знали, мерзавцы, что он не виновен. Даже начальник лагеря, знавший Илью еще до войны, помогал всем друзьям бороться за справедливость. В.Д. не раз ездил с комиссаром отряда и партизаном Василием Яковенко, который был в отряде еще пятнадцати — шестнадцатилетним мальчишкой, проведать и подкормить Илью. Вышел он совсем больным и разбитым человеком. Как встречали его рабочие завода! Новый директор даже ходатайствовал о своем увольнении, чтобы Илья вновь вернулся на прежнее место. Но Процько отказался — сил уже не было. Немного поработал начальником цеха и умер. А все это было затеяно из-за крупной ссоры двух министров. И один из них поклялся, что посадит другого. Вот и сфабриковали дело фарфоровых заводов.

Разведчик партизанского отряда Илья Артемьевич Процько

Командир 4-го отряда партизанского соединения имени Чапаева Кайсын Кайсенов и партизан Василий Яковенко на приеме у легендарного С. А. Ковпака

Можно вспоминать много и написать многое о помощи В.Д. людям и близким, и малознакомым, но все это не выльешь на бумаге. Пусть это останется теплой памятью в сердцах тех, кому В.Д. сумел помочь. И в моей памяти, так как В.Д. многим делился со мной и часто просил напомнить о чем-то или ответить на письма.

Мои первые ответы на письма, посланные В.Д., начались еще в Академии. Как-то позвонили из радиокомитета и спросили В.Д., что бы он хотел услышать в концерте по заявкам Героев войны. Он слегка кашлянул и позвал меня, сказав, что полностью доверяет вкусу жены. Я попросила исполнить песню Сольвейг из сюиты Грига «Пер Гюнт» и «Итальянское каприччио» Чайковского. Вскоре позвонили и сказали, что «Итальянское каприччио» идет 18 минут, как сейчас помню, поэтому включают в концерт только песню Сольвейг. Предупредили, когда будет передача. Сидим, ждем исполнения заявки, а нашей Сольвейг все нет. Наконец объявили, что по заявке такого-то звучит песня Сольвейг Грига. Наблюдаю за В.Д., за его лицом, глазами.

Вижу, что он через эту музыку и слова и меня как бы больше почувствовал. Песня отзвучала, он помолчал, а потом сказал: «А ты понимаешь, что к чему. Эта твоя Сольвейг стоящая».

Но это еще не все. Через неделю получаем письмо от девушки. Она удивлена — летчик, Дважды Герой, и вдруг — песня Сольвейг. Просит ответить ей. В.Д. не хотел, говорит: «Опять хотят познакомиться». Но я почему-то почувствовала, что она искренне удивлена. Мой муж ответил: «Песню Сольвейг заказала моя жена, но я полностью с ней согласен». А другой девушке уже отвечала я. Потом я все больше занималась его перепиской. Не потому, что он не хотел отвечать, а просто не было времени. Я старалась ему помочь чем могла.

Полученные письма мы читали вместе, и В.Д. как бы размышлял вслух о просьбе и о том, чем он может помочь. И я знала, что отвечать по данному вопросу. О чем можно было, всегда обсуждали, советовались. И это вошло в нашу жизнь в Ростове. Скажет: «А как ты думаешь?» или: «Мам, а ты не права». Так у нас повелось, я его называла «роднуля», а он меня «мам».

А «мам» в Ростове было 22-23 года. Всегда интересуются, а какая жена у командира. Косы мои понравились, да меня, я думаю, и без кос приняли бы хорошо. Я вместе со всеми стояла в маленькой каптерке за продуктами. Тряслась в допотопном автобусе на Ростовский рынок. Так же, как и все, не спала по ночам, ожидая мужа с полетов. Если бывал такой счастливый случай, что в Ростов, в штаб дивизии, шла порожняком машина, забирала с собой нескольких женщин и неслась на старый Донской рынок на тарахтящем от возраста «Форде». А сколько рыбы было на рынке! И куда же теперь она девалась? Тогда я научилась и пристрастилась готовить ее. А раки? Куплю ведро, сварю с укропчиком и лаврушкой и не дай Бог, не досолою! В.Д. любил соленое. Сядем на балконе, и пока всех раков не перегрызем — не успокоится. Ему хорошо, он с пивком, а я пива не пила да и вообще почти ничего не пила. У меня от соли рот щиплет, губы вспухли, но ем, уж очень они вкусные!

А косы, действительно, были хорошие, наказ В.Д. не срезать их выполняю всю жизнь. Модно — не модно, коса вокруг головы.

Я периодически вхожу и выхожу из моды в зависимости от времени. Это касается и одежды. Всегда со своим стилем, не поддаваясь дешевой или экстравагантной моде. Женщина должна найти себя. Некоторые удивлялись, старались соблазнить сделать модную прическу. Бывало, на улице молодежь говорит вслед: «Колесо на голове». Всякое бывало. Кто говорил: «Коса привязана». Тогда нет. Сейчас, уже с возрастом, и косы похудели и стали даже вроде короче. Сейчас я таки приплетаю. Но так как я всю жизнь, как говорят, «зимой и летом одним цветом», то люди, окружающие меня, этого не почувствовали, а может, из деликатности молчали. В Киеве, наверно, не было пяти женщин с косой вокруг головы. А сейчас, когда Юлия Тимошенко вышла на майдан с моей прической, мне на улице стали улыбаться. Даже девушка одна показала, как говорится, «на большой». Некоторые ехидно говорили: «А у Вас прическа а-ля премьер», на что я отвечала: «Нет, это у нее прическа а-ля Евдокия».

Если мне приснится, что обрезала косы, просыпаюсь в холодном поту. Правда, косы доставляли иногда досадные минуты, не могла надеть ни одну шляпу. А так хотелось! .

Как-то в 1947 году, когда были лимитные книжки на продукты и товары, мы с Машенькой Покрышкиной поехали в Столешников переулоч, где открылся магазин головных уборов. Вошли в магазин — глаза разбежались. Машенька меряет одну, другую шляпку — ей хорошо. А у меня что ни надену, голова, как кочан капусты. Машенька купила три или четыре шляпки, а я ни одной. Талонов в лимитной книжке ей уже не хватило, и я добавила свои. Думала, что так и уеду без шляпки, но продавщица решила мне помочь. Принесла очаровательную шляпку из черного бархата, как бы пирожком, с вуалеткой а-ля Анна Каренина. Надела на косы — опять кочан на голове. А продавщица говорит: «Сделай косы на затылке». Вышло действительно хорошо — шляпка на голове держалась. Поехали домой. Сели в трофейный «Хорьх» довольные. Маша говорит: «Дунь (она меня так называла всегда), разве лет пять назад на фронте в медсанбате я могла подумать, что буду в Москве шляпки покупать».

Приехала домой, конечно, в шляпке. В.Д. был уже дома. Посмотрел, обошел меня вокруг и говорит: «Мам, а это не твой стиль, да еще вуалетка, тебе лицо прятать не надо». Так я всю жизнь и проходила в платках, платочках, повязочках, зато косы со мной. И когда я в Ростове стояла на балконе, расчесывая волосы или заплетая косы, летуны, идя на полеты, считали это хорошим признаком — полет будет удачным.

Многие думали и считали меня не битой жизнью девочкой из благополучной семьи, не зная, что я прошла непростую школу жизни со своими родителями. Голодомор. Голод в России тоже был приличный. В 1932-33 годах отец учился в Академии имени Фрунзе. Кормили слушателей в Академии, чтобы еду семье не отдавали. А семьи перебивались как могли. Радость была по воскресеньям, когда слушателям еду давали сухим пайком. Маму несколько раз подбирала «скорая» — теряла сознание от недоедания, она ведь каждый кусочек отдавала мне. Папа тоже старался из столовой хоть что-нибудь принести мне. Денег на торгсин, где продавали все, у нас не было. В общежитии, которое называли «инкубатором», у нас была маленькая комнатка с казенными железными кроватями, столом и табуретками. Да мамин сундук, где была моя мечта — мамины артистические костюмы. Кухня общая, большая, и примусы. Сейчас многие даже не представляют, что это такое. У нас с мамой было два одинаковых байковых платя, которые мама сшила руками. Одно выстирает, оно сохнет, а другое на нас.

Потом был Минск, где стало немного легче жить. 1937 год — опять Москва, Академия Генерального Штаба. Второй выпуск Академии. А кругом аресты. Люди уходили и не возвращались домой. Лучшая часть командного состава была уничтожена. Первый выпуск Академии почти весь был арестован. Большая часть второго тоже.

Мне кажется, что отец уцелел потому, что он был более «серым» из этой плеяды первых слушателей Академии. Маршал Баграмян, а тогда еще полковник, был демобилизован. В 1939 году мы жили с ним в одном общежитии слушателей Академии. Многие боялись с ними здороваться, как-то обходили стороной.

У Баграмяна было двое детей — сын и дочь, моя подружка Марго. Жена Баграмяна — княжна из старинного армянского рода. Мне не запрещали к ним бегать на этаж ниже. Отец давно его знал, верил и продолжал встречаться, не избегал, не прятал глаза при встрече с ним. Баграмян это помнил всю жизнь.

На нашем этаже арестовали преподавателя Бебриса. Латыш, из бывших латышских стрелков. Взяли с женой, остался сын, который учился в десятом классе. Мама подкармливала его. Вскоре его выселили и перевели в общежитие. Жить было не на что. Пошел работать почтальоном, чтобы заработать себе на хлеб. Школу пришлось бросить.

Уволили из армии полковника Упмана — латыша. Впоследствии он стал генерал-лейтенантом. Прекрасный преподаватель полковник Курасов, впоследствии генерал армии, тоже был уволен. Сколько же они пережили!

А по Москве ползли слухи: взяли того, тот враг народа, тот застрелился, а где-то поймали шпиона, где-то построили дом, который сверху выглядит, как фашистский знак.

1939 год. Германия напала на Польшу. На выпускном базаре для слушателей Академии папа почти на все имеющиеся у нас деньги купил преемник СВД-9, который долго и верно служил нам потом и в Китае. Однажды, крутя ручки преемника, папа нашел Польшу. Диктор тревожным голосом говорил, что только что неприятель бомбил Варшаву. Отец свободно говорил польски, в Академии он учил этот язык. Его готовили на работу военным атташе в Польшу, а она уже оккупирована немецкими войсками.

В ноябре 1939 года он улетел в Западный Китай — провинцию Синьцзян. А в последних числах декабря мы с мамой оказались в столице Синьцзяна Ди-хуа — это по-китайски, а по уйгурски Урумчи. Основной процент населения в Синьцзяне — уйгуры и дунгане, приблизительно 90-95%. Китайцев было мало, хотя все основные должности в армии и правительстве занимали китайцы. Когда у Никиты Сергеевича Хрущева было обострение отношений с Мао Цзедуном, последний волевым решением переселил в Синьцзянь 25 миллионов китайцев, так как в Узбе-

кистане и Казахстане у нас было много уйгуров. Даже был уйгурский национальный округ. И Мао Цзедун боялся, чтобы Хрущев не подал руку братской помощи уйгурскому народу. 25 миллионов! Переселение татарского населения бледнеет перед этим размахом.

Жили мы в Урумчи в бывшем доме атамана Семенова, бежавшего из Советской России в Китай и умудрившегося и там за политический авантюризм быть арестованным и высланным. Там было много русских, случайно затянутых в банды и по растерянности, и от страха покинувших Родину. Есть очень сильный фильм «Бег», снятый по пьесе М.

Булгакова. Увидев его, я еще раз почувствовала, что такое человек, потерявший Родину, а в Китае все это видела своими глазами. Нищенское, бесправное существование. Работать негде, языка не знали, но старались как-то сплотиться. Даже создали свое общество «Русская культура». Была гимназия, а учебники получали через представительство «Русской книги» из Советского Союза.

Как все русские хотели в Россию! Когда началась война, сколько людей обращалось с просьбой отправить их на фронт. У кого были сбережения, отдали в фонд обороны Советского Союза. Некоторые получали советское подданство без права выезда в Советский Союз, но они уже были под защитой нашей страны и могли посещать консульство и все мероприятия, проводимые там.

Компартия в Синьцзяне была на полулегальном положении. Секретарь Сюй-Де, выходец из района, где господствовал Гоминдан. Там осталась его семья. У него была дочь моих лет, и я чем-то напоминала ему ее, особенно, когда я ходила в китайском платье. Он научил меня есть палочками. Сначала не получалось,

Восточный мотив

В Урумчи

все время что-то падало и, к сожалению, не в тарелку, а на платье. Но потом научилась. Когда отец устраивал у нас в большом зале приемы, я ела палочками, чем вызывала удивление и восхищение китайских офицеров.

На приеме я ходила по залу в китайском платье, мило улыбалась и угощала спиртным офицеров, когда надо было отвлечь их внимание от отца, занятого разговором с кем-то из нужных людей. Еще в мои обязанности входило подливать папе чай вместо коньяка или воду вместо водки. Справлялась неплохо.

В апреле 1941 года отца вызвали в Москву, но улететь удалось только 20 июня. На Даванчинском перевале, что в 90 километрах от Урумчи, чума. Объявили карантин.

Перед вылетом в Москву отец запросил о возможности взять меня с собой и поехать полечиться в Эссентуки. Путевки папе были обещаны. Мама осталась в Китае. 20 июня мы вылетели в Алма-Ату и в тот же вечер сели в поезд на Москву. А поезд шел почти 5 суток. 22 июня на какой-то станции услышали, что началась война. А мама в Китае, на миг представили себе, как она там переживает, волнуется. Ближе к Москве навстречу уже шли первые поезда с эвакуированными. В Москве нас встретили и повезли в закрытую резиденцию для таких сотрудников, как отец. Я осталась там, а отец сразу пошел на доклад к Молотову.

Вечером сказал мне, что задержимся в Москве и в Эссентуки пока не поедет. Папа стал проситься на фронт. Не разрешили. Сказали, что он нужен в Китае. Я перебралась к Таленским — старым друзьям нашей семьи.

В первых числах июля вся страна слушала выступление Сталина. Как сейчас помню это, особенно слова: «К вам обращаюсь я, друзья мои».

Все рвались на фронт. Небо Москвы в аэростатных заграждениях. Дежурили на крышах, и всем хотелось поймать шпиона. Отец получил инструкции и новое задание. Как говорится, размышления к информации.

И вот мы едем назад. Отцу удалось убедить вернуться в Китай брата Дубаня, который закончил в Москве Академию имени Фрунзе. Дубань в переводе — правитель, а его имя Шен Ши-Цай. Дубань хотел, чтобы брат в будущем стал министром обороны Синьцзяна. Звали его на русский манер Николай Иванович. Сначала ехали в поезде почти 5 суток — Николай Иванович, его жена очаровательная китаянка Марина, доченька Лия трех лет. Марине еще не было и двадцати лет, а мне около пятнадцати. Мы познакомились еще в Китае, когда они приезжали в отпуск. Лия скучала по детскому садику, Марина улыбалась сквозь слезы, а Николай Иванович вообще не находил себе места, не хотел возвращаться, просился на фронт.

Папа очень переживал за них. Понимал, как им будет трудно в Урумчи. Феодалная семья Шен Ши-Цая не признавала Марину, хотя жить им надлежало в их поместье. Отец сказал мне: «Подружись с Мариной, ей будет очень трудно». Оказалось, еще труднее и страшнее, чем думали.

На родине шла война, а мы в Китае. Многое я там повидала, многое пережила. Все не расскажешь и не опишешь.

Когда со временем, лет через 10—12, после Китая, Англии, Норвегии и Генеральной Ассамблеи ООН отцу предложили все описать, он отказался. Слишком тяжело вспоминать... Да и все бы лежало в архивах. А сердце болело за каждого потерянного работника — честного разведчика нашей Родины, имена которых где-то в архивах. Сюда бы Пикуля. Китай, вот где была закулисная игра официальной политики.

Скажу только, что через Центральный Китай шла связь из Японии к людям, работавшим на отца. Сначала на пятую точку — Хами, а потом Урумчи и дальше на Москву. Города по марш-

руту наших самолетов были под номерами: Хами — пятая точка, Ланчжоу — шестая и т.д. Наша третья точка — Урумчи. Не знал тогда отец, что информация начала 1941 года была от Зорге. Узнал об этом лет через 10. И вызывали его в Москву в мае 1941 года к Молотову именно по этому вопросу.

О том, что происходило на войне, официально узнавали через консула Бакулина, а неофициально — по папиной связи. Часами с мамой сидели у нашего приемника СВД-9, но слышно было плохо, ужасная ретрансляция через Алма-Ату. Понимали, что положение тяжелое, наши войска отступали, и отношение к нам правительства Шен Ши-Цзя соответственно менялось.

Наступил 1942 год. Николай Иванович появлялся у нас все реже. У Марины, несмотря на косые взгляды родных Шен Ши-Цзя, я все-таки бывала. И она, когда не было толстого Ли, переводчика, приставленного к маме и ко мне, тихонько говорила, что Николаю Ивановичу надо встретиться с папой.

А вскоре папе официально сказали, что родные Дубаня не хотят, чтобы я бывала у Марины. Как-то встретила Марину. Она хотела броситься ко мне, но была не одна и как-то виновато улыбнулась. Вид у нее был неряшливый, и чувствовалось какое-то беспокойство в лице.

Прошло еще несколько недель, и нас посадили под домашний арест. Связь отрезана. А мы-то не советские подданные — папа генерал китайской армии.

Отец чернее тучи. Сказал нам, чтобы ко всему были готовы. Убили Николая Ивановича. Дубань шлет в Москву сообщение, что отец троцкист и убийца. Но Москва молчит. Через две недели от Молотова на консула Бакулина пришла телеграмма для отца: «Мы вам верим, возвращайтесь». Возвращаться, но как? Мы под арестом, советских паспортов нет. Удалось мне уговорить охрану отпустить меня в школу на экзамен. Там-то Бакулин сказал мне: «Успокойся» и передал на словах текст этой телеграммы. Еще сказал, что я могу гордиться своим отцом. Сведения, которые он передал в последнее время, помогли прикрыть наши юго-восточные границы от Японии. Это Николай Иванович предупредил отца о сговоре Дубаня с японцами, о согласии

пропустить их к нашей южной границе, о предоставлении им прав на разработку месторождений вольфрама и молибдена. Дубань, чтобы удержаться у власти и боясь, что Советский Союз проиграет войну, заигрывал с японцами. За это убили Николая Ивановича, нас арестовали, а Марину, нежную, хрупкую Марину, бросили в темницу, заковав в кандалы. Я чуть с ума не сошла, когда это узнала.

Советскому правительству удалось добиться разрешения на наш отъезд. Но вылететь не можем — наш самолет в Алма-Ате, а Урумчи его не принимает. А здесь оставаться уже опасно — не знаем, что задумал Дубань. Решили ехать машиной, а паспортов нет, флага на машине нет, мы без гражданства. Делай в дороге с нами что хочешь. И дипломатический скандал поднять нельзя. Спасибо консулу, ехали с ним в его машине, а наша шла пустая.

За Кинсайским перевалом нас встретил консул Кульджи, у которого мы и переночевали. Довез он нас до самой нашей родной границы. У мамы слезы в глазах, отец сосредоточен, я молчу.

Когда много лет спустя я смотрела фильм «Мертвый сезон», то вспоминала наше возвращение. В фильме прилетает самолет, бурная встреча, играет оркестр и ...выходит футбольная команда, которую так шумно встречают. А потом тихо по трапу спускается скромный человек. Жмут ему руку, целуют, в машину и поехали. В этой картине прототип Абея — одного из лучших разведчиков в мире. О нем президент США сказал: «Хотел бы я иметь парочку таких в России».

Так и отца встретили несколько человек, крепко пожали руку, и мы уже нашей машиной едем в Алма-Ату. Папа срочно выезжает в Москву, а мы едем назад к границе и остаемся в маленьком городке Джаркенте в 40 километрах от границы с Китаем. Благо, командир батальона, входящего в состав Сарызекской бригады округа, Виталий Журкин, предложил папе такой вариант. Обещал прикрепить нас к столовой, где питались офицеры его батальона. Приехали, сняли небольшую комнатку, и началась наша жизнь на Родине. Дней через 20 получили от папы письмо, из которого поняли, что с ним все в порядке, что он теперь на месте Филиппа Ивановича. Мама сразу поняла — на месте Голикова.

А мы так волновались, не знали, что папу ждет на Родине. Мы помнили 1937 год.

Значит, начальник разведуправления вооруженных сил, во главе которого когда-то был знаменитый Берзинь.

В Джаркенте мама стирала солдатам белье. Я работала в подсобном хозяйстве батальона, почти у самой границы, на склоне невысоких гор. Днем дикая жара, ночью холодно. Жили в палатках. Работали много. Кое-что заработала. С гордостью к концу лета привезла маме картошку, морковь, кое-что еще (не помню), но литровую баночку меда хорошо запомнила. Это мне была награда за хорошую работу.

Все, что привезла, было большим подспорьем к трем тарелкам супа и трем ломтям хлеба, которые давали в день в столовой. Трудно было, но не только нам. Так что руки мои знали, что такое труд.

Может быть, мои воспоминания не совсем последовательны, в какой-то мере сумбурны и слишком личные, как бы отступление от основной линии, но такова память сердца, память души. Одно как бы тянет ниточкой другое, и все словно захлестывает тебя волной крупных и мелких событий. Словно заново переживаешь прошедшее, чему-то улыбаешься, от чего-то сердце заходится тоской и болью. Могла бы еще очень много написать о Китае, о жизни в Джаркенте, о возвращении в Москву, но боюсь, что это отбросит от основной темы — темы моего дорогого незабвенного мужа.

И я в мыслях и на бумаге возвращаюсь в Ростов. Там, в Ростове, наша семья стала настоящей военной семьей. Дома готовность №1 по любым вопросам. Должна быть готова к тому, что муж в течение десяти минут может улететь или уехать куда-нибудь. Может в любое время дня, а иногда и ночи, вернувшись из командировки, приехать с товарищами по работе или с кем-то из фронтовых друзей. И из ничего надо сделать что-то вкусненькое, хорошо принять и улыбаться да и самой быть в порядке. Это В.Д. очень ценил. За всю нашу долгую жизнь он не видел меня непричесанной и, как говорится, «расхрыстанной».

Как-то В.Д. звонит и говорит, что минут через пятнадцать приедет с генералом Пестовым обедать. Хорошо, что утром сварила курочку да не всю с сыночком съели. Грудку-то я вырезала на котлеты на завтрашний день. Так что мяса на этой курочке раз-два и обчелся. В этот день я В.Д. не ждала к обеду, знала, что занят с московским начальством. А начальству захотелось посмотреть, как устроился командир дивизии, которого он как Володю знал еще на фронте. Быстро накрыла на стол, опыт уже появился — какие-то овощи, селедочка. Быстро сделала из белого хлеба маленькие гренокки к бульону. А от курочки осталась одна ножка и два крылышка. Угощаю, все хорошо. Сама не сажусь фундаментально за стол, говорю, что уже поела да мужским разговорам, мол, мешать не хочу. Даю второе. Ну, гостю, конечно, ножку с отварной картошечкой. Ножка по его росту — мелковата, но больше нет, а мужу два крылышка. В общем, не густо. Но вижу вроде сыты, овощи выручили.

Тут мой гость и говорит: «Ну конечно, гостю ножку, чтобы скорей уходил, а мужу крылышки, чтобы лучше летал». Я смутилась, покраснела. Девчушка еще была. А гость, видя мое смущение, стал говорить о муже как о летчике в войну и летном командире сейчас, в мирное время. Сказал, что В.Д. меньше чем за год сделал очень много в дивизии, особенно по вопросу боевой подготовки, что дивизия выйдет на первое место в корпусе и, видно, на второе в войсках ПВО. Похвалил, что приступили к освоению нового по тому времени вида боевой подготовки — ночным полетам.

А у жен еще больше волнений. Линия взлета проходила прямо над крышами наших домов. Всегда знали, что идут ночные полеты. В Ростове я впервые увидела В.Д. в воздухе. В Москве он меня не брал на аэродром, когда ездил на тренировку с Александром Ивановичем, а здесь все рядом. Каждая жена знала, когда кто летает да еще над домом низко пройдет.

Летал В.Д., как Бог. Особенно здорово заходил на посадку. Летчики говорили: «Никогда не козлит». Точно сажал машину. Указатель высоты, когда остается до земли метров 10—8—5, практически уже не показывает точно, а надо, чтобы шасси кос-

нулось земли точно и не подпрыгнуть, а потом опять коснуться. И так бывало у некоторых летчиков несколько раз. Его часто спрашивали молодые, да и не только молодые летчики, как это он ни на фронте, а уже в мирной жизни так точно садится. Он шутя, может быть не совсем прилично, говорил всегда: «Летчик ж... должен чувствовать землю».

Приближались большие учения. Должен был приехать сам Савицкий. Росло напряжение у летчиков, у В.Д. и, конечно в семьях. Жара в Ростове страшная. Я разболелась, пришлось отправиться на обследование в госпиталь на несколько дней. А сынишка с водителем Мишей на аэродроме, когда папа летал, или дома с тетей Машей, которая раньше жила у старого командира и потом осталась у нас. Когда старые хозяева уезжали, они попросили приютить ее, пока она не устроится. Она родом из-под Рязани. Своей семьи у нее не было. Маша вошла в наш дом, милая, уютная женщина, и осталась навсегда. Я благодарна судьбе за это. Иногда она уезжала в деревню под Рязань. Там были сестры, мать и племянник. Но, пожив там несколько месяцев, она возвращалась. Очень привыкла к нам.

В один из таких жарких дней, когда Петенька с водителем были на аэродроме, а В.Д. в воздухе, от жары и большого напряжения у В.Д. начался приступ параксизмальной тахикардии. Еле посадил самолет. Вытащили его из кабины, положили под крыло, там была небольшая тень. Подбежал врач. Хорошо, через несколько часов удалось сбить приступ.

Петенька очень испугался и начал заикаться. Когда я через два дня вернулась домой и услышала, как он говорит, сердце оборвалось. Слава Богу, через месяц речь восстановилась. А с В.Д. было сложнее. Учения прошли блестяще, но под давлением медицины наверху решили, что В.Д. нельзя работать в жарком климате. А пока решали, какой из этого вывод, В.Д. летал и летал.

Вскоре позвонил Савицкий. Звонит, а В.Д. в воздухе, звонит еще — опять в воздухе. Наконец, поймал. Говорит: «Ну что, полковник, спустился на грешную землю?»

В.Д. сразу не понял, о чем речь, говорит, что проводил показательный воздушный бой с командирами полков. Савицкий рас-

смеялся и говорит: «Спустись на землю, полковник». Только тогда и дошло, что присвоили звание полковника. Это было и очень приятно, и очень нужно. В дивизии почти весь управленческий аппарат — полковники, а командир — подполковник. Конечно, его уважали не за звание, а за знания, боевой опыт, работоспособность, объективность в оценке событий и людей, за желание и умение постичь навыки командира в мирное время.

Савицкий еще раз, уже более утвердительно, сказал, что В.Д. будет переведен в климатически более прохладное место. В.Д. расстроился — привык к коллективу, достиг прекрасных результатов, вывел дивизию, как сказал командующий, на передовые рубежи. А теперь все бросать и начинать сначала. Понимал, что дивизии в хорошем состоянии ему не светит. И люди новые, и обстановка, видать, не ахти какая. Но Савицкий знал, чем подкупить В.Д.. Сказал, что там не только новые люди, но и новая техника. В.Д. сразу оживился, спросил, какая. Ответ получил ясный и точный, как все у Савицкого: «ЯК-17 по оборудованию и пилотажным данным близок к твоему любимому ЯК-3. Это модификация первого реактивного ЯК-15. Полки еще не переучены, и тебе придется этим заняться».

Все решилось довольно быстро. И вот мы погрузили наше небольшое имущество — и в Москву. Там я с сынишкой осталась у своих родителей, так как в Горьком, куда теперь лежал путь нашей семьи, еще негде было жить. Наша тетя Маша не осталась в Ростове и уехала к себе в деревню, взяв с меня обещание, что, когда будет где жить, она приедет к нам опять.

И вот мы в Горьком. Старый купеческий город, Купавинский рынок, старый Кремль, где в одном из флигелей был штаб дивизии. Волга и на крутом берегу памятник В.П. Чкалову.

Через несколько недель приехала на побывку к мужу. Жил он в гостинице, пока не было квартиры. Почти рядом Горьковский драмтеатр, который мы, конечно, посетили. Я была удивлена уровнем талантливости режиссера и артистов. В день моего приезда вечером отправились гулять по городу. В.Д. показал мне Нижегородский Кремль, завел меня в свой кабинет. По тем временам ничего: стол, телефон, стулья, шкаф для книг — все,

что нужно для работы. А потом пошли к Волге. И вдруг вижу — стоит Чкалов, большой, смелый, красивый. Стоит над своей любимой Волгой, где прошло его детство. Сразу вспомнила Ольгу Эразмовну, как она там без такого богатыря. Памятник работы талантливого московского скульптора Менделевича. Летом 1945 года он первый лепил В.Д. для одного из музеев Москвы. Где сейчас этот бюст, не знаю. Вспомнила, как В.Д. повел меня в мастерскую Менделевича посмотреть, похож ли бюст на него. Менделевичу нравился В.Д., говорил, что есть, что лепить, за что ухватиться в лице, как и у Чкалова. Действительно, что-то было у них общее — размах бровей, широкоскулое лицо, коренастая фигура и риск, отвага во всем облике. Так уж случилось, что люди, увековечивавшие память Чкалова, работали и с В.Д. Менделевич лепил с них обоих, а писатель Николай Бобров, написавший перед войной хорошую книгу о Чкалове, начал писать о В.Д. книгу «Сокол-17», которая вышла в Смоленском издательстве.

Стояли около памятника Чкалову, вспоминали многое, и вдруг В.Д. рассмеялся. Говорит, что Менделевич, увидев меня в первый раз с косами в 1945 году, сказал: «Связался черт с младенцем». А «черт» с «младенцем» прожил большую хорошую жизнь 44 года. Увы, не дотянул до «золотой» свадьбы. «Черт» дал «младенцу» очень много, главное, умение общаться с людьми и правильное понимание жизни. «Младенец» тоже отдал все что мог. «Черт» стал нежнее, а «младенец» сильнее.

И началось дальнейшее познание жизни. По вечерам, сидя в уютном и более чем скромном однокомнатном номере в гостинице (слава Богу, был туалет), делились впечатлениями о городе, о работе и о людях, с которыми ему надлежало работать и выполнять ответственное задание — переучивать летчиков работать на самой первой реактивной технике.

Рассказал мне, как через неделю, немного разобравшись с помощью начштаба Валежанина и зама Мальцева с планами боевой подготовки, изучил дислокацию частей дивизии. Решил все посмотреть не на бумаге, а в действительности. Отправился поездом в гарнизон под Горьким, где размещался один полк. Начштаба должен был позвонить туда, чтобы встретили. Вышел

на маленьком полустанке, а его никто не встретил. Подошел к единственному милиционеру и спросил, где аэродром, как пройти туда. Отвечает: «Вон по той дороге с телеграфными столбами километров 10».

Дорога между высокими сугробами, а посередине санный след. И пошел по этому следу. Насквозь промерз, хотя шел быстро. И никого нет на дороге. А потом увидел сани, ехавшие навстречу. Солдат погонял гнедую кобылку. Спросил его, куда едет. «Какого-то полковника встречаю». Понял, что это его, так как из поезда больше никто не выходил. Солдат укутал В.Д. тулупом, и они поехали. В.Д. спросил его, есть ли машина, а тот, шутя, говорит: «Тут на санях еле проедешь, а командирский «Виллис» только на расчищенном аэродроме боеспособен». Стал расспрашивать о том, как живут, тепло ли в казармах. Солдат отвечает, что казармы нет и живут по крестьянским хатам. Денег нет, чтобы платить за жилье, так что помогают по хозяйству. Разговорчивый попался паренек. Спросил его, как с дисциплиной. Отвечает: «Все в порядке». В.Д. говорит ему: «Хорош порядок, если даже командира дивизии не встретили». А он обрадовался, что первый раз такого начальника везет.

Подъехали к аэродрому, на его краю стоит какая-то хибара. «Это наш стартово-командный пункт», — с видом знатока объясняет солдат. Остановились около покосившегося деревянного домика. «А это наш штаб», — весело доложил паренек. «Ну и ну, — подумал, — такого я еще не видел». Из домика выскочил какой-то летчик. Спросил у него, где руководство полка, говорит, что разошлись все куда-то. Больше часа В.Д. ждал, пока все собрались. Стал спрашивать, как же они так живут и работают. Командир полка объяснил, что они обращались к старому командиру дивизии с просьбой помочь с благоустройством, а он ответил, что легче их перевести куда-нибудь, чем здесь что-то делать.

А В.Д. знал, что никаких перемен не будет. Сказал им об этом: «Здесь будете капитально обустроиваться и готовиться к приему новых самолетов ЯК-17». Все сразу повеселели.

На аэродроме, правда, порядок. Взлетная полоса расчищена, а самолетов не видно. Спросил: «А где же техника?». Командир

засмеялся. Оказалось, что хорошо замаскирована в небольшом лесочке.

Рассказывал В. Д. об этом с оптимизмом. Поверил он в этих людей. Как они обрадовались, узнав, что есть объем работ, буд-дут дела, а главное — новая техника. Невольно сейчас вспомни-ла слова песни: «...у летчика мечта — высота, высота», а теперь и скорость.

Был В.Д. еще в одном полку с благоустроенным бытом. Коман-дир полка воевал и был фронтовым другом командира кор-пуса. Но переучиванию на новую технику не обрадовался. Как-то очень уж замысловато стал говорить, чтобы переучивались сначала соседи, а они — погоды. Правда, полк в прошлом году был безаварийным, но и полетов почти не было. Боевая подго-товка на «трояк». Под всякими предложениями удерживались от по-летов. Такова установка командира полка Воронина. А сам он летал минимально. Нет полетов — нет аварий. Командир полка, как говорится, уже «вылетал свой возраст». Воевал он неплохо, но теперь пора списываться с летной работы. В.Д. почувствовал, что тот уже сам не уверен в своих силах, но уходить не хочет. Думал «потянет резину», как было при старом командире дивизи-и, которого, кстати, сняли за небоготовность дивизии.

Я почувствовала, что в этом командире В.Д. не уверен. И он не ошибся. Но командир корпуса сказал, чтобы В.Д. потерпел еще немного, пускай командир полка полетает на ЯК-17, и переве-дут его на командный пункт, где уже самому можно и не летать. В.Д. обратился к командиру корпуса, сказал, что Воронину пора оставить летную работу, но тот попросил потянуть, пусть, мол, вылетит на ЯК-17. Дотянули... Переводить уже было некого. У В.Д. было какое-то чутье. Он всегда чувствовал, когда летчик на-чинал терять уверенность и ему пора уходить. Этот случай был хорошим уроком. Отстаивать надо свое мнение вплоть до глав-кома.

А в Горьком жизнь шла как во всей стране, пережившей страшную войну. Город был запущен, с жильем плохо, но мы все-таки получили маленькую трехкомнатную квартиру в кон-це центральной улицы. Если пойти по ней и топтать, и топтать —

дойдешь до центра. По дороге много ларьков с водкой и пивом. Пили в городе здорово. Особенно меня потрясла пьяная, как говорится «в дрезину», женщина лет сорока, валявшаяся в луже. И никто на это не обращал внимания. Я сразу не поняла, что она пьяна, бросилась к ней, чтобы помочь, но сивушный перегар и меня чуть не сшиб с ног. Прохожие рассмеялись над моей наивностью, и кто-то сказал, что такие сцены здесь можно видеть довольно часто. Сказали: «Привыкай, девочка». Нет, к этому привыкнуть не смогла. К людям хорошим, работающим привыкла.

Коллектив штаба дивизии был неплохой. Познакомилась с женами. Все были в полтора-два раза старше меня. А мне 23 года. Невольно сравнивала Ростов и Горький. Там, в Ростове, жены летчиков были моложе, любили повеселиться, одеться, посудачить о женской доле, о мужьях. Помню, как-то мы были в гостях у заместителя командира полка. Он хороший летчик, воевал, женился после фронта.

Женщины в основном были жены летунов, а не комсостава. Зашел разговор о мужчинах, которые часто изменяют женам. Говорит, что был в командировке, а сам у чужой жены переночевал. Женщины подхватили эту тему. Одна хорошенькая, но самоуверенная сказала: «А мой муж никогда мне не изменял и не изменит». С нами была жена замначальника тыла дивизии. Ей лет 45. Спокойная и довольно красивая женщина. В бурный, животрепещущий разговор она долго не вступала. Сидела, молча улыбалась и поглядывала на меня, видимо, ждала, что и я вступлю в «дебаты». Но я молчала, еще не было опыта в таких вопросах, «не обжигалась». Женщины меня не тормозили, все-таки комдивша, а ее спросили, что она думает. Она, так же спокойно улыбаясь, сказала: «Я никогда не стану утверждать, что муж мне не изменял, я не знаю, но я благодарна, что он мне, как женщине, никогда не дал это почувствовать».

Я эти мудрые слова запомнила на всю жизнь. И здесь, в Горьком, глядя на жен командиров, как-то особенно прочувствовала их.

Спасибо им за внимание ко мне, за их материнскую заботу. Одна подскажет, как что-то приготовить, другая — как засолить в бочке помидоры, как поступить с провинившимся сынишкой. А когда услышали, что я жду второго ребенка, беспокоились о

моем здоровье, зная, что первые роды были у меня тяжелые. Я после сынишки пролежала около трех месяцев — правосторонний тромбофлебит бедра и голени. Все женщины были разные, каждая со своей судьбой, прошедшие через мучительные ожидания мужей с фронта.

Там, в Горьком, В.Д. пристрастился к охоте. Вокруг леса, зверя много. Да и грибы собирали все вместе. Только рыбалка его как-то не затянула. Сидеть с удочкой и ждать, пока рыбка клюнет, — не в его характере.

Колоритной фигурой был начштаба Валегжанин. Он уже дослуживал свои военные годы. Выпьет, бывало, больше нормы и начинает декламировать «Скупого рыцаря» Пушкина, которого знал почти полностью наизусть. Как только он начинал декламировать, жена старалась увести его домой, что не всегда легко давалось. А на следующий раз в гостях — опять «Скупой рыцарь», несмотря на то, что дома жена стружку снимала со своего совсем не скупого рыцаря.

Если я иногда удивлялась и возмущалась чем-нибудь, муж говорил: «Мам, ты еще жизнь и людей мало знаешь. Надо их принимать такими, какими они есть, но знать, кто чего стоит как человек, друг и работник». Эти качества В.Д. особенно ценил в людях. Подхалимов не переносил. Правильную критику воспринимал правильно, но и защищаться умел. Работа и отдых в Горьком шли хорошо. В.Д. со своим заместителем часто ездил по частям и убеждался, что переучивание идет нормально. ЯК-17 пришелся по душе летному составу и не вызывал особых затруднений в овладении им. Готовились в скором времени испытать самолеты в боевом применении — в учебных стрельбах и воздушных схватках. В.Д. был счастлив, и тут, как снег на голову, вызов в Москву к Главкому. Не могли понять, вроде бы все нормально, ЧП нет, дисциплина в частях хорошая.

Вернулся в приподнятом настроении. Маршал спросил его про переучивание летного состава и освоил ли он сам ЯК-17. «Создалось впечатление, — сказал мне муж, — что он уже все знал и задавал вопросы перед началом чего-то нового, о чем хотел мне сказать». Похвалил его и сказал новое: «Теперь возгла-

вите учебный Центр летной подготовки и боевого применения истребительной авиации ПВО страны». И добавил, что В.Д. будет подчинен непосредственно ему.

В.Д. вернулся и счастливый, и озабоченный — шуточка ли такой Центр корпусного значения! Центр был создан в 1946 году. Первыми инструкторами там были летчики, испытывавшие первые реактивные самолеты. Сам Савицкий тоже там переучивался. Через несколько дней он позвонил В.Д. и сказал, что перед Центром стоят особо ответственные учебные задачи — отрабатывать новые наставления по полетам, инструкции по пилотированию реактивных истребителей, особенно в ночное время. Переучивание командного состава истребительной авиации ПВО страны и доведение до кондиции новой техники. «Голова моя пошла кругом», — сказал В.Д. А когда спросил Савицкого, почему выбор пал на него, тот ответил: «Ты в короткое время вывел одну дивизию из прорыва и переучил на новую технику другую. У тебя есть хватка и боевой опыт, а главное — умение правильно подбирать кадры». Это верно, В.Д. умел работать с людьми и знал, кому какое место в работе подходит.

Стали ждать приказа. Я потихоньку начала складывать вещи. Написала тете Маше в Рязань, чтобы она приехала, а сама готовилась стать мамой во второй раз. На семейном совете решили, что лучше мне уехать рожать в Москву, в ту же клинику, где родила сынишку. Врачи боялись опять осложнений — тромбоза. Мне ведь не разрешали рожать второго ребенка, боясь плохого исхода. Но я хотела иметь двоих детей — мальчика и надеялась, что второй будет девочка. Мои ожидания оправдались.

Я уехала в Москву к родителям, а приехавшая тетя Маша руководила переездом в Сейму, что километрах в семидесяти от Горького.

Сейма... Горький рядом, да не прыгнешь. Кругом леса, воинские части, какие-то военные хранилища и наш летный Центр. Вторая половина этого Центра была в Севастлейке, ближе к Ярославлю. Сейма — маленькая станция и маленький городок, больше похожий на хорошую деревню, и наш военно-летный Центр за забором. Маленькие финские домики и за ними лес.

Плохонький клуб, теннисная площадка и небольшое спортивное поле, летом — футбольное, а зимой — хоккейное. На этом хоккейном поле произошел забавный случай, очень характерный для В.Д.

Солдаты играли в хоккей по субботам и воскресеньям, а когда готовились к встрече с сеймовской командой, то и чаще. Капитан команды то ли прапорщик, то ли сержант. Когда-то он был в молодежной хоккейной команде у себя на родине. В.Д. пару раз с любопытством наблюдал за играющими и решил, что это не так уж сложно. Мол, могу летать, так уж с шайбой должен справиться, надел плохонький спортивный костюм, хорошо-го не было, солдатскую шапку-ушанку, пыжиковой тогда тоже еще не было. Благо, поле почти напротив нашего домика. Но команды в полном составе. В.Д. стоит, наблюдает. По какой-то причине выбыл вратарь одной из команд. Капитан команды подъехал к В.Д. и спросил: «На ворота станешь?». В.Д. с радостью согласился. А сам думает: «Самолеты сбивал, а шайбу, что ли, не поймаю?!». Но не тут-то было. Пропустил в ворота одну, вторую шайбу. От напряжения ушанка съехала на лохматые брови. Пока поправлял ее — в воротах третья шайба. И тут один из игроков его команды не выдержал, подлетел к нему, покрыл классическим матом, замахнулся клюшкой и вдруг увидел, что это начальник Центра. Дунул он, бедняга, с поля и кричит, чуть ли не «полундра, спасайся кто может». А неудавшийся вратарь сдвинул ушанку и на коньках направился домой. Дома смеялся до упаду, когда показывал мне эту сцену в лицах. Солдаты ждали, когда же будет им разгон, и боялись на глаза попадаться — вдруг узнает кого-нибудь. Зря боялись!

В.Д. всю жизнь вспоминал свой выход на хоккейное поле. А капитан команды через недельку пришел к В.Д. извиниться. Но в кабинете вместо разгона был дружный хохот.

Наше жилище было смонтировано из полутора финских домиков. Печки кафельные, но не в стене, а в стороне от стены сантиметров на 40. Печи были по типу немецких, но, увы, работали и грели по-русски, в худшем варианте. Пока растопишь — согреешься. Топили углем и дровами. Брикетов, как в Германии, не было, поэтому грязи и угольной пыли вдоволь. На кухне

— дровяная плита и многострадальный боевой друг — керогаз. Вода в колодце за домом, правда, вкусная. Как зимой не топили, в кабинет В.Д. зайти без пальто можно было на 5 — 10 минут, холодно. Дома рабочий день начинался с растапливания печей. За ночь все выдувало.

Приехала я в Сейму с доченькой уже зимой, перед самым Новым годом. Я долго проболела после родов. Оленька на искусственном питании. А молочных кухонь для детей здесь, конечно, не было. Да и с молоком тоже не очень хорошо. Как-то выкручивались. А летом, когда Оленька стала на ножки и бегала по двору, заедали комары. Петеньке почти 6 лет, он сам отгонял ветками комаров от себя и от сестрички, но была она покусана до ужаса, на теле словно ветрянка.

Сыну было раздолье. Как вырвется за забор нашего дома, так и не найдешь. Подружился с ребятами, и нашли они себе подходящее место для игр. На краю аэродрома была свалка вышедших из употребления деталей самолетов, разбитых легковых машин и самолетов после аварий. Там и кресла с катапультами вроде бы испорченные, отломанные крылья и еще Бог весть что. Для мальчишек — сказочное царство. За несколько лет существования Центра скопилось много всего. Все матери пережили за мальчишек. Особенно после того, как одному там сильно прищемило ногу, а на другого что-то свалилось, еле вытащили. Пришлось поставить пару солдат для охраны. Но мальчишки есть мальчишки, все-таки туда пробирались.

В Сейме была школа, и детей туда отвозили, а в гарнизоне ребятам было тоскливо. Мамы заняты, надо кормить детей, а с продуктами туго. Благо, летный состав питался в основном в столовой. Но некоторые старались летный паек брать домой, чтобы дать детям шоколадку или сгущенку. Тут с продуктами было хуже, чем на аэродроме под Ростовом. Там хоть было километров 18 — 20 до города и ходил автобус. Да и Ростовский рынок был богатый. А здесь, в Сейме, на станции ничего. У всех маленькие участки при доме. Держали коров, кур, но продавали редко. Самим надо было. Рынок на станции часов в 6 утра, не успеешь — ничего не купишь. А в Горький ехать 70 км туда, да еще по городу с тяжелыми сумками, и 70 км назад.

Ох, совсем непросто. Так что хлеб наш насущный доставался семье трудновато. Правда, В.Д. организовал привоз хлеба через день и два раза в месяц привоз продуктов.

Так и жили. Но ведь не ныли, тогда, после войны, все это казалось нормальным. Лишь бы мужья возвращались с полетов. Особенно боялись ночных полетов на новой реактивной технике. Боялись, чтоб эта техника не подвела. А она подводила. Авиагоризонт на МИГах западал. Это было особенно страшно при посадке. На подходе к аэродрому высокие сосны. Вся надежда, особенно ночью, на приборы. Если самолет даст крен, зацепишь сосны. А от того, как зацепишь и сколько сосны срежешь, порой зависела жизнь летчика. И все это зависело от авиагоризонта. Если крен был больше 30, он западал и не восстанавливался. При посадке, особенно ночью, летчик не знал, идет ли он с креном. Если крен не выровнять, земля тебя примет неласково. Так погиб летчик Лушников, молодой красивый парень, с полгода, как женился. Слава Богу, детей не было. Ведь как страшно, когда детишки спрашивают: «А чей папа разбился?». При нас была одна катастрофа и одна авария. И все — авиагоризонт. Вызвали комиссию из Москвы от Микояна. Доказали, что надо усовершенствовать прибор, те согласились. Так же за пару месяцев до прихода В.Д. погиб фронтной летчик Фатеев. Полковник Кривушин давал ему провозные ночью на спарке. Спарка — это самолет с двойным управлением и двумя пилотами. Она предназначена для тренировок летного состава. И снова сбился авиагоризонт. Фатеев погиб, он был первой жертвой. А полковник Кривушин сильно поломался, но остался жив.

Когда я приехала, увидела Кривушина с женой в клубе. Он плохо ходил, и жена бережно вела его под руку. Мне рассказали о том, что произошло. А потом я увидела Тоню Фатееву, необыкновенно красивую женщину. Поженились они сразу после войны. У них было двое детей. Две девочки — пять лет и три года. Но Фатеев хотел сына. Тоня родила его через несколько месяцев после гибели мужа. Сердце разрывалось, когда смотрела на нее. Любовь у них была большая, настоящая. Вещи мужа долго висели в шкафу. Когда никто не видел, она открывала шкаф, засовывала туда свою головку и вдыхала запах ушедшего навсегда

мужа. Она осталась и жила возле аэродрома. Там же, в Сейме, на кладбище могила. Центр потом перевели в Севастлейку, но она никуда не уехала. Она как вечный огонь у могилы своего мужа.

В Центре была неплохая самодеятельность. Мне запомнился один летчик, который очень хорошо пел, особенно песню «Вот солдаты идут по степи опаленной». Его направляли в консерваторию, но он отказался, сказал, что петь всегда сумеет. Уж очень любил небо.

Жизнь в гарнизоне шла, работал женсовет, работали кружки, читались лекции. А женам работать по-настоящему, для стажа негде.

В клубе по воскресеньям показывали какой-нибудь фильм, но столько набиралось народу, что дышать было невозможно. В.Д. поставил вопрос о строительстве нового клуба, добился финансирования, но строить начали уже после нас.

Работа по переучиванию проходила непросто. Особенно сложными были ночные полеты. Появился опасный враг у самолета — штопор. Вывести самолет из него трудно. В одном из полков летчик, пилотируя в сложных условиях, вошел в штопор. Выйти из него не смог и катапультировался. Однотипные полеты были приостановлены. Летчик объяснил, что в штопоре МИГ вышел из повиновения, и ничего не удалось сделать. Теперь надо было проверять машину на штопор. В опасный полет отправился полковник Кошель. На глазах у всех войдя в зону, он ввел самолет в штопор. Виток, второй — пора выводить машину из штопора, но он пошел на третий виток. На земле все переживали — неужели потерял управление? Но на третьем витке МИГ вяло прекращает вращение и переходит в планирование. Все облегченно вздохнули. Но Кошель опять устремился ввысь и несколько раз повторял свои пробы. Делал то один виток, то три и выводил самолет из штопора. Хотел как бы развеять чувство страха перед штопором у летчиков — так он потом говорил В.Д.

Затем на занятиях Кошель объяснял летчикам, что штопор бывает неустойчивым и устойчивым. Из неустойчивого самолет выходит сразу после первого витка, из устойчивого — после третьего, если правильно действовал рулем. Кошель провел не-

сколько занятий с летным составом. Его советы и рекомендации позже легли в основу специальной инструкции.

В.Д. на МИГе тоже попал в такую ситуацию в «сложняке», но, слава Богу, все обошлось благополучно, хотя при посадке срезал верхушку одной сосны. Рассказал об этом Савицкому. Надо было выяснять, почему машины срываются в штопор. Из испытательного Центра конструкторского бюро Микояна, что под Москвой, прислали нашего дорогого Аметку — Амет-Хан Султана! Мы его даже не узнали. Стал солидный, в костюме, при галстуке, в шляпе, над которой раньше он всегда смеялся. Он приехал разобраться с этим штопором. В.Д. рассказал ему о своем полете. Амет-Хан, подумав, решил проверить и авиагоризонт с самолета В.Д. на испытательном стенде. Потом пришлось на всех самолетах менять этот прибор, дававший неверные показания и вводивший летчиков в заблуждения.

Напряженная работа Центра продолжалась. Центр выдавал в части полностью апробированные МИГ-15 и руководство к работе на них. За все это В.Д. нес персональную ответственность. Цена брака в этой работе — жизнь летчика. В Москве работу Центра ставили в пример. Присылали представителей из частей перенимать опыт. Время от времени проходили сборы руководящего состава истребительной авиации ПВО страны. Все истребительные части летали по инструкциям Центра. Ждали новый самолет, о котором рассказывал Амет-Хан. Он его уже испытывал. Самолет с почти звуковой скоростью. Это был МИГ-17.

Но нас уже ожидал новый переезд, 5 июня 1952 года В.Д. был зачислен на авиационный факультет Академии Генерального Штаба. Собрали наши пожитки, которых стало немного больше — прибавились пара кадушек с грибами и помидорами и банки с вареньем. Оставлять их не хотелось, уж очень вкусные соленые рыжики и свинухи, да и сыроежки тоже. Вокруг Сеймы леса, и грибов было вдоволь. Куда их везти, пока не знаем, но взяли. Вся надежда на папин институт. Там хозяйство и, конечно, есть погреб. Где будем жить, тоже не знали. Но папа с мамой и ее сестрой тетей Женей ждали все наше семейство у себя на Таганке.

Загрузили ЛИ-2 — и в путь-дорогу. Командир экипажа Степан Максимовских — командир третьей эскадрильи. Он возил В.Д. по всем командировкам. Переживал, что мы уезжаем. Я дружила с его женой Клавой, председателем женсовета. Но жизнь разлучает, а потом и радует новыми встречами. И с семьей Максимовских мы встречались еще не раз. А пока здравствуй, Москва! Принимай нас с нижегородскими кадушками грибов.

Самые необходимые вещи взяли с собой к маме, а остальное — к папе в институт на склад.

В.Д. на следующий день отправили в Академию. Пришел полный всевозможных впечатлений. В Академии было празднично, шумно. Кругом полковники, генералы. Встретил нескольких фронтовых друзей, даже двоих из своего полка. Алексей Алелюхин уже год тут учился, а Аркадий Ковачевич, как и В.Д., поступал. Все обменивались впечатлениями. Ведь из этих стен вышли крупные военачальники — маршалы и генералы армий.

Академия начала формироваться в 1936 году. Обучение 2 года. Отец мой был во втором выпуске. И жили мы все в одном общежитии Академии в переулке Хользунова. Поэтому многие имена наших маршалов были для меня не просто именами, а живыми людьми. Дядя Андрей — маршал Гречко, дядя Иван — маршал Баграмян. Генерал армии Курасов — друг отца. До войны наша семья была знакома с генерал-лейтенантом инженерных войск Карбышевым. Отец очень уважал его, и когда пошли слухи о его предательстве и о том, что он сдался, он не верил.

Доктор военных наук, профессор Дмитрий Иванович Карбышев весной 1941 года выехал в командировку в войска Белорусского округа по вопросам строительства в укрепрайоне. Там его застала война. Часть, в которой он находился, попала в окружение. Обессиленный, больной он был захвачен в плен. Карбышев был офицером еще в царской армии. Немецкое командование знало о нем много. Он интересовал их как специалист. Посулами и пытками немцы пытались вынудить его перейти к ним на службу. Но он остался верен присяге и Родине. В феврале 1945 года, когда до нашей победы оставалось несколько месяцев, его вывели раздетого на мороз и обливали холодной водой. В авгу-

сте 1946 года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отец оказался прав. В годы войны, будучи начальником ГРУ, он всячески старался найти доказательства порядочности Карбышева.

Академические стены и аудитории видели цвет нашей военной элиты. После войны сюда пришло новое, молодое поколение, прошедшее тяжелое испытание — Великую Отечественную войну. Аудитория сверкала звездами на груди молодых полковников и генералов. Всем было непросто учиться, требования здесь были жестче, чем в Академии имени Фрунзе, а материал гораздо сложнее. Даже тем, кто после войны окончил Академию имени Фрунзе или Монинскую, было трудно снова сесть за парты и заново привыкать к потоку сложного материала по военному искусству. А тем, кто после войны не окончил никакого военного учебного заведения, было трудно вдвойне.

Очень тяжело военная наука давалась летчику Петру Покрышеву. Две Золотые Звезды на груди, роскошные черные усы и пышная черная шевелюра. За спиной боевой опыт и никакого военного образования. И вдруг сразу — Академия Генерального Штаба. В.Д. было легче, был уже опыт учебы. Он и Леня Алелюхин как могли помогали Покрышеву. Были минуты, когда тот, отчаявшись, хотел оставить Академию, но В.Д. и Алелюхин помогли ему, не дали этого сделать.

Как только у В.Д. выдалась свободная минута, наш первый визит был к Покрышкиным. Они в это время жили в Москве. Весь вечер проговорили, вспоминали учебу в Академии имени Фрунзе и особенно любимую «тычу».

От Александра Ивановича узнали, что в группе В.Д. будет Василий Сталин. В это время он был командующим истребительной авиацией Московского военного округа. Работал неплохо — замы знающие были. В войну он летал хорошо, командовал дивизией. Правда, его сильно оберегали, боясь, чтобы не погиб — Сталин уже потерял старшего сына Якова, попавшего в плен.

Василий был общительный, но немного нервозный. Голова вечно была полна всяческих проектов. Так, на фронте он очень хотел, чтобы французский полк «Нормандия — Неман» вошел в

состав его дивизии. Сам лично предложил это Луи Дельфино. А теперь в Москве он увлекся спортом, особенно конным. Лошади у него были классные.

Александр Иванович знал его больше, а В.Д. — меньше. Александр Иванович говорил: «Жаль парня, подхалимы окружили да бабы лезут». Это намек на знаменитую пловчиху Капитолину Васильеву.

Вспомнили ужин у Иосифа Сталина, который очень любил авиацию и летчиков. Когда получали приглашение, им сказали: «Товарищ Сталин хочет отдохнуть с летчиками».

Приближался первый после войны авиационный парад в Тушино. В.Д. очень волновался, ведь он никогда раньше не был в Кремле. Приглашенных было немного, только военные летчики. В.Д. и Покрышкин сидели за столом у самой сцены, где находились члены правительства. Когда вошел Сталин, зал разразился бурными аплодисментами. Многие видели его в первый раз. Обстановка была непринужденная. Стол обильный, напитки прекрасные. Сталин поднял первый тост за летчиков. И тут как раз появился Василий Сталин, уже генерал-лейтенант. А Покрышкин после войны семнадцать лет был полковником! Василий сел рядом с Александром Ивановичем. Он по-хозяйски угощал, уговаривая попробовать любимое вино отца «Хванчкару».

Спасибо этой «Хванчкаре», полезное вино. Когда родилась моя доченька, я долго болела. Был тяжелый тромбоз, сильно густела кровь. Я лежала на спине несколько месяцев, и надо было как можно меньше шевелиться. Раз в день начинался озноб и брожение тромбов. Это было страшно, ото-

В Кремле накануне первого послевоенного авиационного парада в Тушино

рвавшийся тромб мог проскочить куда угодно. Господь берег меня. Трижды отрывались тромбы. Два раза попадали в легкие, правое и левое. Счастье, что в края легких. Началось кровохарканье, один раз через носоглотку с небольшим потоком крови. Надо было разжигать кровь. Антикоагулянтов тогда не было. На вены на ногах ставили пиявок и заставляли пить шампанское с растертой яичной скорлупой. Желательно было пить вино. Профессор Иосиф Жордания, который буквально вытащил меня с того света, достал для меня несколько бутылок «Хванчкары» из кремлевских запасов. Отец Жордания был крупный грузинский ученый, историк. В предреволюционные годы он несколько раз помогал Сталину. Вот Жордания и воспользовался его расположением и выпросил в Кремле несколько бутылочек для меня. Я пила «Хванчкару» с удовольствием. И, конечно, моему мужу вино тоже понравилось. Но в память о погибшем в плену Якове Джугашвили, брате Василия, выпили водочку.

И вот судьба опять свела В.Д. и Василия Сталина. Правда, на занятиях он бывал редко, но числился слушателем Академии. На полевые занятия он тоже не ездил.

В первые дни учебы у всех голова шла кругом от нагрузки. Да и быт почти у всех был неустроен. Москвичей среди слушателей было мало. Многие приехали сразу одни и ломали себе голову, как бы перетащить в Москву семью. Тем, кто имел родню в Москве, было проще, а в основном снимали комнаты. А нам повезло, дали комнату в общежитии Академии, которое находилось в районе Даниловской площади. Это так называемые Чернышовские казармы чуть ли не с петровских времен, конечно, переоборудованные под общежитие. Здание четырехэтажное и очень длинное, несколько подъездов. В каждом подъезде на каждом этаже была большая лестничная площадка, на которой находились туалеты, мужской и женский, с умывальниками. По обе стороны от туалетов влево и вправо тянулись длинные коридоры метров 5-6 в ширину. Было ребятишкам, где бегать, играть и даже кататься на маленьких велосипедах. В каждом коридоре было комнат по двадцать, одна кухня и одна ванная комната, которая не работала. А кухня большая. Хозяюшек двадцать человек, а плиты четыре. И на каждой плите по четыре конфор-

ки, так что на двадцать хозяек шестнадцать конфорок. Да из них четыре конфорки, то есть одна плита, для кипячения белья.

Жили нормально, никогда не ссорились. У каждой был свой маленький столик и полочка, где размещалась кухонная посуда. Порядок образцовый. Одна из жен слушателей, Евгения Макарова, умная, хорошая женщина — староста.

В общежитии жили не только слушатели первого и второго курсов, а и бесквартирные преподаватели с семьями, а также семьи многих уже окончивших Академию и получивших назначение в группы войск в Германии, Польше, Венгрии.

С большой теплотой вспоминаю эти годы. Жизнь на кухне, женщины проводили на ней большую часть своего времени. Жили дружно, интересно, иногда бурно и весело. Мужья обедали в Академии, так как проводили там весь день — занятия, самоподготовка, библиотека. Ведь живя в общежитии с семьями, было довольно трудно найти себе время и место для занятий. Приходили вечером голодные и вконец измотанные потоком информации, порой лишней, которую надо было переварить и запомнить. А детишки, в основном от 5 до 10-12 лет, носились по коридору в сопровождении своего кумира Микки, очаровательного бульдога среднего возраста и добрейшего характера. Он был добротой в свою хозяйку — жену преподавателя Академии. Они жили в нашем коридоре, а точнее, на нашей кухне. Микки почему-то особенно любил нашу дочку Оленьку, она ему отвечала взаимностью. Ей тогда было около трех лет. Когда он лежал, Оленька могла усесться на него, дергать за уши и гладить. Он, по-профессорски наморщив лоб, добродушно смотрел на нее. А когда Оленька болела, то просила привести к ней Микки. Тот радостно врывается в комнату и старался лизнуть ее в щечку. Если она не хотела принимать лекарство, мне приходилось говорить, что больше не приведу Микки, и она, закрыв глазки, глотала все, что ей прописал врач.

Я невольно вспоминала себя. Когда мне было года четыре, я заболела скарлатиной. Это было в Кировограде. Военный госпиталь, где я лежала, находился в старинном здании. Высокие потолки и огромные окна, от самого верха и почти до пола, типа венецианских. Я тоже, как и все дети, не хотела принимать ле-

карства. Но как дочь кавалериста, очень любила лошадей и ... Семена Михайловича Буденного. Моя кровать стояла напротив окна, и коновод отца на его лошади, моей любимице Рулетке, подъезжал к окну. А когда мне говорили, что лекарство прислал Буденный, я готова была проглотить что угодно. Когда мне было уже лет 5-6 и отец учился в Академии имени Фрунзе, он участвовал в конном соревновании на ипподроме, конечно же на Рулетке. Отец брал меня с собой, и я увидела воочию Буденного. Папа оставил меня с ним. Было очень-очень интересно, у него настоящие усы или нет. Он, смеясь, подставил мне лицо и сказал: «Дергай сильнее, если оторвешь, возьмешь на память». Так что привязанность Олечки к Микки и в дальнейшем ко всем собакам я вполне понимала. Она могла на улице подойти к любой собаке и, если я не успевала ее остановить, поцеловать ее в морду. Собаки, видно, чувствовали любовь ребенка и отвечали дружелюбным взглядом и помахиванием хвоста. Микки был первой любовью моей дочери. Этот чудный пес скрашивал коридорное детство наших ребятшек.

А на кухне жизнь кипела не только в кастрюлях. Рядом был Даниловский продуктовый рынок и Даниловский универмаг. Чисто женские рабочие места. Рынок не очень большой, но все, что надо, там было. Цены? Даже не помню, но жить было можно. Импортных продуктов не было, о «ножках Буша» еще и подумать не могли, а наши российские курочки, хрюшки и коровки вполне нас удовлетворяли. Да и кролики в изобилии. О бройлерах и не слышали. Все чистое, натуральное.

Научилась очень вкусно готовить кролика. Тушила с овощами и чесночком. Но В.Д. ни в какую не хотел есть эту вкуснятину. А потом я схитрила, сказала, что приготовила молодую индюшку тоже кусочками с овощами. Дала попробовать, съел кусочек, смотрю, вроде с удовольствием. Я подложила второй и вижу, что он не против и третьего. Сама улыбаюсь, но молчу, секрета не выдаю. Так и раз, и два, и три, а потом что-то кроликов не стало. А В.Д. говорит: «Мам, что-то ты давно индюшку не делала». Я и проболталась. Посмеялись, а кролятина стала нашим любимым блюдом.

В универмаге почти каждый день бывала представительница нашей кухни. Тогда импортные товары не продавали, а, как говорил народ, «выбрасывали» на прилавок. Как только выбрасывали что-нибудь хорошее, занимали очередь на всех наших и бежали оповестить желающих и имеющих деньги на покупки. Если что-то купленное не подошло, тут же на нашей кухне, в крайнем случае — на соседней, находился покупатель. Но самые захватывающие дни на кухне бывали, когда приезжали жены офицеров из группы войск, служащих в Германии, Польше или Венгрии. И начинался показ моделей и торговля всякой мелочью под наш дружный хохот.

Учеба в Академии продолжалась два года, и те, у кого мужа были на втором курсе, заранее начинали волноваться: куда пошлют? Ведь Советский Союз большой. А пока наши мужа грызли гранит военной науки.

Шел 1953 год. По радио передали сообщение о тяжелой болезни Сталина. Страна жила в напряжении. На нашей кухне все как-то притихли. Ловили каждое слово по радио. В один из вечеров В.Д. уставший поздно пришел из Академии и лег пораньше спать. А часа в два ночи стук в дверь. Обычно я раньше В.Д. реагировала на все звонки, может, пустые и его не надо тревожить, ведь работа всегда была напряженная. Вскочила, накинула халатик и, когда подходила к двери, в мыслях мелькнуло, что это кто-то свой. Ведь внизу в вестибюле дежурные. Открываю дверь, и мурашки по коже — два полковника КГБ! Что-то стало не по себе. Попросили позвать Лавриненкова. Иду к постели и думаю: «Почему КГБ?». Ведь после плена В.Д. проверяли, столько времени доверяли ему ответственные посты. Папа уже закончил свои дипломатические дела. Разбудила В.Д. и с дрожью в голосе говорю, что его спрашивают два полковника КГБ. Он встал, как бы отряхнулся ото сна и, как спал, в одних кальсонах, пошел к двери. Слышу, что о чем-то говорят, разобрала только «одевайтесь». В.Д. подошел к своим вещам, начал одеваться. Я вижу, что в штанину попасть не может. Подошла, он оперся одной рукой о мое плечо и говорит: «Сталин умер», а в глазах слезы.

Приехали за ним, а потом за Покрышкиным и — в Дом советов. Там уже было много людей. В.Д. и Покрышкин должны были стоять в почетном карауле. В зале море цветов, Сталин лежал на высоком постаменте, а у гроба в ногах у Сталина стоял Василий и сидела Светлана. А народ уже шел прощаться... Около Дома Советов не пройти, не проехать. Всем хотелось проводить того, с кем выиграли страшную войну и кому так верили.

Но жизнь продолжалась. Понемногу стали приходиться в себя от шока, но не покидали мысли — как мы будем жить без Сталина? Выжили, правда, великую страну развалили.

Занятия в Академии понемногу вошли в свое русло. Василий в Академии совсем не появлялся.

Все обсуждали, кто будет у руля страны.

На кухне бесконечные разговоры. Гадали, кто займет место Сталина. Маленков, Булганин, Молотов? А может, Берия? Все-таки соратник Сталина и близкий ему человек.

Время шло. И вдруг — Берия арестован! Не только на нашей кухне, но и везде в головах у многих полный ералаш. Все в оцепенении. Решение Политбюро частично внесло ясность, но многое было непонятно. А как же Сталин, неужели не знал и не ведал, что творил Берия?

Наверное, не было ни одной семьи, ни одного дома, где бы не обсуждалась эта тема. А у меня и воспоминания. Подумала, а каково сейчас Серго, сыну Берия. Вспомнила, как летом в конце сороковых годов на свадьбу моей двоюродной сестры приехал Серго со своей женой — артисткой театра имени Вахтангова, внучкой Горького. Жених моей сестры Евгений Соловьев вместе с Серго окончил Ленинградскую академию. Они оба были талантливыми инженерами, работали в развивавшейся тогда области — радиолокации.

Серго рослый, упитанный и ухоженный — этакий сусальный красавец. Розовощекий, хоть в рамку вставляй. Жена точеная, миловидная и со скучающим видом. Оба очень стильные, прекрасно одетые и приехали на свадьбу в какое-то общежитие. Пестрота страшная, люди незнакомые, вроде простоватые. Короче, не тот уровень. Наш будущий родственник решил хоть

немножко исправить положение. Представил им двух полновесных соседей. Один из них с женой вернулся из Японии. Он прекрасно владел и японским, и английским языками. В.Д. был в гражданском костюме и, конечно без галстука (терпеть не мог эти «удавки»). Подвел их к В.Д. и представил его. Серго улыбнулся и приветливо пожал руку, а супруга подала руку для поцелуя, но мой дорогой не понял жеста и просто крепко потряхнул ее.

Тут Женя решил представить и меня, мол, жена В.Д. Выглядела я хорошо, одета симпатично. Серго снова заулыбался. Я подала руку и не свойственным мне грубым голосом, почти басом, сказала: «Авдотья» — и потряхнула его руку. Мой муж хмыкнул, а будущий родственник оторопел.

Я никогда не называла себя так, обычно Дуся, Дуняша, а тут вдруг — Авдотья да почти басом. Сестра моя потом хохотала, а муж сказал: «Ну, мам, ты даешь, мало того, что Дунька, так еще и Авдотья». Гости поняли, что это какой-то протест против их манерности. Серго позже напомнил об этом Жене, и они оба смеялись.

И теперь я думала о том, как же им тяжело в эти минуты, ведь дети не отвечают за поступки родителей. Трудно им пришлось потом в жизни. Пришлось поменять фамилию и уехать в другой город. Жена не поехала с ним. Работал Серго на номерном заводе. Инженер он был талантливый. Пришлось заново защищать диссертацию, так как фамилия была другая. А несколько лет назад в газетах появились его воспоминания. Конечно, он защищал отца и полностью отрицал его аморальное распутное поведение. Но тут я могу капнуть каплю дегтя в его уверения о порядочности отца.

В полку В.Д. был летчик, жена которого работала в доме моделей. Хорошенькая молодая женщина. Ее снимали в журналы мод. Любила погулять и хорошо пожить. Видимо, поэтому у нее не сложилась жизнь с Аркадием. И уже через несколько лет после всех этих событий, когда мы с В.Д. были в Москве, я встретила Майю на улице Горького. Остановилась, спросила, как она живет. Сказала, что вообще ничего, но плохо с жильем. А потом зло сказала: «Сколько раз меня возили к Лаврентию и обещали

квартиру, а так и не сделали». А детям так хочется верить, что их родные чистые, порядочные и самые добрые. Увы, это бывает не всегда так...

Учеба в Академии была интересной. В.Д. учился хорошо. Но в театры, увы, мы ходили теперь редко. Самоподготовкой занимались в Академии — там были книги и секретная документация, так что приходил домой уже к ужину. Куда там в театр, поспать бы, а с утра пораньше — в Академию, дочитать то, что не успел вчера. Летом было легче — светло, тепло. Мы сняли дачу под Москвой, в Кратово, и В.Д. приезжал к нам в субботу на воскресенье. Иногда ему удавалось вырваться к вечеру и в будни.

Кратово — дачный поселок по дороге на Жуковский, где работал Амет-Хан. Когда он узнал, что мы рядом, сразу приехал на своем вишневом ЗИМе, конечно сам за рулем. Вся милиция на трасе Москва — Жуковский знала его и с уважением козыряла. А когда ехал после какого-нибудь сабантуя, ехал медленно со скоростью 15-20 километров в час. И никогда ни одного ЧП у него не было.

Решили организовать встречу однополчан 9-го гвардейского. Собрать всех, кто живет в Москве или приехал в отпуск проводить друзей и повидать столицу. Организаторами и оповестителями были последний ведомый В.Д. Николай Остапченко и командир эскадрильи Герой Советского Союза Иван Борисов. Они особенно настаивали на этой встрече, а то, мол, командир, В.Д., заканчивает Академию и опять уедет Бог весть куда.

Все обсудили и решили собраться на берегу Кратовского озера, недалеко от того места, где мы снимали дачу. Амет-Хан и Борисов тоже поддержали идею сбора в этом месте, так как оба работали в Жуковском. Остальные должны были добратсья своим ходом на электричке. Вспоминаю эту встречу с большой душевной теплотой и благодарностью судьбе за то, что дала возможность собраться друзьям-однополчанам, пережившим страшные годы войны.

Каждый захватил с собой что смог. Расстелили одеяла и коврики почти на самом берегу под развесистыми деревьями. И солнышко, и тень, кому что надо. Место роскошное. Собралось человек 18. Кто смог, приехали с женами.

Приехал Амет-Хан на своем «боевом коне» — вишневом ЗИМе. В белой шелковой рубашке с воротником апаш и широкими рукавами на манжетах. Рубашка заправлена в брюки. Правда, уже намечался животик, но выглядел отлично. Только черной непокорной шевелюры стало намного меньше и просматривалась лысина, но глаза такие же озорные, а сам более степенный. Летчик-испытатель! Он сел на ковер по-турецки, как хан. И начались воспоминания. Каждый хотел рассказать все, что помнил. Говорили все, порой перебивая друг друга. Один начинал, другой продолжал. Вспоминали и потери друзей, и радость Победы. И во всех воспоминаниях звучала жизнь. И все время слышно было: «А помнишь?». Вспомнили, как 9-го мая комиссар полка Никитин зачитал перед строем собравшихся летчиков, техников и механиков Акт о безоговорочной капитуляции Германии. А в этом строю четыре Дважды Героя Советского Союза и двадцать шесть Героев! Как сотрясло дружное русское «Ура!» придворный аэродром Шенефельд под Берлином. И мы все подняли рюмки за память о тех, кого полк потерял в эту страшную войну: Костырко, Серогодский, Морозов, Дранищев, Плотников, Сержантов и за любимого командира Героя Советского Союза Л.Л. Шестакова.

Вспоминали все. Как тогда в дни Победы в Шенефельде отпраздновали сразу две свадьбы. Веселье закончилось пальбой из всего имеющегося оружия. Даже военный комендант Шенефельда явился сам, обеспокоенный пальбой, но простил, узнав, по какому поводу салют. После 9-го мая, когда полк базировался в Шенефельде, несколько Героев во главе с Амет-Ханом, опьяненные не так вином, как радостью победы, вскочили в открытый джип и, сразу дав чуть ли не третью скорость, попали не в ворота, а в каменную стену. В.Д. сообщили, как только они сели в машину. Чувствуя, что это добром не кончится, он сразу бросился к воротам. Когда прибежал, картина была, как на войне: машина с разбитым передом, а Герои на земле в разнообразных позах, даже один на другом. Слава Богу, все живы, отделались синяками. Поднимались герои, почесывая затылки и прихрамывая. В.Д. отдал приказ: без его разрешения — никуда.

Вспомнили, как где-то в немецких подвалах раздобыли вкуснейшее вино и оприходовали его. Прибегает дежурный к В.Д. и говорит, что Амет-Хан и кто-то еще исчезли. Вроде бы были в своих комнатах. А раньше это было помещение немецких летчиков, можно думать что угодно. Дверь не открывают, и оттуда раздаются какие-то странные звуки. В.Д. с комиссаром бросились в общежитие. Идут по коридору и, подходя к комнате Амет-Хана, действительно услышали какие-то хрипы. А по полу из-под дверей тонкой струйкой текло что-то красное и густое. Обомлели — похоже на кровь. Взломали дверь. Два героя храпят, а опрокинутый бочонок с красным вином почти пуст. Все вино вытекло, перепугав начальство.

Летуны, привыкшие все время быть в готовности №1, места себе не находили. Сдерживать молодые горячие натуры было очень трудно. Да тут еще за забором женский лагерь. Пока командование и органы разбирались, кого куда отправить, они находились в этом перевалочном лагере, собранном из разных мест нашей зоны в Германии. Были польки, латышки, украинки, белоруски, русские и даже француженки — все рабочая сила. У пилотов голова закружилась — столько молодых женщин! Пришлось забор обнести колючей проволокой и поставить охрану, а то несколько человек после этих самоволок получили совсем неприятные болезни.

Вспоминали испуганных немецких ребятишек, которых угощали конфетами. А В.Д. стал рассказывать о хозяине особняка — немце, у которого он жил. Сам хозяин с женой перешли в маленький флигель, где раньше находился его работник. Когда хозяин думал, что его никто не видит, он ходил около своего дома, иногда даже пытался заглянуть в окна. В.Д. увидел его и, узнав, что это хозяин, послал шофера пригласить его зайти в дом. Но шофер Вася Погорелов вернулся один и сказал, что буржуй проклятый боится, наверное, что будем расспрашивать, кто да что. Но В.Д. хотелось поговорить с ним и, когда увидел его снова, сам вышел навстречу, поздоровался и пригласил зайти. В.Д. разрешил ему осмотреть все комнаты и вещи и сказал, что тот может заходить в дом, когда ему надо. Пригласил к столу. Старик отка-

зывался есть и пить, руки у него тряслись. Но через несколько дней он появился с женой. Они все осмотрели вдвоем, заглянули в шкафы, буфет, кладовую, а потом постучали в комнату В.Д. Благодарили за то, что в доме порядок и все цело. На этот раз они оба сели за стол и от еды не отказывались. Вставляя в немецкую речь несколько русских слов, на прощание сказали, что немцы в ответе за то, что натворил фашизм.

Когда В.Д. кончил рассказ, все стали наперебой вспоминать о встречах с немецким населением. Кто с горечью, кто с ненавистью, а кто просто с человеческой улыбкой.

Эта встреча однополчан всколыхнула все пережитое. Я думаю, что все вспоминали ее до своих последних дней.

А через несколько месяцев не стало Ванюши Борисова — Героя, который вместе с нами сидел на берегу озера. Сердце... А ведь тоже был летчиком-испытателем. Хоронили его все однополчане, которые тогда были в Москве. Амет-Хан места себе не находил, ведь они вместе работали в Жуковском.

Учеба и во второй Академии подходила к концу. Выпускной вечер начальство решило устроить в Доме Советской Армии. Вначале вручали дипломы, потом был концерт, потом, как положено, сто грамм. В.Д. окончил очень хорошо и краснеть не пришлось. Когда прогуливались в фойе между торжественной частью и концертом, увидела знакомое женское лицо. Сразу даже растерялась. Подумала, неужели это Амайя Рурес — дочь Долорес Ибаррури, секретаря компартии Испании. Она шла под руку с молодым симпатичным полковником и тоже внимательно смотрела на меня. Потом как-то сразу она и я оставили своих мужей и бросились друг к другу. Мы не виделись с 1939 года, года нашего отъезда в Китай. Мое имя она забыла. Я стала ее расспрашивать обо всех ребятах из испанского детского дома. Дом, в котором жили дети руководства испанских республиканцев, был почти напротив общежития Генерального Штаба. Мы все виделись почти каждый день. Амайя была ненамного старше меня, подругой моей она не была, дружила с девочками постарше. А моими подружками были Росита Бернардо, Антония Альберо да маленькая Карменсита, дочь второго секретаря

компартии Испании. О них я и стала сразу спрашивать Амайю. Оказалось, все разлетелись по свету кто куда, но поддерживали между собой связь. Чуть было не сорвался с губ вопрос о Рубене, брате Амайи, но вовремя прикусила себе язык. Как молнией ударило: ведь Рубен Рурес, сын Долорес Ибаррури, погиб в Сталинграде, там и его могила. Хороший был парень. Я его мало знала. Тогда в 1938 году он поступил в военное училище.

Амайя стала женой Артема Сергеева, сына легендарного Артема, имя которого носит одна из центральных улиц Киева. Позже мы с В.Д. не раз встречали Артема, но Амайи с ним не было. Были дети, но жизнь не сложилась. После перестройки она уехала на родину в Испанию.

А на нашей кухне жизнь кипела больше чем на сто градусов. Как же, почти у всех мужья заканчивают Академию. И они, и жены ждут назначения. Куда забросит судьба?

А мы едем в Киев! В.Д. — начальник истребительной авиации ПВО армии. Перед отъездом поехали в отпуск в Карловы Вары, так как у обоих балуются желудки и печень не мешало бы пролечить, особенно мне. Это была наша первая поездка за границу после войны. Удивлялись изобилию продуктов, посуды, одежды, короче говоря, всего. Правда, продукты дорогие, а обувь дешевая. Тогда в расцвете была обувная фабрика «Батя». Иногда в наш Даниловский универмаг поступала эта обувь, тогда вся наша кухня бросалась в очередь. Обувь была не только дешевая, но на то время очень даже симпатичная. Понимали, что Чехословакия не пережила того, что пережила наша страна.

Отношение к нам было душевное. Я уверена, что тогда это было искреннее чувство благодарности за освобождение от немецкой оккупации. В Праге на постаменте стоял советский танк, первым ворвавшийся в город. Позднее мы не один раз отдыхали в Карловых Варах и всегда получали удовольствие от лечения и природы этого места, от общения с людьми. Были интересные встречи. Людвиг Свобода — командир танковой дивизии, которая формировалась у нас в Бузулуке, Вилли Штоф — министр обороны ГДР, руководство чехословацкой армии. Очень впечатлила нас короткая по времени, но глубокая по содержанию

встреча с вдовой Юлиуса Фучика. Навсегда запомнили слова из его последней книги «Репортаж с петлей на шее»: «Люди, я любил вас, будьте бдительны». Эти слова очень актуальны сейчас, в наше сложное время.

В пятнадцатую годовщину освобождения Чехословакии мы в числе двадцати приглашенных были гостями президента. Это было девятое мая, В.Д. и еще несколько человек были на трибуне. А потом снова Карловы Вары и экскурсии по стране. Многие, наверное, не знают, что в конце войны в Карловых Варах в двух лучших отелях были госпитали для наших раненых. А после войны эти два санатория — отели «Империал» и «Ричмонд» были подарены Советскому Союзу. Там отдыхали люди из стран Варшавского договора. Приблизительно в 1956 году наше правительство с благодарностью возвратило эти два отеля Чехословакии. В Праге в зеленом красивом районе была прелестная вилла, подаренная маршалу Коневу. Там останавливались наши товарищи, которые приезжали в Прагу, а потом машиной ехали в Карловы Вары. Со временем маршал Конев передал эту виллу посольству Советского Союза.

Вернулись из Чехословакии отдохнувшие и подлечившиеся. И с новыми силами — В.Д. на новую работу, а я с новыми силами — к новому переезду. Вновь начался отбор вещей — что брать, что не брать и просто раздать соседям. Ведь потихоньку обростали

*Посудой, мебелью, ковром,
Но очень часто все бросали,
Хоть жалко многое потом!
Хозяйке каждая кастрюля
С утра до вечера нужна,
Она, как для солдата пуля,
Всегда в обойме быть должна.*

После тщательного отбора упаковала наши пожитки — и в путь. Сынишка пока остался у моих родителей, так как был уже во втором классе и жил у них.

К моему приезду В.Д. получил нашу первую квартиру в Киеве. Так что сразу в бой — распаковка вещей и создание уюта. А

мебели почти нет, только наши первые две кровати и трельяж, который я очень любила. У нас три комнаты. Тетя Маша опять с нами. Она с Оленькой в одной комнате, В.Д. и я в другой, а гостиная, то бишь столовая и кухня, совсем пустые. Но В.Д. решил, что это дело поправимое, хотя все оказалось не так просто.

Деньги скопили, благо дали подъемные к переезду, но мебель достать трудновато. Все же общими усилиями друзей и моими квартиру обставили и довольно симпатично.

Мы с В.Д. впервые в древнем красавце Киеве. Все кухонные подружки завидовали мне белой завистью, а я была счастлива, ведь готовилась и к Дальнему Востоку, и к Средней Азии.

В первый день приезда В.Д. представился командующему округом маршалу Советского Союза Василию Ивановичу Чуйкову, Герою Сталинграда. В.Д. рассказывал мне, что волновался, когда подошел к двери служебного кабинета Чуйкова. О крутом нраве и чрезвычайной требовательности Чуйкова он слышал еще во времена битвы на Волге, но и после войны подчиненные

старались не попадаться ему под горячую руку. Беседа была короткой, но исчерпывающей. В.Д. получил полную ясность, увидел перспективы своей работы. Вышел от Чуйкова с хорошим настроением и теплым чувством к нему, навсегда забыв о своей робости. В последующее время у них сложились добрые, даже дружеские отношения и отличное взаимопонимание в работе.

Меня с доченькой Киев встретил весенней дождливой и холодноватой погодой и теплом друзей-партизан. А у В.Д. в Киевском округе оказалось довольно много фронтовых товарищей — кто-то из училища, кто-то из соседних авиаполков. Многие из них стали и моими друзьями.

*Наша тетя Маша
с Оленькой и Петей*

Одни из первых знакомых — семья комиссара партизанского отряда имени Чапаева Емельяна Демьяновича Ломако. Он и его жена Александра Иннокентьевна радушно приняли нас. Жили они на Гоголевской на пятом этаже в общей квартире. Лестница кругая, им обоим было тяжело подниматься по ней. Они занимали две комнаты, а третью по иронии судьбы занимала семья расстрелянного полиция. Мебель в комнатах у Ломако обшарпанная, того и гляди развалится, а диван был, наверное, еще дореволюционный. А у соседей и ковры, и посуда. Что это, ирония судьбы? Демьяныч тихонько ворчал, а жена порой шипела, но эксцессов никаких не было.

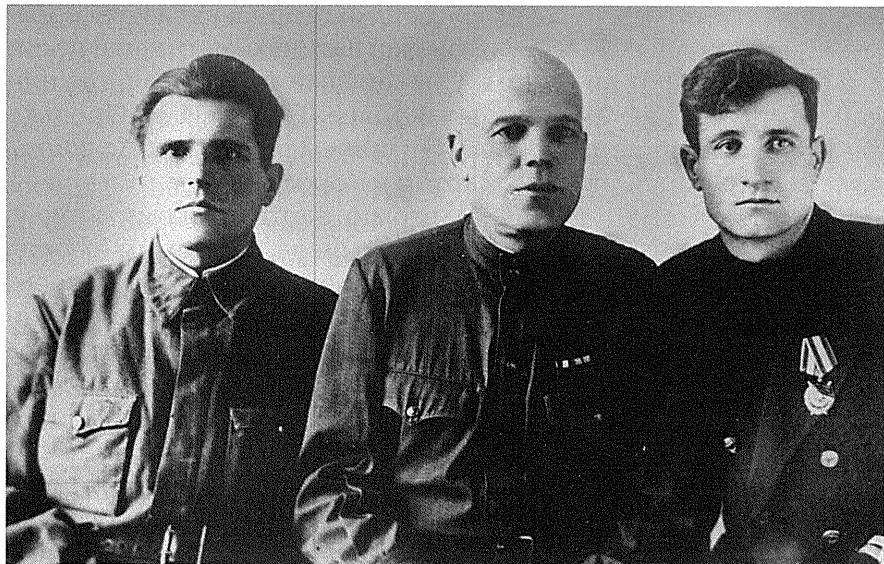
Сколько радостных встреч они подарили нам! И я слушала их воспоминания и все больше узнавала о своем муже.

Это была необычайно гостеприимная семья. И двери дома, и душа хозяев всегда были открыты для всей партизанской братии. Сколько их побывало в небольшой квартире. Иногда по 5-6 человек спали на полу в так называемой гостиной. Бывшие партизаны отряда имени Чапаева знали, что им всегда найдется здесь место, да и не только им. От Демьяныча узнали, что в Киеве живут товарищи В.Д. по отряду. Врач отряда и по совместительству разведчик или наоборот Алексей Крячек. В районе Переяслава-Хмельницкого он угнал из под носа у немцев баржу с зерном. Незаменимый был человек в отряде. Демьяныч познакомил нас с его семьей. Работал Крячек хирургом в районной поликлинике. Помню, у меня как-то сильно нарывал палец, так он живо, по-партизански разделался с моей болячкой.

В Киеве жили и сестры Софья и Надя Воронежские, связанные отряда. В.Д. их почти не знал, но Демьяныч нас тоже познакомил. Я им очень понравилась, особенно мои косы. Обе они были значительно старше меня. Говорили полурусской-полуукраинской мовой, короче, суржиком, хорошо пели и хорошо могли выпить. Как-то В.Д. улетел в командировку, а они позвонили мне и сказали, что хотят прийти. Я обрадовалась. Младшую, Надежду, я уже знала, а со старшей — Софьей, учительницей, еще не была знакома. Скорее стала что-то готовить, собрала все и жду. Приходят. Софья крупная, а Надюша маленькая, худая. Обе, как го-

ворят, немного «тепленькие» да еще с двумя бутылками своего домашнего виноградного вина. Я все приготовила в столовой, а они говорят, что лучше на кухне, у меня там уютно было. Сели, поставила им немного водочки и закуски разной. Водочку они быстро оприходовали, а мне — вино. А оно, как на грех, оказалось очень вкусным. Вроде бы из винограда сорта «Изабелла». Я то вообще не пью, но тут выпила за знакомство с Софьей, потом за них обеих, потом за Демьяныча, и потом, и потом... А потом сижу, раскраснелась, глупо улыбаюсь, а встать не могу. А они ничего, держатся. Сами перешли на вино и мне подливают. И тут звонок в дверь — мой дорогой В.Д. прилетел, не растерялся и к нам на кухню. Допили вино. Сестер пришлось отвозить машиной домой, а меня под руки и в кровать. Пожалуй, никогда в жизни я не была такой «косой». А В.Д. посмеялся и сказал: «Партизан из тебя вышел бы хреновый».

Демьяныч много рассказывал обо всех товарищах по отряду, ведь В.Д. знал не всех. Разведчик Касым Кайсенов, казах, стал писателем, живет в Алма-Ате и часто приезжает в Киев. Харьковчанин Анатолий Янцелевич — капитан дальнего плавания. Это человек с интересной судьбой. Он был моряком Днепровской флотилии, попал в окружение, вышел из него и вместе с несколькими товарищами нашел в районе Переяслава партизанский отряд. Он пообещал, что если будет жив, когда кончится война, объехать все партизанские места на мотоцикле. Так и сделал. А потом, когда стал большим, настоящим капитаном дальнего плавания, на заработанные деньги купил все для оборудования яхты. Построил ее и назвал «Пингвин». Жил он в Архангельске, так как его торгово-пассажирское судно «Кооперация» было приписано в этом порту. В годы освоения нашими учеными Антарктиды ледоколами «Обь» и «Лена» он был единственным капитаном, который трижды ходил туда на торгово-пассажирском судне. А во время отпуска на своем «Пингвине» прошел вдоль берега от Архангельска до то ли Хабаровска, то ли Владивостока. Ведущий передачи «Клуб кинопутешествий» Юрий Сенкевич был его другом и побывал на «Пингвине».

*Партизаны из соединения имени Чапаева, в котором был В. Д. Лавриненков.
Слева направо: комиссар Е. Д. Ломако и А. С. Янцелевич*

Что ни партизан — то большая, интересная судьба. Все они, пройдя трудное партизанское время, нашли свое место и в мирной жизни. Вася Яковенко, Шумский, Нестерович, Костя Спижевой, Илья Процько. Это Илья, когда В.Д. с Карюкиным бежали из плена и дошли до села Комаровка в районе Переяслава-Хмельницкого, связал их с партизанским отрядом. Тогда дед и баба Шевченко, на огороде которых прятались В.Д. с Виктором, передали, что у них двое военных, бежавших из плена. Из отряда послали наблюдать за ними. А они не знали об этом, все время допытывались, где партизаны, как их найти. Пошли в лес, окружавший деревню, и наткнулись там на Процько. Он из деревни вез на телеге провиант. Благо, в деревне немцев фактически не было. Была пара полицаев, а немцы только иногда наведывались. Мужского населения почти не было. Илья сказал, что скоро придет за ними. Так и было. А в отряде от деда уже узнали их имена и сделали запрос в Москву. Там подтвердили, что летчик Лавриненков и офицер Карюкин были в плену и что,

видимо, это они и есть. Но в отряде их еще проверяли и расспрашивали про родных. Как бы невзначай начинали петь наши песни и смотрели, знают ли они их. Спрашивали про города, где они жили, про цены на продукты и так далее. Так что Илья Процько как бы был их крестным отцом. Он привел их в отряд. До войны он был секретарем райкома партии в Коростене.

В Киеве были друзья не только по партизанскому отряду. Здесь В.Д. встретил Александра Мартынова, с которым служил в Черниговской авиашколе — В.Д. был летчиком-инструктором, а Мартынов командиром звена. Оба писали рапорты с просьбой отправить их на фронт. С трудом добились своего и разъехались в разные стороны. С тех пор не виделись. А тут такая неожиданная и радостная встреча. Много разговоров о работе и много воспоминаний о прошлом.

В.Д. рвался в воздух — в необъятное голубое небо Украины. Но после двух академических лет без летных тренировок не допускали полеты даже первоклассных летчиков без «провозных» на спарках с инструкторами. И такими инструкторами у В.Д. оказались Александр Мартынов и Иван Кошель, который в Сейме был у В.Д. заместителем. Оба сказали: «Командир, поблажки не жди». Да и сам В.Д. понимал, что такое не летать два года. Особенно непривычными оказались скафандр и противоперегрузочный костюм. Они появились в авиации с возрастанием скоростей и увеличением высоты. Летчик в этом костюме был похож на средневекового рыцаря. Правда, доспехи были куда сложнее и хитроумнее. В.Д. быстро вошел в свою летную форму. С Мартыновым на МИГ-15 сделал два взлета и две посадки. И с Кошелем на МИГ-17 тоже прошел по кругу пару раз.

Работа в штабе, различного рода совещания, инспекционные поездки в части, дневные и ночные полеты в простых и сложных метеоусловиях, учения по перехвату противника, посадки на незнакомых аэродромах — все захлестнуло В.Д. А тут еще имитация мощного атомного удара — дозиметры, противогазы, накидки, защитные костюмы от атомной пыли. Теперь, после Чернобыля, понимаю, какие это были примитивные средства.

В.Д. захватила новая интересная работа, от которой он отвык в Академии. А главное — он опять летал. И тут, как снег на голову, вызов в Москву в авиационный госпиталь на летную комиссию. Поехал довольно уверенный в себе. Приступов параксизмальной тахикардии давно не было, и рентген ничего не показывал. Приехал чернее тучи. Спрашиваю, что случилось, хотя душой чувствую, что запретили летать. Так оно и было.

Сначала В.Д. ходил угрюмый. «Какой я командующий истребительной авиацией, если не буду летать», — с тоской говорила мне. Я успокаивала его как могла. Но, честно сказать, в душе понимала, что решение комиссии правильное. Приступ мог начаться в любую минуту.

Так и случилось, когда В.Д. был в госпитале на комиссии. Все обследовали, все вроде нормально. А в последний день пошел с летунами играть в волейбол. Азарт, напряжение, желание не пропустить мяч. Подпрыгнул и пульс, сорвался — 220-230. Врачи в шоке, а В.Д. тем более. Решение комиссии: «От полетов на реактивной технике отстранить». Решение окончательное и пересмотру не подлежит. А небесный тихоход В.Д. не устраивал. Решил — нет, значит, совсем нет. Позвонил Савицкому, который уже все знал и ждал этого звонка. В.Д. стал отказываться от занимаемой должности. Но Савицкий, смеясь, сказал: «Ты что зря две академии кончал, на МИГах летаешь, реактивную технику изучил, вот и командуй, а летать тебе совсем не обязательно. Ты должен быть большим командиром. Помимо авиации, займись ЗРВ и РТВ». Я очень благодарна Евгению Яковлевичу. В.Д. повеселел и опять ринулся в водоворот армейской работы.

*По местам
партизанской славы*

Времени для личной жизни было немного, но встречи с партизанами продолжались. В.Д. очень хотел посетить те места, где партизанил, и найти деда Ивана Шевченко и бабу Татьяну, на огороде которых они с Виктором прятались. Но комиссар Ломако сказал, что деревня затоплена, там теперь Киевское море, а деда и бабы, видимо, в живых нет.

Очень хотел В.Д. найти семью своего любимого командира полка Героя Советского Союза Л.Л. Шестакова. В Москве однополчане сказали, что жена Шестакова где-то в Киеве. Нашел ее, но сын Лев в это время был в авиационном училище, а вдова Шестакова, Олимпиада, как-то не очень запала В.Д. в душу. Но он продолжал следить за учебой и судьбой младшего Льва.

Много неожиданных встреч и новых знакомств подарил нам Киев. В.Д. встретил здесь Ивана Борисовича Махиню, который когда-то давал ему рекомендацию в партию. Махиня был из спортивной династии, работал директором стадиона и стал приобщать В.Д. к футболу. Когда В.Д. присвоили звание генерала, Иван Борисович был у нас в гостях. И мы вместе с ним и его женой поехали обмыывать звание в «Кукушку», уютный ресторан на днепровской круче. Туда и принесли поздравительную телеграмму. Из Москвы с офицером прислали поздравление от главкома с присвоением звания. Наша тетя Маша не растерялась и, когда пришел офицер, сказала, что мы где-то в ресторане на берегу Днепра. Там офицера усадили с нами, и он, стесняясь, выпил за В.Д. «Прокуковали» мы в «Кукушке» до полуночи. А на следующий день В.Д. получил новую амуницию, погоны и отправился в военное ателье заказывать форму.

Киев подарил нам дружбу с семьей замечательного украинского певца Ивана Сергеевича Паторжинского. Дружба с младшим поколением этой семьи прошла через всю нашу жизнь. И сейчас, когда нет Ивана Сергеевича, его дочери, зятя, нет и В.Д., его внука Наташа со своим мужем, прекрасным певцом Василием Мамоновым, часто бывает в нашем доме. И на мой юбилей, когда Василий спел мне два романса, я, глядя на них, мысленно видела чудесную фотографию в кабинете Ивана Сергеевича: певец сидит за роялем, а рядом на стульчике стоит маленькая

очаровательная Наташенька с двумя громадными бантами и держит сверху указательный пальчик, как бы укоризненно говоря: «Дедусь, ты не ту ноту взял».

В.Д. сначала познакомился с зятем Паторжинского Львом Силаевым, заядлым охотником. С этого и началась наша дружба. Галочка, дочь Ивана Сергеевича, прекрасная пианистка, работала в Киевской консерватории, а Лев Силаев был режиссером в оперном театре. Вся семья необычайно талантливая. Сталин, при всем его черством и жестком характере, очень любил пение Паторжинского. Не раз Иван Сергеевич пел в Кремле. В кабинете Паторжинского стояла фотография Сталина с дарственной надписью. Сталин очень любил украинские песни. Иван Сергеевич был одним из немногих артистов Советского Союза, кому разрешалось выступать за рубежом, в частности во Франции.

Будучи в гастрольной поездке во Франции, он там разыскал своего младшего брата Федора, который в смутные годы империалистической войны и революции уехал на гастроли с казачьим хором по Европе. У Федора был неплохой голос. На родину возвращаться боялся, не зная, что там и как, и остался во Франции. Работал гримером, пел в хоре, а потом руководил духовным православным хором. Он выступал со своим хором даже в Ватикане.

Там, во Франции, Федор мечтал о родной Украине. Он знал, что его брат знаменитый певец. Когда они встретились, он просил Ивана Сергеевича помочь ему вернуться на родину. Благодаря Сталину это почти удалось. Было получено разрешение, и началось оформление документов.

Но началась война, и все пошло прахом. Франция оккупирована, Украина тоже. Ивану Сергеевичу удалось со своей женой — певицей, удивительно красивой женщиной, и дочками Галиной и Лидией эвакуироваться вместе с театром. Естественно, связь с Федором была потеряна. А когда кончилась война и семья Паторжинских вместе с театром вернулась в Киев, Ивану Сергеевичу удалось вновь найти брата и добиться его возвращения на Украину, в Киев. Федор вернулся в Советский Союз из Франции приблизительно за полгода до нашего отъезда. Интересный был человек.

Дали ему с женой квартирку метра двадцать три на бульваре Леси Украинки. Две маленькие комнаты. Та, что побольше, вся увешана фотографиями. Тут и Рахманинов, и Шаляпин, и многие наши знаменитые и талантливые эмигранты.

Федор Сергеевич был полной противоположностью Ивану Сергеевичу. Небольшой, худенький, подвижный. Легкое пальтишко или плащик и беретик на голове. Скучал по парижским бульварам. Любил жизнь в полном объеме. Много у нас, особенно сразу, было ему непонятно. Например, образ жизни Ивана Сергеевича: хорошо покушать, полежать после обеда, посидеть вечерком с друзьями дома да с хорошей закуской.

Располнел Иван Сергеевич. Федор тормозил его, заставлял больше двигаться и гулять. Он получал письма от друзей из Франции, они спрашивали, как там у нас, в Советском Союзе. И когда друзья узнали, что у него в центре города двухкомнатная квартира с газом и постоянной горячей водой, то спросили в письме: «Ты что, получил большое наследство?». В те годы, в середине пятидесятых, в Париже горячая вода в кранах была только у очень богатых людей.

Федора Сергеевича у нас удивляло очень многое. В.Д. любил с ним и Левою вечером гулять по Киеву. Много говорили и многое узнавали друг о друге.

Федор говорил, что украинские женщины красивые, но неряшливые, часто пуговица оторвана, одежда мятая. Летом в босоножках — черные пятки. Руки без маникюра. В.Д. отвечал, что нам пока не до маникюра, страну надо поднимать после немецкой оккупации. А основная тяговая сила — наша славянская баба. Ведь Париж не был так разрушен, как был разбит Киев. У Федора все это не сразу укладывалось в голове. Как-то втроем они зашли в маленький винный магазинчик на улице Заньковецкой. Там было вино и в бутылках, и на разлив. Взяли на разлив какое-то очень хорошее грузинское вино, выпили и пошли опять гулять. А Федор задумчиво сказал: «Надо же, такая молоденькая и свое дело уже имеет». Никак не мог себе представить, что у нас тогда не было собственных магазинов, а девушка, что наливала им вино, просто продавщица.

А наши базары приводили его и жену Нину в умиление. Ходил, присматривался, узнавал цену, торговался и уже почти при самой покупке спрашивал хозяйку, сладкая или кислая ягода. Хозяйка отвечала: «А может, и кислая». Федор с умилением об этом говорил и в лицах представлял, как бы у них там во Франции всучили бы ему кислые ягоды, а здесь такие торговочки милые и сердечные. В.Д. смеясь говорил ему, что и у нас так бывает, и рассказывал, как в магазинах ему почти всегда что-нибудь некачественное положат — или засохший сыр, или селедку, которая ждала только его. В.Д. никогда не смотрел, что и сколько ему взвешивают. А потом дома растерянно говорил: «Мам, магазин — не моя парафия. Лучше сама сходи, а то опять что-нибудь подсунут».

Федор устроился на работу в хор Веревки. Его энергичная натура не могла довольствоваться только базаром и знакомством с достопримечательностями Киева. Сначала он присматривался к коллективу. Хор очень ему понравился. Голоса прекрасные, песни чудесные, но все стоят как истуканы. В первом ряду большегрудые, увесистые бывшие молодницы с каменными лицами, а за ними — молодые хорошенькие хористки с сильными свежими голосами. Так же и мужское сословие. Федор в интересах дела деликатно предложил поменять их местами и добиться, чтобы они на сцене живыми были. Но бывшие «молодицы» стояли, как Брестская крепость, ни шагу назад. Назрел конфликт, и Федору пришлось уйти с этой работы. В.Д. сочувствовал ему, у них даже была какая-то схожесть натур. Мне кажется — это поиски нового, нужного, живого.

И взялся Федор помогать в строительстве дачи Паторжинских. Купил Иван Сергеевич на 31-м километре по Обуховскому шоссе у бабы Лукерьи кусочек земли на самом берегу днепровского рукава. Основной организатор строительства — зять Лев Силаев, помощник — Федор и сочувствующие — В.Д. и я.

Это место, а потом уже и построенная дача подарили нам много приятных дней и воспоминаний. У нас не было дачи, и поэтому по воскресеньям мы приезжали помочь в подготовке участка для стройки.

Сам Иван Сергеевич был после тяжелой операции. Если и приезжал с нами на дачу, то мы ставили ему в лесочке напротив раскладушку, и он тихо погружался в свои мысли. Но когда Лева и В.Д. ловили сами или покупали у рыбаков рыбу, он оживлялся. Очень любил уху. Он научил меня варить уху с растертым старым салом, которым заправляли уже почти готовую уху. А Федор был всегда при деле.

В какой-то день должны были привезти кирпич. В.Д. дал машину, и мы с Галочкой Паторжинской поехали на дачу. Жара невыносимая. Сидим, ждем. Три часа дня, четыре, пять, наконец, появляется полуторка. Заехал водитель на участок, вылез, открыл борт и говорит: «Разгружайте, а то мне скоро ехать надо, а я пойду купаться, жарко очень».

Мы с Галиной сначала ахнули. Галочка любила русский фольклор, так что отвела душу — выразилась, вроде бы стало легче. Федор, широко раскрыв глаза, посмотрел на племянницу, прекрасную исполнительницу Шопена, и сказал: «Девчонки, за дело!». И мы начали таскать кирпичи! По выражению лица Галочки я чувствовала, что еще не один раз про себя она крепко выражалась. Через час появились мужчины — Лева на своей машине вместе с В.Д., который перед этим заехал домой и переоделся. Так что к работе приступили и они. Вслух ругали «левача» шофера, который вез кирпич явно на стройку, но за «бабки» привез его к Паторжинским. Федор Сергеевич никогда не видел В.Д. в форме и не знал, что он генерал, говорили, что летчик.

Но однажды 17 мая в день рождения В.Д. у нас был сабантуй. Сам В.Д. был в командировке, но к шести часам вечера, к приходу гостей, должен был уже появиться. Все собрались. В числе гостей два генерала — заместители В.Д., конечно, в гражданском. А еще Лева, Галя, Федор Сергеевич, Мартыновы и кто-то еще. Все сели за стол, а В.Д. нет. Я уже немного нервничала. В начале седьмого позвонила оперативному дежурному, который ответил, что самолет минут пять как приземлился в Жулянах. Я с радостью объявила это гостям.

Вскоре раздается звонок в дверь, на пороге мой дорогой именинник в генеральской форме, с двумя звездами и орденскими

планками. Все к нему, шумят, поздравляют, а Федор остолбенел: что В.Д. Герой, Федор знал, но что дважды — нет. А что генерал — и подумать не мог. И снова пошли к столу.

Не хвастаясь, могу сказать, что накрывала я хорошо: и закуски сделала много, и промочить горло было чем. Федора посадили между двумя генералами. Слава Богу, он этого не знал, а то бы и совсем затих. С полчаса сидел молча, видимо, переваривал все — и генерала, и генеральшу, то есть меня, таскавшую кирпичи вместе с генералом. Потом отошел и стал самим собою, простым и интересным собеседником. Уходя сказал, что нельзя так много готовить и есть. Всего этого французской семье хватило бы на неделю. Когда прощались, Лева, чтобы окончательно обескуражить Федора Сергеевича, представил ему двух его соседей, сказав, что это тоже генералы — помощники Володи. Федор Сергеевич сказал, что напишет обо всем друзьям в Париж. О том, что ужинал с тремя генералами и сама генеральша готовила и накрывала стол. Вскоре пришел ответ. Друзья не поверили, написали: «Федор, ты как был шутником, так и остался». А когда в конце года мы покидали Киев, очень переживал, даже прослезился. Сказал: «Неужели больше не увидимся?».

Наша жизнь в Киеве была согрета теплом людей близких и просто знакомых. Петенька учился в школе недалеко от дома. Учился средне, порой приносил тройки. Особенные нелады у него были с математичкой. Как-то невзлюбила она его, были случаи, когда незаслуженно занижала оценки. Да еще как-то увидела его вроде бы дерущимся, но он защищал девочку. Он вообще всегда был рыцарем. Никогда не обидел в школе да и после ее окончания ни одну особу женского пола. В общем, математичка была о нем неважного мнения. Петя сопел, сопел и отомстил — намазал доску восковой свечой. Писать на ней было невозможно. Меня, естественно, вызвали в школу. Конфликт более или менее уладился. Иногда даже четверки стал получать. Ласковый был мальчик, очень любил сестренку Олю, которой было всего пять лет. Давала ему деньги на завтраки в школьной столовой, а он обязательно хоть одну конфетку приносил сестричке. Жили они мирно, хорошо. Оба очень любили собак. Решили взять ма-

ленькую собачку в дом, чтобы если уж целовать, то домашнюю, чистенькую. Помогли Мартыновы.

У их друзей в Харькове была маленькая белая французская болончка. Щенков они обычно продавали. Но на этот раз француженка согрешила с каким-то маленьким беленьким кудрявым японским песиком. Помесь получилась очаровательная. Вот это чудо поездом передали через Мартынова для нас.

В.Д. решил сам поехать на вокзал за собачкой. Надел свой серый в клетку гражданский костюм с двумя разрезами сзади, соломенную шляпу (это было летом) и сказал: «Мам, жди меня с собачкой». Уехал часу в восьмом своим ходом, без машины, он вообще в нерабочее время редко ею пользовался. Девять, десять — нет ни мужа, ни собачки. Звонить стеснялась, понимала, что, наверное, собачку «обмывают». Думала, только бы на обратном пути не потерял ее. Часов в одиннадцать звонок в дверь. Я скорее открываю. Стоит мой муж. Соломенная шляпа немного набекрень, а брови у него лохматые, так одна бровь вниз волосами, а другая — вверх. Из-за пазухи выглядывает маленькое беленькое курносое существо с черными глазками, одно ухо вверх, другое вниз, как брови у хозяина.

До сих пор эта картина у меня перед глазами. Собаку называли Милочка, как звали мою первую собачку-пекиночку в Китае. Это прелестное существо принесло нам много радостных веселых минут. Она, став членом семьи военного, переезжала вместе с нами из города в город. А вопрос о переезде в другое место возник довольно неожиданно.

В.Д., как всегда и везде, работал с полной отдачей всех своих сил. Но было у него качество, которое порой вредило. Это отсутствие подхалимажа, честность и реальная оценка обстановки и того, что ему предстоит сделать. И если он считал, что прав, доказывал это бескомпромиссно. Начальству такое не всегда нравилось. Да если еще и начальник с характером, то находила коса на камень. В молодости В.Д. отстаивал свои убеждения горячо, иногда резко, а с возрастом спокойно и дипломатично. Но если считал, что прав, шел до конца, невзирая на лица. Отношения с командующим армией генерал-полковником Щегловым

сложилась непростые. Боевой генерал, пехотинец, привыкший отдавать распоряжения резким командным голосом, не всегда бывал прав.

ПВО — система сложная: в армии радиотехнические средства, зенитно-ракетные и истребительная авиация. Все вкуче — одно целое. ПВО должна засечь, перехватить и уничтожить противника. Больше всего хлопот было с авиацией. Техника новая — МИГ-15 и МИГ-17. Аэродромы, а главное взлетные полосы были старые, рассчитанные на поршневую технику. Их надо было доводить до уровня реактивной авиации, даже стараться быть на шаг вперед. Кроме того, летчики должны иметь нормальные условия жизни, особенно, если есть дети. На полеты летчики должны приходиться отдохнувшие, выспавшиеся и не голодные. Каждый полет, особенно на новой технике, — это не только испытание на прочность техники, но и испытание мастерства и воли летчика. Даже если были допущены ошибки, В.Д. никогда не ругал летчика, старался разобраться в причинах и прилюдно не оскорблял его. Всегда защищал перед вышестоящим начальством, а разобравшись, сам наедине «снял стружку»

А техника иногда подводила, давала ложные показания. И только выдержка руководителя полета и летчика помогала найти выход из сложившейся ситуации.

На борту каждого самолета была пожарная сигнализация. В одном из тренировочных полетов в кабине у молодого летчика уже на высоте 50 метров зажглась сигнальная лампочка. Он сообщил об этом на командный пункт руководителю полетов. Тот, бывалый летчик — фронтовик Владимир Абрамов, передал летчику, чтобы спокойно набирал высоту, понимая, что на такой высоте катапультироваться не очень приятно, да и тревога могла быть ложной. Он знал об аналогичном случае в Сейме, когда начальником Центра был В.Д.. У инструктора Знаменского тоже зажглась сигнальная лампочка, правда, на большой высоте. И он последовал летному наставлению, сработала пожарная сигнализация — немедленно катапультировался. А неуправляемый самолет пошел к земле. Не было видно ни пламени, ни дыма. Самолет врезался в землю. Когда произвели анализ ава-

рии, оказалось, что лампочка давала ложные показания. Поэтому Абрамов спокойно запросил летчика о высоте. Уже тысяча метров. Спросил, горит ли лампочка, услышал: «Горит». — «Запах гари чувствуется?» Летчик ответил: «Нет. Нигде ничего не видно, ни огня, ни дыма». Абрамов приказал спокойно заходить на посадку, но если увидит что-то подозрительное, немедленно катапультироваться. При последнем развороте опять запрос Абрамова: «Что на борту?». Ответ: «Все в порядке, но лампочка горит». — «Садитесь», — приказал Абрамов. На всякий случай к месту посадки подъехали пожарные машины. Летчик выскочил и отбежал в сторону.

В.Д. уже был на аэродроме, когда приехал командующий. И начался разнос.

Он обвинял В.Д., летчиков вообще во всех смертных грехах, а главное — в отсутствии дисциплины и невыполнении наставлений. На что В.Д. возразил, что наставление наставлением, но сам не плошай, надо думать. И тут началось: «Вы, летчики, думать не умеете, только за штурвал умеете держаться. И в строительстве взлетной полосы тоже мало разбираетесь». А это прямой намек на возражение В.Д. во время ремонта взлетной полосы. Добавил, что две Академии ничему В.Д. толком не научили. В.Д. не стал больше слушать, развернулся и уехал.

Доложили обо всем в Москву. Оттуда приехала комиссия, во всем разобрались. Старались их примирить. Но В.Д. отказался, сказал, что просит перевести его в другое место. Что и сделали, да еще с повышением. В.Д. очень переживал этот инцидент. А ведь было еще множество мелких неправильных и несправедливых указаний, особенно, когда В.Д. защищал летчиков.

Но выводы оба — и командующий, и В.Д. — сделали. Щеглов стал более уважительным, миролюбивым и понимающим, а В.Д. более спокойным и дипломатичным. Лет через пятнадцать они вспоминали об этом. Жизнь учит и малых, и взрослых.

А мы снова в путь, теперь это Рига. Красивый город, западный. Река Даугава, впадающая в Балтийское море. Роскошное взморье с запахом сосны и морских водорослей. У Балтийского моря свой особый запах. И маленькие янтарик в песке, и водоросли

на берегу. Особенно рано утром, когда за ночь морская волна выносит на берег свое богатство. Я любила рано утром, часов в семь, ходить из Дубулты, где была наша дача, в Мелужи на базар. Шла с палочкой в руке, разгребая водоросли и радуясь, как ребенок, янтаринкам. Шла навстречу солнцу, поднимающемуся над свинцово-серым морем. Воздух чистый, свежий. Красота.

В.Д., как всегда, уехал раньше меня на новое место, а через пару месяцев прилетел за мной. Это было дней за пять до Нового года. У меня уже все было упаковано. Загрузились в самолет и вперед, на запад. Прилетели 29 декабря, а на 31 декабря приглашение на встречу Нового года от Председателя Совета Министров Латвии писателя Вилиса Лациса. Скорей достала генеральский мундир В.Д. и свое очень красивое платье из серебристой тафты.

Короче говоря, явились во всеоружии на первое знакомство с латышским бомондом. Прием, как теперь говорят, фуршет. Старый латышский замок в центре Риги. Много дерева. Официантки — милые девушки в национальных костюмах.

Публика интересная — писатели, поэты, художники, артисты, ученые и несколько военных.

В.Д. руководство республики уже знал, так как по приезду представлялся им. Теперь командующий округа представил меня. Вроде понравилась. Особое внимание нам уделили мэры Риги Бауманис, веселый добродушный толстячок, и его заместитель Соловьев со своей супругой. Они помогли мне и почувствовать, и войти в совсем новую для меня атмосферу города. Речь в основном незнакомая. Но я почти сразу усвоила нужные в обиходе слова приветствия, благодарности, извинения. Это страна со своими обычаями, традициями, историей и понятием жизни. Раньше для меня Латвия ассоциировалась с латышскими стрелками, с друзьями отца по Академии Генерального Штаба Бебрисом, Упманом. Когда В.Д. принял корпус ПВО московского подчинения, командующим округа был Иван Баграмян, армянин. Хорошо говорил по-русски с приятным легким кавказским акцентом, по-латышски, конечно, нет. Он был депутатом Верховного Совета СССР. Но его присутствие на сессии Верховного Совета Латвии было желательным, так как там решались неко-

торые вопросы о помощи армии, иногда в строительстве, иногда в уборке урожая. Да и техника, в смысле машины, тоже иногда требовала помощи армии. Правда, в силу своих обязанностей он не всегда бывал на заседаниях, так как Прибалтийский округ — это не только Латвия, но еще Литва и Эстония.

Граница рядом, и ездить по местам дислокации войск приходилось часто. Да еще и Балтийский флот, который, хотя и косвенно, но был в его ведении. Как-то раз его пригласили на сессию Верховного Совета по вопросу помощи в уборке урожая. Все говорили только по-латышски, хотя почти все, кто лучше, кто хуже, знали русский язык.

Баграмян должен был выступать по вопросам армии. Он сидел молча и слушал, ничего не понимая. Потом вышел на трибуну и десять минут говорил по-армянски. В зале гробовая тишина и недоумение. Он кончил и спросил: «Ну как, понятно?». И улыбаясь, пошел на свое место. Кто смеялся, кто возмущался, но больше подобных казусов не было. «Раз пригласили по интересующему вас вопросу, то уважайте. Я ведь должен знать и ваше мнение по этому вопросу», — сказал он.

Там, в Латвии, я по-настоящему поняла, что такое национальный вопрос. В разговоре одна женщина мне сказала: «Сейчас мы под русскими, а это было, когда мы были под немцами». Как-то сильно резануло сердце. Ведь можно было сказать, что сейчас мы в Советском Союзе, а то — «под русскими», рядом со словами «под немцами». Раз не только думают, но и говорят такое, значит, что-то не так. Сказала она не зло, просто констатировала факт. А ведь тогда, в 1940 году, большинство народа Латвии голосовало за присоединение к Советскому Союзу. Я уже не говорю о рабочем классе. Интеллигенция тоже хотела перемен к лучшему и надеялась на Советский Союз. Мы знали некоторых товарищей, отсидевших при Ульманисе в тюрьме за организацию забастовок с требованием лучших условий жизни для рабочего класса.

Меня многое удивляло в Риге, было непонятно. Рига жила своей жизнью. В магазинах — изобилие. Трикотажных изделий, кофточек полным-полно. Ткани. Обувные мастерские делали очень даже неплохую обувь. Наши славянские бабоньки

ринулись в Прибалтике по магазинам. Десятками брали трикотажное белье. Ведь надо для себя, родных и соседей. Да кое-что перепродать, чтоб хоть частично окупить дорогу. И наша бедная российская баба тащила на себе неподъемные сумки. Вот так, видимо, зарождался простейший бизнес. Продавщицы вначале удивлялись, а потом возмущались. Стали кое-что прятать под прилавок и оставлять своим покупателям — латышам.

Мы как раз приехали, когда удивление переросло в возмущение. Чувствовали себя очень неудобно, когда надо было что-то купить, а продавцы отвечали: «Нет». Потом я привыкла, и ко мне привыкли. Поняли, что я здесь живу, вежлива, не нахватываю, и мне стали говорить: «Лудзу, мадам» (пожалуйста). А продукты, особенно молочные, колбасные и рыбные, до сих пор вспоминаю. Особенно салаку горячего копчения, которую часов в 7 — 8 утра разносили по дачам жены рыбаков. Сочная, жирненькая, еще теплая, она так и просилась в рот.

Квартиру получили на улице Иерочу в доме работников мебельной фабрики. Квартира большая, удобная, на втором этаже, но далеко от центра. В доме было, наверное, только две-три семьи русские. А тут еще генерал да Дважды Герой. Когда В.Д. и я ехали на какие-нибудь торжества или в гости, а машина стояла перед домом, все, кто мог, были у окон. Как мы идем, как одеты, откроет дверцу машины водитель или генерал, поможет ли мне сесть. Сразу я этого не замечала, но когда соседка полурусская-полулатышка сказала, что ей понравилось мое пальто и не только ей, я поняла, что мы на виду. И если куда-нибудь ехали, то, выходя из парадного, шептала мужу: «Не спеши, иди рядом, посади меня в машину». Там придавали большое значение вниманию мужчины к женщине. В общем, приучила. И пальто подавать приучила. Я знала и знаю, что это не главное в жизни, но женщине хочется, чтобы была не только любовь, но и внимание.

Я начала здороваться с соседями первая. Они стали улыбаться, отвечать. У нас появилось много друзей и среди латышей. Многих удивляла, а порой обескураживала простота В.Д. и его широкая замечательная улыбка. И они улыбались в ответ очень уважительно. Это было приятно. Всем соседям очень нравилась

моя собачка. Часто останавливали меня на улице, когда я выводила Милашку, и спрашивали про нее. Видимо, это был один из предлогов для знакомства. Латыши очень любили собак, особенно маленьких, породистых. А после войны в Риге собак было очень мало. Соседи в доме считали, если у дамы такая породистая очаровательная собачка, значит она настоящая дама.

Напротив нашего дома через дорогу в двухэтажном доме жила старая латышская семья. С ними жил трех-четырёхлетний внучек. Когда он стоял на подоконнике, я, стоя у своего окна, ставила на подоконник Милочку. Малыш прыгал от восторга. Так мы с ним подружились. А когда он увидел ее на улице, восторгу не было конца. Отношение населения к животным, в особенности к собакам, было трогательное, заботливое. А я, любящая собак с детства, нашла себе быстро понимающих собеседников. Когда мы жили на даче, то часто по вечерам берегом моря ходили в Дзинтари. Там на берегу был чудесный маленький ресторанчик, где очень хорошо готовили шашлыки. И так как мы с В.Д. их очень любили, то были частыми посетителями этого летнего ресторанчика. Первый раз, когда мы пришли туда, я побоялась заходить с Милашкой, но мне предложили зайти. Я показала на Милашку, на что получила обрадовавший меня ответ: «Лудзу». Милаша тихо сидела под столом, но пользовалась большим вниманием. Даже шеф-повар вынес ей любимую маленькую косточку. Милашка вежливо вильнула хвостом. Все были довольны.

На даче у нас тоже появились друзья. Дача государственная, и мы недорого платили за свое проживание. Правда, платили за год, хотя жить можно было только летом, печек там не было. А весна и осень в Прибалтике теплом не балуют.

Мы были обязаны содержать в порядке участок, если надо, что-то отремонтировать и посадить деревья.

Мы занимали первый этаж, на втором этаже жили две семьи латышей — учителя. Очень милые люди, особенно Ян Яныч, завуч школы, и его жена Айра — учительница. Мы угощали их своими блюдами, а они нас — своими.

Помню, как-то они обедали у нас. Я сделала окрошку из кваса, уж так старалась. А оказалось, у них такое не едят. И они для

*Наша семья. Стоят: сын Петр, В. Д. Лавриненков, мой отец П. Ф. Ратов.
Сидят: дочь Ольга, моя мама Р. Б. Ратова и я*

приличия, чтобы не обидеть меня, все-таки съели. А когда В.Д. приезжал с охоты на уток, всегда делилась с ними.

Домашняя жизнь налаживалась. Оленька пошла в школу. Петенька приехал через год. Раньше он учил украинский, теперь начал учить латышский. Оленька пошла в динамовскую группу фигурного катания. Я — секретарь судейской коллегии по фигурному катанию. А у В.Д., что, конечно, главное, не просто шла работа. Если в Киеве он был командующим истребительной авиацией армии, то теперь, как в большом соединении ПВО — корпусе, у него прибавились ЗРВ (зенитно-ракетные войска) и РТВ (радиотехнические войска). Так что работы и волнений хоть отбавляй. Но больше всего волнений приносила авиация. Раньше был Центр, где летчики переучивались на реактивную технику. Это тот Центр, которым в начале пятидесятых годов командовал В.Д.. А теперь там межколхозная птицефабрика — это следствие второго сокращения вооруженных сил.

В.Д., начальник штаба полковник Жало и начальник политотдела Кучин выбивались из сил, но ощутимых результатов в работе не было. Да еще и авария самолета в небе над Эстонией. Летчик катапультировался, но самолет разбился. Летчик упал близ небольшого хутора. Он кричал, звал на помощь. Хозяева вышли, посмотрели, но не подошли, не помогли. Через несколько часов поисковая группа нашла его в бессознательном состоянии. Летчика удалось спасти, но он никак не мог понять, почему же эстонцы не подошли к нему, не помогли. Когда хуторян расспрашивали, они сказали, что видели взрыв, но не знали, кто этот летчик, и боялись оказать ему помощь. На хуторах россиян не очень жаловали.

Приближалась вышестоящая проверка, которую, увы, выдержали только на тройку. В.Д. на «драйке» сказал, что для него дело чести исправить положение. Он не знал ни минуты покоя, мало спал. Иногда приходилось даже принимать крутые меры. Но наибольший эффект приносил простой человеческий подход к людям, внимание к их нуждам, заботам, запросам. Положение исправили, да еще и как! Правительство Латвии и новый командующий округом Батов присматривались к нему. Поняли, что В.Д. настоящий, без показухи. Занял второе место в войсках страны, стал депутатом Верховного Совета и членом ЦК Латвии. Мы вздохнули. В.Д. посветлел лицом, стал спокойнее спать, но ненадолго. Замучили шары. Сбить их было почти невозможно. Это были не научные или метеорологические шары, а самые настоящие шары-разведчики для съемки наших объектов. Да еще портили нервы самолеты-разведчики, которые на предельных скоростях неслись к нашей границе со стороны скандинавских стран, где они базировались. Почти у самой границы, резко меняя курс, шли вдоль границы, не нарушая ее, и возвращались на свою базу.

Наши средства ПВО, в основном авиация, все в полной боевой готовности. Кто их знает, вдруг пойдут на пересечение границы и что у них на борту?! Ведь пролетел же американский высотный разведчик У-2 с пилотом Пауэрсом. Он был сбит, взят в плен. В Москве состоялся суд над ним. Приезжала его жена. Разбитый

самолет восстановили для обозрения прессы, дипломатов и наших граждан в Москве в Парке культуры и отдыха имени Горького, а Пауэрса обменяли на нашего разведчика Абея.

Роль противовоздушной обороны стала восприниматься более значительно. Несмотря на часто неблагоприятную прибалтийскую погоду, авиация корпуса старалась летать, летать и летать, днем и ночью, совершенствуя свое мастерство. Итог — очередное учение на «отлично». Ведь летчики не просто летали, а каждый раз отрабатывали какую-нибудь огневую или тактическую задачу. Уважение к В.Д. в правительстве и округе возросло. Мэр Риги Бауманис, увидев нашу квартиру, предложил перебраться в более удобное место и поближе к штабу В.Д. Старый дом, угол улиц Дзирнаву и Леона Паэгле. До присоединения Латвии к СССР эту квартиру занимал министр финансов правительства Ульманиса. Квартира огромная на втором этаже. Она была переоборудована на две квартиры. С грехом пополам оставили ее. На Иерочу была частично казенная мебель.

Эта квартира требовала более внимательного отношения к себе, дизайна. Благо, латышская промышленность выпускала вполне приличную мебель. Я и дети были рады этому переезду — в любую минуту мы в центре Риги. Я с удовольствием ходила по ее старинным улочкам. Наша улица Леона Паэгле тоже относилась к старой аристократической части Риги, а параллельная ей улица Фриче Гайля вообще словно сказка. Она небольшая, неширокая, но каждый дом — индивидуальность. Выдумка и вкус художников, архитекторов и скульпторов беспредельны. Сколько раз я приходила на эту улицу и всегда уходила с ощущением прекрасного и восхищением человеческим искусством.

Летом, несмотря на порой неласковую прибалтийскую погоду, мы всегда бывали на даче. Переезжали туда всем семейством. Благо, до работы В.Д. было всего километров 18 — 20. Воздух божественный — сосна и море. Хотелось дышать и дышать. Наша дача первая от моря. Перед окнами сосны и песчаные дюны. Но, увы, нежарко. Загар прибалтийский особенный, можно запросто обгореть. Морской ветерок и тучки как бы маскируют горячие солнечные лучи. Так что не успеешь оглянуться — нос красный да и весь бываешь, как помидорчик.

Приезжали к нам на взморье сестры В.Д. и его брат Павел. А мои родители два лета провели у нас. Папа после очередного инфаркта и московского воздуха не мог надыхаться чистым, свежим взморьем. Сидел с мамой около дома на лавочке и с удовольствием наблюдал за людьми, проходившими мимо нашего дома к морю, и за белочками, прыгающими по дереву. А по вечерам, когда В.Д. приезжал с работы, мы, поужинав, собирались все на скамеечке возле дома. Папа задумчиво вспоминал и рассказывал нам об Англии, Швеции и особенно о Норвегии, народ которой пришелся ему по душе. С большим уважением говорил он о короле Норвегии Хоконе, который в свои семьдесят три года еще очень неплохо играл в хоккей. Когда отец сказал о хоккее, мы с В.Д. переглянулись и рассмеялись: вспомнили его «победоносный» дебют в роли вратаря. Кстати, норвежский король наградил отца орденом Святого Улафа. В тот первый послевоенный год отец был седьмым человеком, награжденным этим орденом и первым иностранцем: П.Ф. Ратов являлся командором этого ордена, во главе которого был король Норвегии.

Во время войны наши военнопленные, которые были в лагерях в Норвегии и Швеции, находились в лучших условиях, чем те, кто был в Польше, Венгрии, Германии. Население подкармливало их.

Отец много рассказывал о министре иностранных дел Норвегии Трюгве Ли – первом Генеральном секретаре Организации Объединенных Наций. У него было две дочери. Младшая Дюри была пророссийской ориентации в отличие от старшей, восхищавшейся английскими и американскими военными. Дюри была равнодушна к порученцу отца майору Баранову. Подружившись с переводчицей отца Валентиной, она по всякому поводу и без повода бывала в его резиденции. Когда после освобождения Норвегии приехала одна из первых блестящих фигуристок мира Соня Хейни, норвежка по национальности, Дюри сделала все возможное, чтобы на обеде у Трюгве Ли в честь Сони моего отца сопровождал Баранов.

В Норвегии в то время Соня не пользовалась большой любовью и уважением, даже несмотря на прелестный фильм с ее участием «Серенада Солнечной долины». Норвежцы не могли ей

простить, что она в тяжелое для Норвегии время уехала в Америку и была далеко от всего, что выпало на долю ее земляков. Ей удалось создать «Айс Ревю» на Бродвее. За обедом она сказала: «Генерал, если вы будете в Нью-Йорке, я в любое время рада буду видеть вас на моем представлении». И действительно, будучи на сессии Генеральной Ассамблеи ООН, отец посетил ее «Айс Ревю» и был очень хорошо принят.

С английским и американским военными представителями отношения складывались туговато. После высадки союзных войск в Норвегии буквально через одну-две недели отец сумел без разрешения союзного командования попасть в район Осло. Монтгомери приказал выслать его. Стоял вопрос о концлагерях и особенно о пятикилометровых картах Ленинградской области, которые союзники очень хотели найти. Немецкое командование, отступая от Ленинграда, вывезло эти карты в Норвегию, надеясь, что они им еще пригодятся при новом наступлении. Но наступать больше не пришлось, а отступали так быстро, что карты не успели забрать. Норвежским рабочим удалось их спрятать на территории одного из заводов. В получении этих карт отцу помогла наш посол в Швеции А. Коллонтай. Она дала явки для связи с секретарем Компартии Норвегии Стреме Йогансом. С его помощью карты были найдены и отправлены в Советский Союз. Еще отец вспоминал об английском разведчике Феербессе, который почти всегда был тенью отца и дважды погорел из-за его деятельности. Как-то даже сказал папе: «О генерал, вы старая лиса, я вас еще по Китаю знаю».

Много интересных подробностей рассказывал отец, разве все вспомнишь и опишешь. С большим уважением говорил об английской королеве и о любви к ней английского народа. В Лондонском Гайд-Парке можно было ругать правительство, мэра, кого угодно, но ни слова о королеве — таков закон. А в войну, чтобы показать, что надо во всем экономить, что женщина должна переносить все трудности и оставаться модной и женственной, королева переделала свою уже немодную шляпку на более модную. И все женщины бросились делать то же самое в знак солидарности со своей королевой.

*П. Ф. Ратов в Стокгольме
во время встречи с послом
СССР в Швеции
А. Коллонтай*

С товарами легкой промышленности было туговато, и женщинам среднего класса и ниже, чтобы сохранить достойный вид, приходилось выкручиваться. Колготок тогда не было, а чулки, как правило, почему-то все время рвались. В продаже появился крем цвета загара. Как только стало теплее, женщины мазали им ноги. Сзади темно-коричневым карандашом проводили линию, имитирующую шов. Полная иллюзия чулка на ножке, особенно вечером и издали. Подвыпившие солдаты, посещавшие во время увольнения лондонские бары, тем паче не могли разобраться. Я спросила папу: «А королева?». Он смеясь ответил, что ее ножки, к сожалению, не видел, не до этого было.

У отца было много памятных фотографий с Черчиллем, Иденом, королевой, Трюгве Ли, королем Хоконом. К сожалению, в пятидесятые годы, когда опять были политические заморочки и поиски шпионов, папа все их уничтожил, чтобы не обвинили в космополитизме. Тогда могли пришить любое дело. Очень жаль книгу о Норвегии, подписанную Трюгве Ли. Осталась только грамота короля Хокона о награждении папы орденом.

Отец рассказывал, что американцы называли Сталина «дядя Джо». Когда и у нас появилась атомная бомба, была выпущена открытка с карикатурой: Трумен держит в руках атомную бомбу и говорит: «Посмотри, дядя Джо, что у меня есть». А Сталин, повернувшись в пол-оборота, держит обе руки за спиной и отвечает: «Подумаешь, у меня уже две».

Сколько же теперь этого страшного оружия на земле!

Прошло почти пятнадцать лет после войны. Раны, нанесенные нашему народу, нашей земле были совсем свежи. Но в Прибал-

тике горе минувшей войны так не ощущалось. Мало разрушений и жертв, в магазинах полно всего. Наши женщины, побывав в Риге, приезжали домой и вздыхали о том, что не смогли купить.

Но каждую книгу, каждый кинофильм, посвященный войне, ее горю и ее героизму, мы принимали душой, головой и сердцем. Даже если книга или фильм были не на высоком художественном уровне.

«Подвиг разведчика», «Майор Вихрь», «Константин Заслонов» — все заставляло переживать прошлое. Появился на экранах фильм, посвященный полку «Нормандия — Неман». Фильм не сильный. Многое надо было преподнести по-другому. Не надо было менять имена ни наших, ни французских летчиков, пусть бы люди знали и помнили их имена. Не надо было переставлять события. Если бы я была министром культуры, то вместо всяких авантюрных сериалов подняла бы вопрос о сериале, посвященном славной странице истории Великой Отечественной войны, о «Нормандии — Неман».

В фильме играли наши актеры и французские. В общем нам, то есть В.Д., мне и начальнику штаба с семьей, фильм понравился. В.Д. во время сеанса ерзал, комментировал, волновался. Он словно заново переживал прошедшее. Сидящие рядом зрители с неудовольствием оглядывались на него. Даже отпускали какие-то реплики. Он ведь был в гражданском и, конечно, без звезд и депутатского значка. У него ни на одном гражданском костюме лацкан не был проколот наградами.

И тут вдруг, как снег на голову, появляется Федор Паторжинский. Оказывается, в Риге живет семья Мусеньки, его близкой знакомой по Парижу. Они не покинули Ригу, остались жить в Латвии и после присоединения Прибалтики к Советскому Союзу. Заговорили о фильме, и Федор Сергеевич с присущей ему горячностью стал рассказывать об исполнителе роли Луи Дельфино. Оказывается, он не профессиональный актер. Его жена Лиза, полурусская-полуфранцуженка, работала в Советском посольстве. Она справедливо решила, что ее муж удивительно похож на Луи. Лиза была одной из приятельниц семьи Федора.

Исполнителя роли Дельфино звали Мишель де Сервиль. Он был художником и очень хорошим иллюстратором книг французских писателей.

С Федором мы провели незабываемый вечер воспоминаний, не зная, что скоро свидимся в Киеве.

Потом, когда мы вновь приехали в Киев, Федор был занят организацией выставки де Сервиля в художественном салоне на Красноармейской. Там мы и познакомились с Мишелем. В.Д. подтвердил, что сходство с Дельфино очень большое. Да и сыграл он неплохо. Творческие натуры способны многое чувствовать.

Много старых друзей и хороших интересных людей побывало у нас на даче в Юрмале — партизаны и фронтовые друзья В.Д. Приезжали и мои друзья, которые «рикошетом» становились и друзьями В.Д..

Несколько незабываемых дней мы провели с моей любимой актрисой театра имени Леси Украинки Евгенией Эммануиловной Опаловой. Сыгранные ею роли, особенно роль пани Дульской, вошли в золотой фонд театра. Гостили у нас и всемирно известные скрипачи — муж и жена Леонид Коган и Елизавета Гилельс. Леонид был настолько чувствительной и впечатлительной натурой, что попросил нас на концерт не приезжать, так как он будет очень волноваться. Он как натянутая струна. Спросил меня, что бы я хотела услышать, я попросила «Интродукцию и рондо-каприччиозо» Сен-Санса.

И мы с Елизаветой и В.Д. дома, сидя за столиком, смотрели телевизор и слушали виртуозную игру Леонида. Лиза волновалась, не забудет ли он мою просьбу. Нет, не забыл. Мы дружно аплодировали ему. После концерта — прямо к нам на ужин. Сколько бы он не выступал, каждый концерт для него — волнение.

Всем, кто посещал наш дом или дачу, мы всегда были рады. Но бывали и забавные неожиданности. Летом по вечерам, когда В.Д. усталый приезжал с работы на дачу, он любил надеть немудреные брючки и рубашку навыпуск и пойти проветрить мозги от напряженной работы. Иногда мы шли вместе, иногда я оставалась готовить ужин. В один из таких вечеров я с родителями

и детьми осталась на даче, а В.Д. пошел к морю.

На утоптанном и ставшем как асфальт берегу легко ездили машины, а гулять было одно удовольствие! Легкая волна обдавала берег пеной, помогая песку не рассыпаться. Тут же, на берегу, было много забегаловок с пивом, раками и салакой. Выпив кружечку пива, съев пару раков и с десятком прихватив домой, через полчаса В.Д. всегда возвращался. А тут больше часа его нет. Приходит часа через полтора, а с ним мужчина и женщина лет сорока и двое детей лет 10-12. Точнее, не пришел, а приехал на какой-то видавшей виды легковой машине. Люди незнакомые.

Они вошли как-то застенчиво, поздоровались и что-то хотели объяснить. Но объяснять стал В.Д.. Сказал: «Вот вам комната, располагайтесь». А мне: «Дай подушки, одеяла, в общем все, что у тебя есть». Комната в тот момент была как раз свободная. Там были две железные койки и тумбочка. Папа мой удивленно смотрел вверх очков на топчущегося у входа мужчину. Я открыла дверь в комнатку, сказав: «Проходите пожалуйста». Дети вошли, а взрослые пошли к машине за вещами.

Отец шепотом спросил у В.Д.: «Кто это?». А он ответил: «Не знаю. Приехали на своем драндулете на взморье отдохнуть, а остановиться негде. Ходили по дачам, спрашивали — все занято, переночевать негде. Ну, я и предложил им переночевать у нас. Ведь правда, места у нас хватит?». Папа, старый разведчик, только улыбнулся и сказал: «М-да... А как его зовут, ты хоть знаешь?» — «Как его знаю, а жену забыл», — ответил В.Д..

Утром мы встали рано, накормили их и В.Д.. Мужчина пошел к своей машине, а женщина с детьми собирали вещи в комнате. В.Д. пошел в нашу комнату, чтобы переодеться в форму и ехать

*Дедушка Петр Филиппович
с внуком Петей*

на работу. А когда он вышел в генеральской форме, в кителе с двумя звездами, депутатским значком и орденскими планками, у гостя буквально отвисла челюсть. В.Д. пожелал им найти комнату, хорошо отдохнуть и крепко пожал руку гостю. Тот слегка пришел в себя и промышчал что-то нечленораздельное, похожее на «никогда этого не забуду». Они оправились от шока, поблагодарили нас и уехали. Мы их больше не видели да и почти не вспоминали, но я уверена, что в их памяти это осталось надолго.

В этом поступке весь В.Д. И таких поступков было множество. Там же в Риге, уже в городе, вышел в магазин за сигаретами, конечно, в гражданском. Приходит и с печалью рассказывает: «Выхожу из магазина, смотрю, стоит немолодой прилично одетый мужчина, покачивается. Подошел ко мне и достал золотое обручальное кольцо, не тоненькое, а массивное, и просит купить его буквально за цену бутылки водки. Денег у него нет, а выпить ему еще, видимо, очень надо. Горе у него, что ли. Ну, я кольцо его заставил спрятать, а деньги дал. У него, оказывается, жена умерла. Он дня три пьет, пропил все деньги и решил за обручальное кольцо еще раз усыпить свою душу». Я сказала В.Д.: «Может, это обычный забуддыга, а ты ему еще деньги на водку дал», В.Д. задумчиво ответил: «А может, он сказал правду, и в этот момент ему надо было обязательно утолить свою боль».

В.Д. — натура большая, широкая, честная. Он никогда не пользовался правами депутата или Героя, никогда не лез нигде без очереди. Только потом, после тяжелой операции, даже двух операций, химиотерапии и облучения, когда мы летели в отпуск, он надевал значок депутата — так можно было пройти через комнату для депутатов и там сдать багаж.

В непростой обстановке в Прибалтике он снискал к себе уважение среди людей, с которыми мы общались. Писатель Вилис Лацис, секретарь ЦК Калнберзин, Пельше, мэр Риги Бауманис — все с большим уважением относились к нему как к человеку. Часто они бывали вместе на рыбалке и охоте.

Время шло. В Минске формировалась новая армия ПВО. В нее должен был войти отдельный корпус, которым командовал В.Д., а Киевской армией уже командовал Покрышкин. Он обратился с

просьбой к Главкому, чтобы ему первым замом назначили В.Д.

И мы снова в Киеве к нашей радости и радости всех наших друзей. А.И. оставил нам свою квартиру, а сам переехал в более просторную. Сначала мы жили во временной квартире, пока в покрышкинской приводили все в порядок, в основном комнату его сына Саши, который постоянно делал какие-то опыты, поэтому на потолке, стенах и полу не было живого чистого места. Бригаду ремонтных рабочих прислала хозслужба армии. Это было немного дешевле, чем нанимать кого-то. Да и материалы для ремонта они должны были обеспечить. Обещали быстро управиться.

Бригада состояла из трех человек: две молодницы и дед лет шестидесяти. Неожиданно дед стал исчезать во время работы, а так как он был главным в этой группе, то молодницы без него работали не спеша. Меня заинтересовало, куда же бегают дед. Спросила молодниц, они засмеялись и пожали плечами. «Может, курит», — сказала одна из них. Случайно все прояснилось. На четвертом этаже над нами жил профессор Петербургский, ему надо было побелить кухню, вот дед и решил подработать. Разведет краску, а немного нальет в баночку, закроет ее и на веревочке привяжет к поясу внутри широких штанин. Идет, а она внутри между ногами болтается!

Так как-то я его и спугнула случайно. Вышла из квартиры соседей, живущих напротив, а он тихонечко на четвертый этаж поднимается — баночка-то мешает идти. От неожиданности он споткнулся, баночка открылась, и побелка оказалась не на кухне, а в мужском хозяйстве деда. Смеху было! Послала его в ванну отмываться. Но дед не утомился, все-таки доделал кухню нашего верхнего соседа. Вот бы тогда Задорного или Жванецкого!

В общем, снова обживались в Киеве. Обставили квартиру рижской мебелью, которая на украинской земле очень хорошо смотрелась. На серванте стояла небольшая деревянная кружка с большим янтарем посередине, а в ушах у меня часто были янтарные сережки. Все это напоминало мне незабываемое Балтийское море. Все наши друзья ждали окончания ремонта, чтобы нагреть к нам фундаментально.

В Риге я приобрела более европейский вид, сбросила несколько килограмм, которые прилипли ко мне от украинского сала. Когда Лева Силаев вместе с Галочкой увидели меня, то Лева, как всегда остроумный, сказал: «Ду», а где же «ся», намекая на мою прошлую, не совсем стандартную фигурку.

В.Д. опять с головой окунулся в работу. А главное — рядом с А.И. Покрышкиным. Работать с ним было одно удовольствие. Они с В.Д. понимали друг друга с полуслова. Оленька пошла в школу, которая находилась недалеко от нас, а Петро был в Москве у моей мамы и приехал через год. А я, как всегда, в общественных делах и на вахте у плиты. В шутку стала снова писать — кому-то поздравления, кому-то кулинарные рецепты. Даже письма мои были в стихах. Чтобы часто не делать замечания детям и В.Д., была у нас маленькая газетка на одном листке под названием «Семейная колючка». Доставалось всем, от мала до велика. Читать приходилось тоже всем, так как я ее вешала в туалете на внутренней стороне двери. Никуда не денешься — прочтешь. А гости подолгу не выходили оттуда, знакомясь с тайнами семейного благополучия. Иногда возвращались и кое-что записывали. Вот некоторые куплеты из «Колючки»:

*Сыну: Чемпионов по пинг-понгу
Петя знает назубок.
Если б в школе так же твердо
Отвечал он свой урок.*

*В.Д.: На охоте папа был,
Двух тетеревов убил.
Это очень нам приятно,
Так как он неоднократно
Ничего не привозил.*

*Сыну: Снова Петя единицу
За беспечность получил.
Его пора уж не в «Колючку»,
А в настоящий «Крокодил».*

*Оле: От миноров и мажоров
Головушка кружится,*

*Ни с бемодем, ни с диезом
Все никак не сгружится.*

*В.Д.: Папа наш большой неряха,
Снова с пятнами рубаха.
Как же папу проучить
И порядку научить?*

*В.Д.: Когда конец командировкам,
Скажи, пожалуйста, мне, Вовка.*

Так что всем доставалось. Семейство мое решило, что я пользуюсь властью редактора «Колючки» и остаюсь вне критики. И чтобы показать, что в нашем доме есть демократия, я решила сама о себе написать.

*Ругать себя мне неприлично,
Хвалить себя мне неэтично.
Лучше буду я молчать,
Рискните вы меня програть!*

Время шло, дети росли. Их потребности и поведение потихоньку менялись соответственно возрасту.

*Сыну: Нина, Ната, Алла, Тома,
А не много ли знакомых?
Кино, танцы и свидания.
А как домашние задания?*

Когда началось увлечение рок-н-роллом, я ему написала:

*Лучше ты освой науку
И не видь в ней только скуку.
От науки будет толк,
А на что годится рок?*

А Олечке, которой по утрам заплетали косы:

*Нашей Оленьке с прической
Очень трудно угодить.
Видно, скоро ей придется
К парикмахеру ходить.*

А мне они всем семейством сочинили после очередного нарушения диеты и бунта желчного пузыря:

*Что не надо, мама кушает
И врача совсем не слушает.
Ох, придется, знать, мамусе
Пить трускавецкую «Нафтусю».*

Так и воспитывали друг друга в атмосфере легкого юмора. А когда Оленька заболела болезнью Боткина в довольно тяжелой форме, писала ей письма в стихах. Сначала, чтоб она не унывала, выполняла все, что говорили врачи, а потом, когда стало легче, писала о школьной программе. Передавала учебники и в стихах описывала все домашние задания, как решать задачи и какие изложения надо писать. Таких писем было больше двадцати. Даже писала, как глотать зонд и для чего это нужно.

Врачи, медсестры, нянечки и вся палата ждали моих писем. А потом попросили, чтобы я им тоже что-нибудь написала, что я с удовольствием и сделала. А все мои письма они перепечатали и потом давали читать больным ребятишкам.

Когда Оленька после болезни вернулась в школу, она не только не отстала, но была, как всегда, в передовых.

Наши дорогие Паторжинские с денежными трудностями, пыхтя заканчивали строительство дачи. Мы с удовольствием бывали у них. Правда, Ивана Сергеевича — «татуся», как его называла Галочка, уже не было. Но уху по его рецепту со старым салом и взбитыми под конец яйцами я также готовила из пойманной компанией рыбы. Федор Сергеевич оборудовал стойку, как на Западе, и угощал нас разными коктейлями, более или менее крепкими. В зависимости от «клиента».

Жизнь в Киеве была интересная, насыщенная событиями и встречами. Дом наш, как открытое окно, залетай — всегда найдется место. Я иногда уставала, хотелось побыть с В.Д. без друзей. А он смотрел на меня, улыбаясь лукавым взглядом из-под лохматых бровей, и говорил: «Мам, радуйся, что столько людей с нами. Ты еще будешь вспоминать это время с сожалением и теплом», Он был прав, часто вспоминаю те дни и радость от общения с людьми «разных весовых категорий» — от слесарей до маршалов. И всем В.Д. был рад.

Главным для В.Д. в Киеве была работа с Покрышкиным. А.И. был очень интересным и своеобразным человеком. Если он поверил кому-то или полюбил, разубедить его было трудно. И наоборот, если что-то не так, реабилитироваться тоже было трудно.

Натура сильная, голова мыслящая, сердце большое — от любви до ненависти. А любимые цветы — ландыши. Не раз по весне они вместе с Машенькой ездили на луг в район Кончи-Заспы, где под роскошным, выдавшим виды дубом росло много ландышей. Он осторожно срывал каждый цветочек, делал букет и преподносил его Машеньке. А в каждом букетике меньше цветов, чем сбитых им самолетов Воздушный бой и ландыши... Как хорошо, когда в мужчине есть сила и нежность. И настоящая нежность не любит показухи. Она тиха и скромна. Такими они были оба — А.И. и В.Д.

А.И. был технически грамотен. В техническом бюро Антонова и Ястребова они с В.Д. бывали не раз. Конструкторы не раз с ним советовались. Выставку, посвященную космонавтике, В.Д. организовывал с космонавтом Комаровым, позднее трагически погибшим при приземлении. Комаров знал, что не все еще проверено и доведено до полного совершенства, и понимал, что может не вернуться. Но руководству страны нужен был этот полет, чтобы доказать свое первенство в космонавтике. Доказали...

В.Д. и А.И. тяжело пережили эту утрату. За время работы с Комаровым прониклись к нему глубоким уважением как к инженеру и как к человеку.

А.И. и В.Д. работали в одну копилку, совершенствовали мастерство летного состава, следили за повышением технических достоинств ЗРВ и РТВ. Расследование летных ЧП — катастроф, аварий, поломок обычно поручали В.Д. Он хорошо знал технику и психологию летчика. Въедливо обследовал место ЧП, обломки самолета, радиопереговоры. Умел анализировать и делать правильные выводы. Тщательно разбирался с подготовкой к полету, заданием и проверкой техники. Большое внимание уделял разбору поведения руководителя полета. Все это делалось не для того, чтобы обвинить и наказать кого-то, а чтобы учесть недоработки и предотвратить повторение ошибок. Но, к сожа-

*В. Д. Лавриненков и космонавт
В. Комаров среди офицеров 8-й
армии ПВО*

лению, возникали новые, совсем неожиданные. Большое внимание уделял человеческому фактору. Летчик — человек, и у него могут быть свои слабости.

В.Д. был очень своеобразен и интересен в расследовании катастрофы летчика — хорошего летчика, не новичка. В.Д. всегда был в курсе всех полетов в армии. Всегда докладывали начальнику авиации, а он, соответственно, В.Д.

Часов в 11 В.Д. позвонил мне с работы, сказал, что катастрофа, и он улетает. Прислал водителя, я передала традиционный комплект командировочного — бритву, мыло, зубную щетку, тапочки, пижаму. В.Д. позвонил еще раз и говорит: «Ты представляешь, фамилия летчика — Лавриненко. Отличный летчик-перехватчик. Наверное, техника подвела». Через несколько дней вернулся усталый, круги под глазами. Я старалась никогда сразу не расспрашивать. Знала, что отойдет и сам расскажет. Так оно и случилось.

Были, как всегда, очередные тренировочные полеты. В зоне полета майор Лавриненко стал пилотировать. Потом спокойным голосом передал руководителю полета, что машина не выходит из виража. Ему дали команду катапультироваться, но он решил еще раз попробовать и передал это на землю. Сделать ничего не удалось. Он катапультировался, но поздно, высота была маленькая, и парашют не успел раскрыться. До приезда В.Д. на месте катастрофы ничего не трогали. От удара о землю самолет разлетелся на куски. Собрали все остатки самолета. Осматривали, ощупывали закрылки, элероны, бустера, тросы. Нет признаков того, что заклинило управление. В.Д. рассказывал, волновался. Говорит: «Думаю, в чем загадка? Так просто люди не погибают».

У нас в гостях космонавт П. Попович

Ходил вокруг остатков самолета, еще и еще осматривал их. Увидел на дереве клочок бумаги. Попросил одного из солдат снять его. Солдат быстро взобрался на дерево и принес помятую страницу из какой-то книги. Совсем не понятно, почему она высоко на дереве. Развернули солдат цепью, и они пошли по месту падения самолета и нашли еще несколько таких же клочков от страничек. А один из офицеров, отошедший подальше, наткнулся на совершенно растрепанную книгу. Я полистал ее, вроде бы о Рихарде Зорге, и клочки явно оттуда. Осмотрел эту растрепанную книгу и обнаружил на бумаге сильные потертости. Поехали в гарнизон обедать. Книга и клочки из нее у меня. Кушаю, а в голове все время одна мысль, что же явилось причиной катастрофы. И вдруг как-то сам собой вырвался вопрос: «Лавриненко любил читать?» Замполит ответил, что тот не расставался с книгой. Все новинки в библиотеке попадали к нему почти первому. Попросил в библиотеке узнать, что он брал в последний раз. Через минут 10 сообщили, что повесть о Рихарде Зорге. Все, глядя на меня, удивлялись, почему допытываюсь так тщательно. А я чувствую, что есть какая-то связь, а нащупать не могу.

Пригласил техника, который обслуживал самолет Лавриненко, спросил, чем занимался твой командир перед вылетом, а он ответил, что читал какую-то книгу. Спросил, куда он ее дел. Техник ответил, что вложил в наколенный карман комбинезона. Я поехал на аэродром, сел в кабину точно такого же самолета в аналогичном комбинезоне, в такой же карман вложил книгу. Я двигал руками и ногами рули управления и следил, как потихоньку из кармана выползала книга и выпала на пол кабины. Якобы не замечая, я ногой подтолкнул ее к штурвалу, книга снова поползла, пока не заклинила его. Вывод: отличный летчик погиб из-за собственной небрежности». Летчик должен занимать место в кабине, лишь убедившись, что в его карманах абсолютно ничего нет. Если в сумке для инструментов у техника самолета отсутствует отвертка, ключ или еще что-нибудь, то вылет отменяется. Вдруг техник по небрежности оставил что-нибудь в моторе самолета. Этот приказ из тех, которые никогда не отменяются и не теряют своей силы, так как цель его — гарантировать жизнь летчика. Много разговоров было по поводу этого расследования и приказа, который стал приказом для авиации всей страны.

Разборы учений проходили интересно. Армия была передовой в войсках ПВО. Из Москвы часто приезжали комиссии, а если, не дай Бог, авиационное ЧП, то и числа им не счесть.

Приезжали из штаба Главкома, из конструкторского бюро, с завода. Всем хотелось свалить на плохую подготовку летчиков, на руководителя полета, на метеослужбу, а не на заводской дефект или просто устаревшую технику. В.Д. стойко и аргументированно защищал честь армии.

А дисциплинарные ЧП разбирал генерал Г.П. Данин, отвечающий за моральное и политическое состояние солдат. В обиду солдат не давал, да и дедовщины тогда, пожалуй, не было. Я даже это слово раньше не слышала.

В командировки В.Д. ездил обычно с группой инспекторов. А.И. руководил в основном в Киеве, решал вопросы с Главкомом и начштабом ПВО, находившимися в Москве и дающими все новые «указания». А В.Д. мотался по частям. Пространство

большое — Украина и Молдавия. Армия была больше Киевского округа и по территории и по численности. Прикрывала Киевский округ, Закарпатский, Одесский и Черноморский флот. Так что побывал он везде. Все командировки самолетом. Если погода плохая, а он должен прилететь, — волнуясь. Еле себя сдерживала, чтобы не позвонить на КП оперативному дежурному. Летчики в транспортной эскадрилье во главе с П.А. Захаровым классные, но... Пока не сядет, места себе не нахожу. Дежурные офицеры на КП, зная, что Маша и я волнуемся, звонили и говорили, что на подходе или уже сели. Спасибо им всем за это.

Сыновья наши подружились. Саша Покрышкин был младше моего Петра на один год и учился в другой школе. Во дворе нашего дома, где они раньше жили, у Саши было много друзей, и они стали друзьями моего сына. Команда была хорошая. Кончился очередной учебный год, и мальчишки отметили его залпами шампанского и приличной закуской.

Мария Кузьминична была после болезни, и А.И., взяв отпуск, собирался лететь всей семьей в Евпаторию в наш военный санаторий. Решили и меня с детьми прихватить на несколько дней. У нас не было путевок, и мы должны были жить в маленькой гостинице на набережной. Это была квартира, приспособленная под гостиницу — две небольшие комнатки, а третья большущая. Помещение принадлежало не городу, а тылу армии ПВО и предназначалось для размещения командированных в основном из Москвы. Они в летнее время очень любили командировки в Крым. Я даже по этому поводу частушки написала:

*Из Москвы летят и едут
Море Черно проверять,
Проведут одну беседу —
И скорей идут нырять.*

Когда командировочных не было, гостиницу использовали как профилакторий для летчиков.

Мне с детьми на несколько дней по решению А.И. была выделена маленькая комната с четырьмя кроватями. Вылетели в понедельник, а в четверг туда же должен был прилететь В.Д. для поездки по дивизионам. Так что четвертая кровать предназначалась ему, чтобы побыл с нами в воскресенье, а в понедельник улетел дальше.

В.Д. не провожал нас на аэродром. Я приехала с детьми, а А.И. со всей семьей. Командир экипажа полковник Захаров — летчик первого класса. Он доложил А.И., что самолет готов к вылету. Накрапывал небольшой дождик. Все небо заволокли тучи. А.И. спросил метеосводку, Захаров доложил, что навстречу друг другу идут два грозовых фронта, но мы успеваем проскочить. Да и столкнуться они должны севернее нашего маршрута. А.И. принял решение лететь. Самолет ЛИ-2 (ТУ-124 тогда еще не было). Самолет был как бы разделен на две половины. От кабины летчиков до середины, как говорится, первый класс — кушетка, на которую уложили М.К. (она была еще слаба после болезни), и четыре кресла возле нее. А.И. сидел с дочерью Светланой, а я с Оленькой. Так что мы сидели за столиком напротив друг друга. А за моей спиной еще два кресла, там сидели Петя и Саша. После гулянья они решили подремать. Сначала все было нормально. Тучи были не очень свирепые, продолжался небольшой дождь. Струйки воды как-то очень красиво скатывались с крыла самолета. Шли на высоте до полутора тысяч метров. Я задремала. Почувствовала, что нас сильно бросает, проснулась.

Оленька сидела, прижавшись ко мне, а тучи все темнее и темнее. Потом вижу, что-то сверкнуло в небе. А.И. поглядывает на часы. Минут через 20 стало совсем страшно. За иллюминатором свинцовые тучи громоздились друг на друга, бурлило, как в котле. Со всех сторон сверкали молнии, да такие, каких я, кажется, на земле не видела. И ощущение, что каждая норовит попасть в самолет.

Вдруг так тряхнуло, что Маша упала с кушетки, мальчишки проснулись и вцепились в ручки кресел. А.И. сидел молча. Нас швыряло воздушными потоками из стороны в сторону, сверху вниз. Машенька говорит: «Саш, зайди к Захарову, узнай, как дела». А.И. помолчал, а потом сказал: «Они тоже жить хотят и знают, что делают». И не пошел, но положение было в полном смысле критическое. Спуститься ниже нельзя, не знают, какая высота облачности. Тем паче, что летим над Цимлянским водохранилищем, а воздушные потоки там ой-ой-ой, каждая минута над водой более опасна для самолета. Подняться вверх тоже

невозможно. Попали в стык двух грозовых фронтов, которые встретили раньше, чем было предсказано...

По лицу А.И. вижу, что он понимает всю опасность положения. И тут молния, казалось, совсем рядом, осветила все. Светлана закричала: «Папочка, я жить хочу». Вцепилась в него руками и вся в слезах повторяла: «Я жить хочу». Он гладил ее по голове и говорил, что скоро вырвемся из эпицентра грозы. Мальчишкам после вчерашней объедаловки стало плохо. При очередной вспышке молнии Оленька еще крепче прижалась ко мне, ее щечки от волнения горели. Я сказала: «Не бойся, это быстро закончится». Нам, к счастью, все-таки удалось вырваться из этого ада. Когда сели на аэродроме Бельбек, нас встретил командир дивизии Селиванов, бледный и, как мне показалось, еще более седой. Он все время вел переговоры с командиром корабля, так что был в курсе дела. А.И. поздоровался, принял рапорт, а потом, садясь в машину, пробурчал: «Передай этим ветродуям (то есть метеорологам), чтобы более тщательно изучали перемещение воздушных потоков».

Саша-младший, подойдя к сестре, ехидно сказал: «А еще дочь Трижды Героя!». Моя доченька смотрела на меня с укором и сказала мне слова, которые я запомнила на всю жизнь: «Мам, ты ничего умнее не могла придумать?». Я много думала над ее реакцией и словами.

Я человек, может быть, слишком реальный. Но, наверное, она была права. Присюсюкивать не надо, но вселять надежду надо всегда, ведь она умирает последней. Я вспомнила, что когда-то читала поэму. Содержание ее таково. Молодой итальянец знатного рода борется за независимость своей родины. Он арестован, сидит в тюрьме и приговорен к смертной казни. Но он хочет жить и просит мать, чтобы она добилась для него помилования. Мать пообещала и сказала, что, если в момент, когда его поведают на эшафот, на ней будет белая одежда, то перед самой казнью его помилуют.

Ей отказали в помиловании, но в день казни она стояла возле эшафота в белой одежде. Когда привезли осужденного и он увидел мать, то она улыбалась. И он гордо сошел с повозки смертника, взошел на эшафот, склонил голову под топор палача, ожидая

минуты, когда тот отведет от него топор. Но этого не произошло — топор отсек прекрасную молодую голову, и она скатилась к ногам потерявшей сознание матери.

Так лгать могла лишь мать, боясь, чтобы сын не струсил перед казнью. Вера и надежда всегда должны быть с нами.

Сколько лет прошло, а я помню этот полет. Мне пришлось несколько раз попадать в подобные переделки, но эта была самая страшная. Но несмотря на это, летала, летала и летала.

Если В.Д. отправлялся в командировку один или с небольшой группой офицеров и была возможность, я летела. Ну а о командировках в Москву и говорить нечего — там ведь мои родители. Если летом — нагружалась овощами и фруктами, если зимой — салом, картошкой и моей консервацией. Так что я даже как-то отвыкла от поезда. Руководство армии летало в командировки в основном только самолетом. Времени на поезд никогда не было.

Территория большая, в штабе армии работы по горло — то подготовка к учениям, то их разборка, то ЧП и их расследования, приезды всяческих комиссий. Да и общественные дела, и дома с семьей побывать хотели.

В.Д. очень любил Владимирскую горку, и так как мы жили практически прямо на ней, то по вечерам, когда была возможность, ходили гулять и посидеть в беседке над самым Днепром — воздух чудесный и обзор великолепный. Красота Киева удивляла и восхищала: сказочные окрестности — леса, луга, речушки, несущие свои воды в Днепр. Правда, Киевское море изменило погоду в Киевской области. Многие роскошные луга были затоплены. Оправдало ли это себя? Видимо, не очень. А денег потрачено очень, очень много.

Места, где партизанил В.Д. и где был похоронен Виктор Карюкин (это район деревни Комаровка) были затоплены, так как тогда создавали «рукотворное» Киевское море. Могила Карюкина была перенесена в Хоцки, что в районе Переяслава-Хмельницкого. Е.Д. Ломако — комиссар отряда держал нас в курсе жизни всех бывших партизан. Двери его дома были всегда открыты для всех, кто приезжал в Киев. Удалось помочь с

квартирой для партизана Васи Яковенко, который с 15 лет в отряде Ломако был связным партизан с подпольем в городе. В.Д. все просил Ломако поехать в Хоцки, где похоронен Карюкин, что мы и сделали. В одно из воскресений поехали с цетами на могилу Виктора. Могила была в порядке. В те времена школьники трогательно ухаживали за могилами солдат и партизан. А в отношении деда Шевченко он ничего сказать В.Д. не мог. Где его искать, неизвестно.

Но однажды В.Д. звонит мне днем с работы, спрашивает: «Мам, ты сидишь или стоишь?». Я отвечаю ему, что стою. А он говорит: «Сядь, дед нашелся. Готовь кушать». Я на кухне что могла, скорее сделала. Конечно, картошка, селедочка, сало, овощи. Мясо поджарила, консервы, что были, открыла — на столе есть все, что надо для приема дорогого гостя.

Часа через два приехали. В.Д. радостный и несколько возбужденный, а дед Иван радостный и несколько смущенный вниманием, которое ему оказали в штабе. Усадила их за стол, и начались разговоры, воспоминания. Баба Татьяна, жена Ивана Степановича, тоже жива, передавала привет, переживала, что Иван Степанович не найдет В.Д., волновалась, как его примут. А ее младшая сестра баба Оля, боевая, даже с ним ехать хотела.

Рассказал дед, как он узнал, что В.Д. в Киеве. Была двадцатая годовщина освобождения Украины, и В.Д. выступал по телевидению. Рассказывал, как воевал, как попал в плен, бежал, как его и Виктора Карюкина в районе Переяслава-Хмельницкого прятала семья деда Ивана Шевченко. Сказал, что благодарен ему, и если кто знает о его судьбе, пусть сообщит в штаб округа.

У деда телевизора не было, но деревенские мальчишки смотрели передачу в сельсовете. Они слышали, что дед в войну какого-то летчика прятал. Прибежали к нему и говорят: «Дед Иван, тебя твой летчик ищет». Вот дед и поехал в Киев.

В.Д. помыл его в ванной, побрил, расспросил, чем помочь. Дед попросил помочь с пенсией и заказать для него очки. А потом подумал и еще попросил купить большой котел, чтобы замазать его в плиту. Когда В.Д. спросил, зачем ему это, дед, запинаясь, сказал, чтобы скотине корм варить.

На следующий день деда свозили к окулисту и срочно сделали две пары очков. Накупили продуктов, главное — селедку. А котла не нашли. Через день шофер на ЗИМе отвез деда в деревню. В.Д. поехать не смог, уезжал в очередную командировку. Шофер рассказывал, что вся деревня сбегалась смотреть, как дед Иван приехал на ЗИМе. С пенсией В.Д. удалось помочь Ивану Степановичу довольно быстро, а вот с котлом пришлось повозиться, пока нашли. В разговоре с комиссаром Ломако, который уже знал, что дед объявился, В.Д. спросил, для чего такой большой котел. А Ломако, рассмеявшись, ответил: «Неужели не понял — самогон из сахарной свеклы варить. Ведь жить-то не на что, а на самогон всегда есть спрос».

Через несколько недель дед приехал в Киев с бабой Татьяной и с ее боевой сестрой Ольгой. Обоих сводили к окулисту и заказали очки. Баба Оля просила за племянника, чтоб его устроили в училище, да еще чуть ли не за подберезки. Дед ворчал, говорил, что не хотел брать ее с собой, смешная она и болтливая. Повозили их по Киеву, купили что надо и так же на ЗИМе отправили домой. Баба Оля была в восторге, чувствовала себя в деревне героиней большей, чем Иван Степанович. Но проблема котла так и не была решена. Посоветовали поспрашивать на Подоле на Житнем рынке. Повезло, сказали, что достать можно, готовы те, мол, деньги. Деньги приготовили, и вот котел в багажнике ЗИМа, куда он не поместился и торчал. Приехали в гараж. Все, естественно, удивлялись, зачем генералу такой котел.

Водитель таинственно молчал и улыбался. Котел пару ночей переночевал в военном гараже, а в субботу рано утром был запланирован марш-бросок к деду в деревню. «Партизанский десант», конечно, на ЗИМе с котлом, привязанным в багажнике, но все же здорово тарыхтящим. В операции участвовали трое: комиссар Ломако, разведчик Вася Яковенко и летчик-пулеметчик — мой супруг.

Восторгу деда и бабы не было предела. Приехали, вытащили котел и сразу взялись за дело. Котел вмазали в печь, а Иван Степанович с бабой Татьяной занялись приготовлением содержимого для опробования агрегата. «Партизанский десант» продержался в деревне более двух суток. Сделали все — и установили, и опробовали. Все на «отлично».

*С И.С. Шевченко, который прятал у себя на огороде в деревне Комаровка
Переяслав-Хмельницкого района Киевской области
В. Д. Лавриненкова и В. Карюкина*

Дед Иван то ли от радости, то ли от самогона захмелел и даже песни стал петь. А ведь давно не пел, с тех пор, как сын погиб. «Теперь, — говорит, — жить можно. Пенсию дали, и самогон поможет. Из города приезжают на отдых, на охоту, на рыбалку и всегда им заправки не хватает, а у меня теперь есть, пожалуйста. Им хорошо и мне для житья лучше».

Оценку перваку дали отличную. Сидели и вспоминали прошлое — и забавное, и героическое, и грустное. Дед и баба вспоминали погибшего сына, а В.Д. рассказывал о том, как погиб Виктор Карюкин, с которым он бежал из плена и которого дед Иван тоже знал. Весело вспоминали разведчика Алексея Крячка, который из-под носа у немцев угнал баржу с зерном.

Когда в отряде его расспрашивали, как это получилось, сказал, что они с ребятами несколько дней присматривались к этой барже. Все тихо, спокойно. Немцы расслабились. Крячек со своими

ребятами-разведчиками, выпив по стаканчику самогона, решили, что это наш хлеб и надо его отдать нашим людям и партизанам. Ночью быстро разделались с двумя охранниками. Утром над рекой стоял туман, а когда он рассеялся, баржи не было.

Потом вспоминали бой в Хоцках. Это район Букринского плацдарма. Наши войска уже подошли к Днепру, но форсировали Днепр в районе Лютетежа, а в Хоцках были отвлекающие бои. Отряд получил задание напасть на немецкую казарму и сделать много шума, что и сделали — сняли часовых, забросали казарму гранатами. Немцы выпрыгивали из окон в нижнем белье, а кто успел, накинув на белье шинель. В.Д. был за пулеметом. Один из немцев с перепугу наскочил на него. В.Д. схватил его за шинель и сильным ударом кулака по голове старался сбить с ног. А кулак у В.Д. был о-го-го! Темно, немец как бы обмяк. В.Д. обеими руками обхватил тело, но в руках осталась лишь шинель, которая была накинута, а немец в одном белье вывернулся из шинели и бегом в кустарник. Там его и настигла пуля.

Шинель была почти новая. После соединения партизанского отряда с нашими частями В.Д. в этой шинели явился в свой полк. Все смеялись над его трофеем и шутя называли эрзац-фриц.

С дедом Иваном и бабой Татьяной

Вспоминали Роберта Кляйна, немца по национальности. Он был директором МТС. Когда пришли немцы, он сотрудничал с ними, но указания убрать его не было. При подходе наших частей Кляйн сумел все «ходячие» машины перегнать партизанам. В отряде был мало, держался особняком. Кем он был на самом деле, так тогда и не поняли и всю его подноготную толком не знали. Но уже после войны, с подачи Хрущева, когда тот был еще в Киеве, Кляйну присвоили звание Героя Советского Союза. Жил он в Орле, как-то обособленно, с партизанами связь не поддерживал. И только в конце семидесятых годов приезжал в Киев. Ломако, В.Д. и еще несколько партизан ездили в Переяслав-Хмельницкий. Не все партизаны хотели видеть Кляйна, многие не понимали его роли, которую и мы до конца не узнали.

В.Д. за небольшой период пребывания в отряде, особенно за последний бой, получил партизанскую медаль, которая была ему очень дорога. Во время нашего уже третьего приезда в Киев — приезда навсегда, когда В.Д. стал командующим армией, он вместе с военным журналистом Н.И. Беловолом написал несколько книг. Люди читали их с удовольствием. Одна из книг о партизанском подполье в районе Переяслава-Хмельницкого называлась «Дед Василь». А эпопея с котлом для деда Ивана Шевченко описана в книге «Без войны».

В Киеве в семидесятых годах уже были консульства стран — участников Варшавского договора. На свои национальные праздники и день Армии они устраивали приемы. Часто приглашали В.Д. со мной вместе. В.Д. был интересен им как Дважды Герой минувшей войны, в судьбе которого сплелись плен, побег, партизанский отряд и боевое сотрудничество с полком «Нормандия — Неман». Но В.Д. привлекал их не только этим. Он нравился человеческой простотой, доступностью и своими твердыми жизненными и государственными позициями.

Как-то на одном из приемов в консульстве Болгарии, где я была без В.Д. (он уехал в командировку), ко мне подошли чешский и немецкий консулы и стали расспрашивать о деде Иване. А потом, смущаясь, спросили, правда ли, что В.Д. привез деду Ивану котел, вместе с друзьями вмазали его в печь, а потом опробовали

В. Д. Лавриненков с соавтором военным журналистом Н. Н. Беловолом

продукцию. Чуть в стороне стояли консул Болгарии Евтимов и представитель по Варшавскому договору генерал Шиновский, который посмеивался в свои роскошные усы. Он уже прочитал книгу В.Д. и рассказал об этом эпизоде сотрудникам нескольких консульств, но ему не поверили. И вот два самых смелых дипломата решили спросить у меня, я, смеясь, факт подтвердила и раздался дружный хохот. А Шиновский торжествовал: «Я ведь вам говорил».

Жизнь в Киеве все время преподносила сюрпризы — встречи со старыми друзьями и дружбу с новыми. Через Героя Советского Союза летчика Василия Бондаренко, который одно время был в полку с В.Д., вышли на след семьи Шестакова. И вскоре у нас в доме появился Лев Шестаков-младший в трудный для него период жизни. Он кончил училище, был отличным пилотом, а тут Хрущев решил сокращать армию. Да как-то не совсем разумно и правильно сделал это. Пошли выступления, статьи в газетах, что, мол, полковники в каракулевых папахах ходят, что

армия вроде бы паразит на теле государства. На улице неоднократно были случаи унижения старых фронтовых командиров в звании полковника: «Надел каракулевую папаху и ничего не делает». А так ли это было? Люди прошли войну и заслужили и свое звание, и эту папаху. У многих из них, кроме ран и этих пресловутых папах, ничего за душой не было.

Лев-младший не хотел и душой не мог оставить авиацию, оставить небо. Решил прибиться в ГВФ, но таких желающих было много, а мест мало. И Лева пришел к В.Д. с просьбой помочь ему быть призванным в армию, идти по стопам отца и быть военным летчиком было мечтой его жизни. В.Д. поставил задачу офицеру-кадровику узнать, существует ли хоть какая-нибудь возможность призвать сына Шестакова в армию. Если да, то как это сделать. Оказалось, что надо было собрать множество документов и справок. Лева занялся этим, хотя почти не верил в положительный исход дела. Он продолжал работать и учиться гражданской профессии.

Но В.Д. все-таки удалось добиться приказа министра обороны о зачислении Льва на действительную службу. Его назначили в Киевский военный округ. Радости Левы не было предела. Александр Иванович, который был верен фронтовой дружбе и помогал В.Д. в восстановлении Шестакова как военного летчика, потирал руки, узнав о приказе министра обороны. У А.И. и В.Д. всегда были открыты двери и сердца для людей, а для друзей — тем более.

В.Д. и А.И. часто вспоминали фронтовые годы. Вспоминали полк «Нормандия — Неман» и его командира Луи Дельфино. Летчики полка «Нормандия — Неман» знали А.И., ценили и уважали его как пилота и как человека.

Приблизительно в 1965 году А.И. был в составе Правительственной делегации, посетившей Францию. Им организовали встречу с французскими летчиками, в том числе с Дельфино. Луи еще немного помнил русский язык. Один из первых его вопросов: «А где Володя?». А.И. воскликнул: «Как где, в Киеве работает моим заместителем». Дельфино разволновался, сорвал со своей шеи элегантный шарф и просил передать его В.Д.. Сказал,

что он несколько раз обращался к командованию в Москве, прося о встрече с Лавриненковым, но ему отвечали, что тот где-то на Дальнем Востоке, а мы в это время были или в Москве, или в Киеве. Когда А.И. вернулся и рассказал об этом, В.Д. тоже разволновался, даже глаза стали влажными. Сказал: «Это СМЕРШ — паразиты, вечно им шпионы мерещатся».

А через некоторое время было перезахоронение на Введенском кладбище в Москве двух французских летчиков, погибших в районе Орла. Одним из них был Жан Тиян, первый командир полка «Нормандия — Неман». Дельфино должен был присутствовать на этой церемонии. Он обратился в Москву и буквально потребовал обеспечить встречу с Лавриненковым. И началось. Расспрашивали В.Д. с пристрастием, почему Дельфино так настаивал на встрече с ним, что он уже обращался с этой просьбой не раз. Сказали, что при занимаемой В.Д. должности контакты с иностранцами нежелательны. В.Д. с озорной шуткой ответил: «А вы что, не знаете, что я давно завербован?». А потом пристыдил их, сказав: «Вам, видимо, неизвестно, что фронтовая дружба не имеет границ и условностей». С грехом пополам дали разрешение ехать в Москву на встречу с Дельфино. Мы с Машенькой Покрышкиной бросились покупать сувениры. Хотелось, чтоб они были теплые, душевные, украинские.

Приехали в Москву, а встречаться не разрешили. Все по протоколу — каждому свое место. Луи начал нервничать, что В.Д. опять нет, но ему сказали, что встреча состоится. Пойти в Большой театр тоже не разрешили. Было несколько встреч. Основная — на Кропоткинской набережной, 29 у военного атташе. В этом здании в годы войны размещалась миссия генерала Пети. Сорок шесть имен французских летчиков выбито на мемориальной доске у входа в здание. Казалось, что и они пришли приветствовать своего бывшего командира, а теперь генерала армии Луи Дельфино. Луи старательно вспоминал русские слова и, коверкая их, говорил. Их встреча была очень волнительная. Он сказал: «Мы военные люди, я все понимаю, Володя, почему нам не разрешили встретиться? Давай говорить только о нашей фронтовой дружбе». Дельфино расспрашивал, кто из летчиков жив,

особенно про Амет-Хана. Его друг Франсуа де Жофр просил передать ему привет. Спрашивал о своей симпатии Тосе, которая потом стала женой штурмана Грачева. В составе французской делегации был маркиз Ролан де ля Пуап. Во время войны он был в числе первых пятнадцати французских летчиков, приехавших из Северной Африки с базы Раяк. Прекрасный летчик, он был одним из четырех французских пилотов, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Маркиз подарил мне красивую брошь, я храню ее так же, как шарф Дельфино, и бронзовую сигаретницу, которую привез в подарок В.Д.

Провожать их также не разрешили. Дельфино печально пожимал плечами, но ничего не говорил.

Потом изредка обменивались письмами, но через тщательную цензуру. В 1968 году Дельфино не стало. Общество ветеранов полка «Нормандия – Неман» возглавил генерал Пьер Пуяд.

Командир полка «Нормандия – Неман» генерал Луи Дельфино, с которым В. Д. Лавриненкова связывала большая дружба, во время своего приезда в Москву

С семьей Покрышкиных связаны многие наши воспоминания. А.И. вместе с писателем Анатолием Хорунжим написали книгу о боевых днях минувшей войны. Он заставил и В.Д. тоже взяться за перо. «У тебя такая интересная жизнь, — говорил он, — пиши, а то через несколько десятков лет многие будут думать, что это фантазия». Как он был прав! Теперь не все знают имена таких героев, как Покрышкин и Кожедуб. Многие считают, что это Советский Союз напал на Германию, что войну в основном выиграла Америка, а Советский Союз между прочим. Спасибо А.И.! Первая книга В.Д. получила высокую оценку у фронтовиков и, что очень ценно, у молодого поколения. А после встречи

с Дельфино я почувствовала, что эта встреча глубоко запала в душу и, видимо, выльется на бумагу. В.Д. все «обдумлял», как говорила наша тетя Маша.

Круг интересов А.И. был широким. От техники, авиации, космоса, государственных вопросов до живописи, литературы и театрального искусства. Его дочь Светлана училась в Художественном институте на искусствоведческом факультете. Ректор института, прекрасный художник Юлий Ятченко стал близким другом их семьи и нашей. С гордостью за Юлика, так мы все его ласково называли, А.И. показывал журнал «Огонек», где была репродукция картины Ятченко «Спасение Дрезденской галереи». Наши солдаты где-то в сыром подzemелье обнаружили картины, наспех прикрытые рогожей. Ятченко отобразил момент, когда перед солдатами прошедшими все ужасы войны, предстала «Сикстинская мадонна». Лица солдат выражали удивление, восхищение, благоговение. Картина обошла многие музеи нашей страны и зарубежья.

Дружба А.И. с актером Бабочкиным, исполнителем роли Чапаева, и его супругой началась в Москве еще в бытность его слушателем Академии имени Фрунзе. Когда они приезжали в Киев, всегда заходили проведать А.И. и Машеньку. В числе друзей был и знаменитый актер Михаил Жаров.

Как-то летом В.Д. прилетел из командировки из Крыма. Вместе с ним его старый друг генерал Аксиньюшкин, который в период первого послевоенного командования В.Д. в Ростове был начальником штаба дивизии. Аксиньюшкин вышел в отставку и жил с семьей в Евпатории. Работал в каком-то большом рыболовецком совхозе заместителем председателя по хозяйственной части и по совместительству был партгоргом. Привез мне подарок, тоже, разумеется, рыбацкий — килограмм десять изумительной рыбки барабульки. Говорили, что это любимая рыбка Никиты Сергеевича.

Я скорее на кухню. Почистила, обжарила в большущей чугунной сковородке в два слоя, благо сковорода глубокая. Лук нарезала кружочками и укроп сверху на барабульку. Все это залила майонезом и немного сметаной. Поставила в духовку, а минут через десять много тертого сыра сверху и опять в духовку. А

тут Машенька звонит: «Дунь, приходите с Володей к нам. Чапай приехал с Жаровым». Я извинилась, сказала, что с удовольствием бы, но Володя приехал с товарищем, поэтому не сможем. Только хотела нести свою коронную еду — барабульку, звонок в двери. Открываю и хорошо, что в руках у меня ничего не было, а то бы выронила. Стоит Меньшиков — Жаров с плутовской, подвыпившей физиономией и говорит: «Принимай, молодица, гостя». А где хозяин?». В.Д. услышал, что его спрашивает знакомый голос, и вышел в коридор. С Жаровым его Покрышкин познакомил еще в Москве. Шум, смех. Жаров спрашивает: «А где А.И.?». Мы ответили, что у себя дома. «А куда я попал? Ведь это же его квартира?». — «Была», — ответил В.Д., улыбаясь и усаживая Жарова за стол. Актер забыл, что Покрышкины переехали. Он ночевал у своих друзей и договорился с Бабочкиным встретиться у А.И., ну и забрел по старому адресу.

Пока мужчины выясняли ситуацию, я внесла барабульку. Маша, как чувствовала, что «истинно христианская душа» Жаров мог попасть к нам. Звонит. Я говорю: «Он здесь, не беспо-

А. И. Покрышкин, В. Д. Лавриненков и художник Ю. Ятченко

койтесь». Дала Жарову трубку, а он ей: «Пока барабульку не съем, не уйду, мне и здесь хорошо!».

Часа через полтора В.Д., Аксиныюшкин, Жаров и я с барабулькой были у Покрышкиных.

На следующий день, в воскресенье, Жаров и Бабочкин были гостями на Киевском телевидении. Жаров в лицах описал это происшествие, а Бабочкин сидел и ухмылялся. Мои дети от Жарова были в восторге. Оленька перешла уже в восьмой класс, а Петр готовился к поступлению в ГВФ. Мы не знали, что это наше последнее лето в Киеве.

В сентябре у В.Д. был отпуск. Мы поехали в Сочи в наш любимый военный санаторий имени Яна Фабрициуса. Мало кто теперь знает это имя. Он был из гвардии латышских стрелков, пользовался большим уважением. Погиб в авиационной катастрофе, когда летел на транспортном самолете. Самолет упал в море недалеко от берега. Подоспевший катер принимал из рук Фабрициуса женщин и детей, находившихся в самолете. Он всех спас, но сам погиб.

Любили мы этот санаторий не только за море, солнце, хорошие условия, но и за то, что здесь всегда отдыхали многие сослуживцы и фронтовые друзья В.Д., разъехавшиеся по необъятным просторам нашей Родины. Куда только не бросало нашу военную братию. И жены не ныли.

*Было все: и гарнизоны
Без воды и без тепла.
Ведь не просто на погоны
Прибавляется звезда.
Но всегда поддержкой мужу
Верной были мы в пути.
В бури, грозы, пекло, стужу,
Не задумываясь, шли.*

Женщины рассказывали о тех местах, где живут и как живут. Кое-кто привык, а кое-кто все вздыхал по Москве, Киеву, Ленинграду. А мужчины? Им работа важнее всего. Спорили, обсуждали приказы начальства. Говорили о новой технике и новых самолетах. Танкисты, авиаторы, моряки, артиллеристы

— все знали слабые места армии и хотели, и верили, что это все можно преодолеть. Острым был вопрос о пролетах самолетов других держав через нашу границу и угон самолетов. А ведь вины ПВО в этом практически не было. Локаторы войск ПВО в то время не могли засечь самолет, летящий на небольшой высоте. Локатор не брал его. В Москве у министра обороны было совещание по этому вопросу. В.Д., разгорячившись, с азартом сказал: «Дайте мне две недели на подготовку, и я улечу. Вы меня не засечете. Только верните назад». Разобрал смех, а Главком нахмурил брови. Сам понимал несовершенство техники.

Там, в Сочи, мы познакомились с очень приятной парой Региной и Михаилом Каснерик. Они были из Белорусского округа. Михаил — летчик-истребитель. Регина много рассказывала мне о Минске, в котором я жила с родителями в 1935 — 1937 годах. Я пыталась ей объяснить, где мы жили, но там все так изменилось, особенно после разрушительной войны. Так что понять друг друга мы не смогли. Каснерик шутя сказал: «Вот приедете к нам в гости в Минск, тогда и найдем место, где вы жили».

Сказал шутя, а все сбылось. И приехали мы не в гости, а по службе В.Д. на несколько лет. Сразу после Нового года В.Д. уехал в Минск и принял вторую отдельную армию ПВО. А у меня опять волнения — сборы и учеба детей. Оленьке остался год до окончания музыкальной школы. Петр поступил на первый курс ГВФ, но не очень хотел оставаться в Киеве один. Да и инженерный факультет был ему не очень по душе. Парень красивый, девчата его одолевали. Ну и все друзья считали, что он должен быть военным. Мы ему предоставили право выбора, и он решил оставить ГВФ и в Минске поступить на второй курс Минского зенитно-ракетного училища. А чтобы год не пропал даром, ему пришлось как следует поработать и досдать некоторые предметы за первый курс училища.

Новый год встретили у А.И. нашим коллективом. Начальник штаба П.Т. Андрущенко задумчиво сказал: «У нас дважды первое место, никого не боялся, а теперь вторую армию буду бояться». Он оказался прав. К концу следующего года на подведении итогов в Москве вторая армия с пятого места вышла на второе и приблизилась вплотную к восьмой.

Мне тяжело было расставаться с друзьями, с нашим дружным армейским коллективом. Опять расставание с Паторжинскими, с моей приятельницей Татьяной Васильевой, с семьей Мартыновых, с партизанами. Я уж не говорю о Машеньке Покрышкиной, с которой столько связано и пережито. Мы как-то чувствовали и понимали друг друга. Никогда не забуду день похорон Джона Кеннеди. Машенька была у нас дома, и мы обе молча не отрывались от телевизора. За гробом Кеннеди шла Жаклин, очаровательная хрупкая женщина. Шла гордо, с достоинством, ведя за руки детей. Мы с Машей еле сдерживали слезы. А Маша сказала: «Посмотри, как она держится, сколько силы воли и достоинства в том, как она идет». Когда хоронили А.И., я вспомнила это. Скорбь Марии Покрышкиной была гордой и достойной А.И. А потом и я пережила все то же.

*Ты прости мне, моя дорогая,
Что тебе я нечасто пишу.
Но открытая рана, зияя,
Растревожит и гушу твою.
И вечерней порой, иль ночью
Остаемся один на один
Со своей обнищавшей душою
Необъятною грустью грустим.
Но держаться нам надо, родная,
Чтоб беречь честь семьи и мужей,
Видно, долюшка наша такая —
Потерять дорогих нам людей, —*

писала я Машеньке в одном из своих писем. Обе мы «как голубки, что потеряли своих голубей».

А.И. стал побаливать, да и Машенька была не из крепких. Она была очень рада намечавшемуся переводу в Москву. Там было много старых фронтовых друзей, да и медицина, как она говорила, более солидная, тем паче, что они были прикреплены к Кремлевской больнице. В конце года они уехали в Москву. А.И. был назначен заместителем Главкома по учебной части, а через несколько лет получил звание Маршала авиации и был назначен председателем комитета ДОСААФ Советского Союза. Лучшей кандидатуры и быть не могло.

В.Д. с середины января уже в Минске. Мы не привыкли долго расставаться, и к 23 февраля я поехала в Минск на недельку. Жил В.Д. в армейской гостинице на территории части, где находился штаб армии. Маленькая комнатка с умывальником, а «самое главное» находилось в конце коридора. Но мне к этому не привыкать. Как-то, возвращаясь из поездки по городу, около входа в гостиницу увидела двух маленьких совершенно очаровательных девочек. Они смотрели на меня с любопытством и улыбкой на личиках. И только я подумала, кого же мне напоминает меньшая девочка, как услышала: «Евдокия Петровна, здравствуйте, с приездом». Обернулась, а это Регина Каснерик — моя сочинская знакомая. Я очень обрадовалась, хотя и удивилась, почему девочки около гостиницы, это ведь территория штаба армии. Оказывается, они бесквартирные и уже почти полгода живут здесь. Город квартир почти не давал, и армия строила свой дом для офицерского состава. Ждали, что он будет готов к осени. Стройка шла как скачки с препятствиями. Есть деньги — идет, нет — стоит. Строили военные строители, солдаты из армии им помогали. Но на стройматериалы надо было все время выбивать деньги у начальника финансов войск ПВО в Москве, чем В.Д. почти сразу и занялся. К всеобщей радости, дом был готов в середине лета. Каснерики тоже получили в нем квартиру.

А В.Д., помимо быта, вгрызался в армейские штабные дела. Армия большая — Белоруссия, Калининградская область, Латвия и Литва. Рижский корпус, командиром которого в пятидесятые годы был В.Д., теперь входил в эту армию. Если в Киеве согласно Варшавскому договору взаимодействовали войска Румынии, Болгарии и Венгрии, то в Минске это Германия, Чехословакия и Польша. Военные представители этих стран были у командующего армией дружески подчиненными. Они принимали участие в учениях и их разборе.

Работы хоть отбавляй. В.Д. не любил и не умел делать все наспех. Когда он приехал, армия «хромала» в вопросах боевой подготовки, строительства военных объектов и дисциплины. Коллектив был не очень спаянный. С приходом нового командующего некоторые нервничали, зная свои недочеты в работе.

Разбор учений в Минске

Боялись, что новый командир начнет с увольнений. Нет, это было не в характере В.Д. «Прежде чем действовать, надо подумать», — любил он повторять. Вот он и думал, указывал на недостатки, советовал, как исправить положение и, если уж ничего не получалось, приходилось освобождать от должности. Но за нашу жизнь я помню мало таких случаев. А вот с вышестоящим руководством не раз вступал «в бой».

Поступило распоряжение из Москвы, требующее в целях рассредоточения авиации по аэродрому строить укрытия для самолетов на значительном удалении от взлетно-посадочной полосы. Строители сразу взялись за дело, но В.Д. остановил их, сказал, что надо подсчитать, во что все это обойдется. И когда прикинули, убедились, что такое размещение самолетов понижает боевую готовность при взлете по тревоге и, кроме того, процентов на тридцать увеличивает расход горючего на подруливание от удаленных зон укрытия.

В.Д., не боясь ответственности, изменил документацию по строительству укрытий, приблизив их к взлетной полосе. Это позволило вдвое сократить время экстренного взлета. Начальство повозмущалось, но потом командиры так же действовали на всех аэродромах авиации ПВО. Интересно было отношение

В.Д. к строительству ложных объектов аэродромов, радиолокационных станций, подразделений зенитно-ракетных войск. Обычно их сооружали кое-как. Но В.Д. говорил: «Не думайте, что противник глупее нас. Надо строить их как настоящие, чтобы противника ввести в заблуждение». Не всем командирам это нравилось, хотели побыстрее построить и доложить об исполнении. Но В.Д. спрашивал строго и старался объяснить на примерах войны, как важно дезориентировать врага.

Годы, проведенные в Минске, мы с В.Д. вспоминали с теплотой. Сябры — хорошие люди, честные и добросовестные во всем и всегда. В войну это сплошной партизанский край. Правительство во главе с Петром Мироновичем Машеровым — почти все бывшие партизаны, работали с полной отдачей. Ложного блеска и помпезности не было. Белоруссия — край небогатый. Куда ей до солнечной черноземной Украины. Белоруссия чем-то напоминала мне Смоленщину. Белорусы, если сделали шаг вперед, назад не отступят. Медленно, но фундаментально продвигались во всем. Дома для людей типа «хрущевки» были намного лучше киевских, снаружи совсем простые, а внутри планировка очень даже неплохая. В каждой квартире подсобки, кладовочки. Да и внутренняя отделка — покраска со вкусом. Даже выключатели и ручки были подобраны соответственно в тон.

Квартиры у нас еще не было. Дом, в котором было намечено дать нам жилплощадь, должны были сдать только к концу года. А пока через месяца полтора сдавался дом недалеко от штаба для рабочих тракторного завода. Там мы и решили временно пожить месяц-полтора. Как раз у Оленьки и у Петра учебный год будет подходить к концу. Так что решили пока жить на два дома. Но я чувствовала, как В.Д. хочется, чтобы я скорее приехала насовсем. А пока, находясь в Минске фактически без всяких дел, ведь обед готовить было негде, я знакомилась с городом, который совсем не был похож на мои детские воспоминания. С Региной ездила в те места, где находился когда-то дом, в котором несколько лет я жила с родителями. Конечно, ничего не нашли. Все новое. Я только понимала и чувствовала, что где-то здесь мы ходили с мамой. Она водила меня в школу и по дороге рассказывала много интересного и познавательного.

Первое мое знакомство с «военными дамами» состоялось на торжественном заседании в оперном театре. Там же В.Д. представил меня П.М. Машерову — первому секретарю ЦК Белоруссии и Ф.А. Сурганову — второму секретарю и члену военного совета нашей армии. И уже через несколько дней мы были у Сургановых в гостях. Было такое ощущение, что мы у хорошо и давно знакомых людей. В.Д. и Федор Анисимович как-то сразу прониклись уважением друг к другу. И работалось им во время нашего пребывания в Минске очень хорошо. Они понимали друг друга, и В.Д. мог с ним решить любой вопрос. Когда мы уже в третий раз вернулись в Киев, Сурганов, пролетая на юг отдыхать, останавливался в Киеве. Председателем Верховного Совета Украины в аэропорту был дан обед в честь его приезда. Мы тоже были приглашены. И не знали тогда, что видим его в последний раз. Через несколько лет после нашего отъезда из Минска в автомобильной катастрофе трагически погиб Петр Мионович Машеров, а потом на этой же дороге погибли Сурганов и Леонид Беда, командующий воздушной армией, когда они провожали Рауля Кастро, брата Фиделя. Тогда Сурганов уже был Председателем Президиума Верховного Совета Белоруссии.

Как будто черная туча нависла над республикой, вырвала двух таких сынов Белоруссии — Машерова и Сурганова. До сих пор душу не оставили сомнения о гибели Машерова. Очень уж боялись его в Москве, боялись, что он может занять чье-то высокое кресло.

Пробыв в Минске больше десяти дней, я уехала домой. Все равно В.Д. был в основном в командировках, знакомился с частями. Дома потихоньку готовилась к переезду. Оленька закончила занятия в школе, а Петр еще нет. Пришлось ему немного задержаться. Вещи отправила контейнером, а с чемоданами я, Оленька, Петя, тетя Маша и наша собачка Милочка поехали поездом. Ключи от временной квартиры у В.Д. уже были, но он еще жил в гостинице. Приехали, а вещей нет, спать не на чем. В.Д. была положена госдача в военном дачном городке Острошицы, туда мы и отправились. Эта дачная обитель очень нас выручила. Остатки мебели после частичной продажи в Киеве

пришли более чем через месяц. А на даче были казенные койки, стол, стулья, какой-то шкаф. В общем, жить можно, тем паче, что погода была отличная, кругом зелень, пруды с карасями. Напротив недорогая столовая, хотя в каждом домике были плита и электроплитка.

Эти пруды с карасями сразу растревожили мою душу. Мой отец был заядлый рыбак, и я частично унаследовала это увлечение. В начале июля мои родители машиной приехали к нам на дачу. «Вспомню молодость», — радовался папа.

В этих Острошицах когда-то был военный лагерь 7-й Самарской кавалерийской дивизии. У папы, как начальника штаба этой дивизии, был маленький деревянный домик, где два лета мы с мамой блаженствовали. Вот тогда-то он и приучил меня к рыбалке. А когда он приехал к нам, мы вспомнили молодость. У каждого там был мостик, с которого можно рыбачить. Отец привез удочки, поплавки, наживку, и началась наша с ним рыбацкая жизнь. Почти каждый день к ужину, когда приезжал В.Д., мы угощали его жареными карасиками величиной с мою ладошку. Так что в них были не только косточки, но и мясо. Караси, зажаренные в сметане, — объедение. Часто я ловила рыбу сама. Как-то у меня хорошо получалось, пустая не приходила. А по воскресеньям на всех мостках стояли генералы, полковники, конечно же, не в форме, а то бы рыба совсем перепугалась. И довольно часто у меня клюет, я таскаю одного карасика за другим. Помню, на противоположном мостике генерал стал нервничать. У него то не клюет, то уходит, то наживку всю склюет. Даже спрашивал меня, на что я ловлю. Я смеясь отвечала: «На улыбку».

А это папа научил меня делать хорошую наживку. Иногда даже анисовые капли добавляли. Отец был горд моими рыбацкими успехами, говорил: «Моя школа». Как сейчас вижу его улыбающееся лицо, на голове серый берет и такая доброжелательность во всем его облике. Даже удивительно, ведь человек прожил такую тяжелую жизнь. Каждый год в Китае можно считать за два-три года. А главное — разведуправление Вооруженных сил. Сколько пережито, сколько побед и потерь хранила его

память. И его детская, порой с хитринкой улыбка. Он сохранил удивительную чистоту души и понимание жизни. В.Д. очень любил моего папу. Они часами могли разговаривать, отцу было, что рассказать. Когда он умер, В.Д. тяжело переживал его смерть, будто бы родного отца потерял.

А там, в Острошицах, он сразу приобрел уважение и любовь окружающих работников. Я потихоньку привыкала к новому коллективу. Женщины разные, но в основном хорошие. Военная жизнь вдруг сталкивает со старыми знакомыми и неожиданно дарит новых друзей. Оказалось, что «покрышкинец» Коля Трофимов, Герой Советского Союза, один из ведомых А.И., в Минской армии был начальником истребительной авиации армии. Но летная комиссия запретила ему летать, и он уже при В.Д. был назначен замом по боевой подготовке, а его место занял отличный летчик Михаил Каснерик.

Так снова наш путь пересекся с семьей Трофимова. В.Д. знал его еще с фронта, а я познакомилась с ведомыми А.И. в Москве, когда В.Д. и А.И. учились в Академии имени Фрунзе. Трофимов, Сухов и Голубев — ведомые А.И. или, как говорили, ведомые «со-того», учились в Монинской академии. Познакомилась я с ними в доме Покрышкиных, отмечали какой-то праздник. Самый сухой и себе на уме был Костя Сухов. Коля Трофимов, невысокий блондин с голубыми глазами, больше походил на артистически-меланхолическую душу. Но эта артистически-меланхолическая душа была в бою настоящим бойцом-истребителем. И самый озорной, высокий, веселый — Жора Голубев — орел в бою и в жизни. Все трое Герои Советского Союза.

Летом 1947 года на берегу Москва-реки собрались все три Героя-«покрышкинца» и «Сокол-17» со своим тогда еще воробышком — Евдошкой, как они меня называли. Во главе А.И. Покрышкин. Мужчины ныряли, а мы уже подсыхали на солнышке. Лежали на подстилке рядышком солдатиками на животиках, мирно разговаривали. Смотрим, Жора Голубев с аппаратом ходит вокруг да около. То с одной стороны щелкнет, то с другой. Потом довольный, с ехидной улыбочкой отошел. А через несколько дней звонит мне Машенька и говорит: «Дунь,

ты знаешь, что этот голубь-стервятник сделал? Помнишь, он все с разных сторон фотографировал нас? А потом он эти пленки проявил в академической лаборатории и решил подарить моему Саше, Володе, Косте и Коле. А на обратной стороне надпись: «Догадайся, где твоя жена». А на фото ни голов, ни ног, только средняя часть туловищ. И теперь, увидев Трофимовых, я почему-то сразу вспомнила это фото. Верочка тоже сказала, что сразу вспомнила, как мы расправились с Жорой.

К В.Д. приехал новый первый зам генерал Е.С.Юрасов. Грамотный, выдержанный, замечательный человек, артиллерист. Также возник вопрос с квартирой. И к моей радости он получил временную квартиру в том же доме, где и мы. Это был один из лучших первых заместителей за время службы В.Д. в войсках ПВО.

Строительство дома, где мы должны были получить постоянную квартиру, продвигалось не очень быстро. Мы чувствовали, что к Новому году квартиры еще не будет. В.Д. говорил: «Мам, давай возьмем квартиру где-нибудь в другом доме, где побыстрее». Но новые друзья из Совмина и ЦК сказали, чтоб и не думал. Пускай жена посмотрит этот дом, квартиру и решит, как быть. Конечно, посмотрев место и дом, я уговорила В.Д. подождать. В этом доме должны были получить квартиры и несколько человек военных, в том числе заместитель командира округа генерал-лейтенант Хачик Амбарьян и командующий воздушной армией Сергей Жуковский. Особенно уговаривал В.Д. дождаться этой квартиры начальник статистического управления Черванев, с семьей которого мы уже подружились. В общем мы победили, уговорили В.Д. подождать.

А я, зная размеры и расположение комнат в предназначенной нам квартире, уже ломала голову в отношении мебели. Ездил по магазинам и поняла, что дело глухо. Это сейчас — итальянская, польская, чешская, немецкая, хотя денег в основном у народа на эту мебель нет. А тогда деньги как-то можно было наскрести да и рассрочку взять, но мебели, увы, почти не было. Заикнулась В.Д., прося о помощи, увы, отказ. «У меня дел по горло. Вот тебе адъютант Слава Мачахин, действуйте». Это не «адъютант его превосходительства», но в житейских делах па-

рень смышленный, связи кое-какие были. Сам недавно получил трехкомнатную квартиру, так как у него двое детей. Ну, естественно, и обставлялся мебелью. И началась мебельная эпопея. Объездили почти все мебельные магазины города. Пустовато. Стали завязывать знакомства с продавцами, дирекцией. Слава — парень здоровый, симпатичный. Если приезжали в магазин, а там директриса женщина и продавщицы симпатичные — Слава вперед, выяснять обстановку. Если директор мужчина, Слава говорил мне: «Евдокия Петровна, тут я бессилён, идите сами». В общем связи, в смысле подсказки, когда придёт мебель, постепенно налаживались. Но поставок, увы, не было. За первое полугодие все раскупили, а во втором поставщик не спешил. Обещали к концу года, а вышло — конец января следующего года. Да и квартира была готова только к февралю. Но зато там после строителей не надо было ничего доделывать. Красота! В прихожей шкаф под красное дерево от пола до потолка. В спальне тоже шкафы. Мусоропровод на кухне хорошо вмонтирован, запаха нет. Когда мы вошли в эту квартиру и в полном смысле обставились чешско-польско-немецкой мебелью, я сказала, что теперь никуда не уеду, меня отсюда калёным железом не выжжешь. Так хорошо было!

Жизнь налаживалась, Оленьку определили в музыкальную школу, чтобы закончила последний восьмой класс. Учительница — человек хороший, но прежде всего только ритм, а чувства, красоты звукоизвлечения не было. Оля сказала: «Кончу музыкальную школу, запру пианино на ключ, а ключ выброшу», что она и пыталась сделать.

Так что жизнь входила в доброе русло. В.Д., хоть работы много, но доволен, дети с нами, наша тетя Маша опять приехала к нам и моя маленькая собачка со мной.

Соседи по дому хорошие — несколько человек военные, остальные — ответственные работники ЦК и Совмина.

В соседнем доме наши новые друзья Филатовы. Муза Васильевна — Музочка, моя верная дорогая подруга на всю жизнь. И уехав из Минска, я мысленно своей душой и сердцем не расставалась с ней. Удивительно скромная и красивая женщина.

А в соседнем подъезде нашего дома семья начальника ЦСУ Черванева с веселой, заводной женой Викторией. Она оптимистичная и работающая женщина. Мы обе устроили свой домашний быт в новом доме, по-моему, на «отлично». Все хорошо, красиво, удобно и уютно. Но мне очень хотелось пойти работать. Приятно было смотреть на Викторию, приходящую домой с работы, пусть усталую, но довольную, живущую интересами не только семьи, но и коллектива Минского тракторного завода. Она — рабочий класс. И решили мы с ней, что и мне уже нечего сидеть дома — дети взрослые, тетя Маша с нами, я еще нестарая и сравнительно здоровая. Сказала об этом В.Д. Он то ли шутя, то ли серьезно ответил: «Мам, не дури». Я притихла, но с Викторией вела подпольную работу.

Она работала на тракторном заводе, который, как все знали по секрету, выпускал не только трактора, но и наши отличные танки. Сделала фото на пропуск, подготовила все документы и думаю, как мой В.Д. отреагирует на эту новость. Он сразу не поверил, что я собралась на завод, да еще по своему профилю — в секретный отдел. Там же работала Виктория. Хожу день, два, три. Ухожу на несколько минут позже, чем он, а вечером я дома раньше. Виктория вводила меня в курс дела. Тайну держали и от Черванева — мужа Виктории, боясь, что он разоблачит нас. Но мужчины — В.Д. и Черванев почувствовали, что есть какая-то тайна. Поехали в баню, обсудили, дома приперли к стенке Викторию и меня. Пришлось сознаться. Недолго продолжалась моя рабочая деятельность. В.Д. сказал: «Я так устаю и хочу видеть тебя дома. Хочу, чтобы завтрак, обед и ужин готовила и давала мне ты и чтобы всегда была рядом». Пришлось смириться. Ведь главное в семье — он, а я запасное крыло, на которое он всегда может положиться. «Важней всего погода в доме» — золотые и мудрые слова, а главный метеоролог в доме — женщина. Занялась больше общественной работой в школе и стала шутки ради опять писать на все дни рождения и все праздники стихи. К Новому году всем семьям нашего подъезда были повешены на двери мои шуточные поздравления. Некоторые стихи даже в газетах печатались. А Вере Павловне Сургановой мои кулинарные рецепты преподнесла тоже в стихах.

Дети выросли, а мы, естественно, старели. Оля становилась хорошенькой барышней, а Петро жених хоть куда. Девушек вокруг много, но «взгляд положил» на одну. Людмила Яцко — красивая, стройная блондинка с большими изумрудными глазами. Родители хорошие. Мать прекрасная хозяйка, она голова в доме. Отец бывший майор, работал на мясокомбинате экспертом. Братишка Валера — хороший паренек. Трудовая семья. Все ютились в одной комнате в общей квартире. Люда — мастер спорта по художественной гимнастике и серебряный призер Белоруссии. Когда они с Петей познакомились, она работала и заочно училась. Где могла, старалась подзаработать. Даже в доме моделей демонстрировала одежду.

Знакомство кончилось, конечно, свадьбой. Петро был уже на третьем курсе и мог жить не в общежитии, а дома.

В.Д. часто уезжал, а в основном улетал в командировки. Пришлось лететь в Бакинский округ делиться своим опытом строительства аэродромных укрытий. С ним летело несколько офицеров. Мне повезло, взяли меня и еще жену генерала Огоева — осетина, у нее брат жил в Баку. Так что на борту самолета двое туристов. Очень благодарна В.Д. за тот полет и за дальнейшие. Когда была возможность взять меня с собой, он брал, спасибо ему. Я многое увидела в жизни.

Баку — город нефтяников. Вышки, вышки и вышки вокруг города. Не хотела бы там жить. Мне казалось, что все пропитано запахом нефти, даже моя любимая травка — кинза.

На выпуск радиотехнического училища в Вильнюсе меня тоже пригласили, и я с удовольствием поехала, так как там жила моя хорошая знакомая — жена литовского писателя Анжела Милюнене. Предварительно созвонилась с ней. Обе были рады встрече. Пока мужчины поздравляли и награждали выпускников, мы с Анжелой с удовольствием осматривали город. Мне очень понравилось, всюду чистота и порядок. А вечером Тракайский замок. Он с его историей надолго остался в моей памяти. И не только из-за красоты и его истории.

В.Д. со своим членом военного совета и начальством училища после выпускного торжества остались на ужин. Мы с В.Д. договорились, что он там побудет недолго, а я буду ждать его с

женой комиссара у входа в ресторан около Тракайского замка. Договорились на семь часов. И семь, и семь тридцать. Наконец около восьми часов подъезжают три машины. В первой мой В.Д. с комиссаром, а в двух других — руководство училища. В.Д., как огурчик, только брови лохматые, одна вниз, другая вверх. Понимаю, что прикорнул в машине — удивительная способность засыпать сразу в любом положении. Казалось, что после фронта он никак не отоспится. Говорит мне: «Мам, извини, разве от этой братвы вырвешься!». А «братва» в двух других машинах. Две женщины с ними, так и не поняла, кто чья жена. В ресторане ужин уже заказан. Красиво, все в национальном стиле. На столе в основном рыба и всякая закуска. В.Д. сказал: «Мы ведь уже покушали, зачем всего столько», но сел за стол. Те мужчины уже тепленькие. Посматриваю на В.Д., он подмигнул мне — это значит, надо колдовать с рюмками. Это у меня всегда хорошо получалось. Я совсем не пью, наливаю себе в фужер минералку и, когда пузырьки уходят, смешиваю с капелькой водочки для запаха. Так и сейчас мне поначалу это удалось. Но мои фокусы заметили и стали подливать В.Д.. Он уже серьезно сказал, что пора расходиться, хватит. Но все начали: «Еще рюмочку, еще одну». Как в той басне Михалкова:

*За ваших львят, за вашу львицу,
Ну как тут было не напиться.*

Но В.Д. держится, его свалить трудно. Пить отказался и попросил чай. А комиссарша, зная, что я совсем не пью, шепнула кому-то, чтоб я выпила вместо В.Д. «Пусть, — говорит, — ваша жена вместо вас поддержит компанию, пока вы чай пьете». В.Д., зная, что я умело колдую с рюмками, усмехнулся. Но комиссарша и тут меня предала — налила рюмочку чистой водки. Я зажмурилась и, не глядя, выпила, чуть закусила. Они еще одиност — я опять выпила. Смотрю, у В.Д. брови зашевелились, но глаза лукавые. А после третьей я шепчу ему: «Поехали, а то я не знаю, что будет дальше». Но я держусь как штык.

В.Д. встал, поблагодарил всех, сказал, что завтра рано утром выезжает. Молодец, взял меня под руку. Я тоже сумела еще членораздельно сказать спасибо и что приятно было познакомиться. И мы твердо вышли. Сели в машину и уехали. Начальник учи-

лица вернулся в ресторан к офицерам и, видимо, ужин еще продолжался. Уехали без комиссара. Утром В.Д. сказал мне, что видел, как комиссарша шепнула, что я пью не водку, и понял, что меня надо спасать. Но вообще сказал, что я герой. Так что Тракай я запомнила хорошо не только красотой, но и человеческим ехидством.

В.Д., когда было возможно, всегда старался взять меня с собой. Знал, что я не подведу и, если надо, помогу.

Так я побывала с ним в Бресте, когда город наградили Золотой Звездой. До посещения Бреста я много читала о героях Брестского гарнизона. Книга С. Смирнова, первого, кто изучил и написал о подвиге наших бойцов, есть у нас дома. Когда мы жили в Риге, В.Д. посетил Брест. Мемориальный комплекс только начали восстанавливать. Там он и познакомился со Смирновым. Но читать — это одно, а увидеть эти героические места, где каждый кусочек земли пропитан кровью его защитников, — это другое. Когда я ходила по территории крепости, казалось, что каждый уцелевший кирпич — это глаза погибших, говорящих нам, что они сделали все, что могли. Все это святое место — души тех, кто защищал нас в первые дни войны, исполнив свой долг перед Родиной. Я не хочу, чтобы молодое поколение, если выпадет кому-то прочесть эти строки, думало, что мои слова и мысли — плод советского воспитания и что многое надумано. Нет, я не член партии, даже в комсомоле не была, но любовь к Родине у меня настоящая. Любовь, несмотря на многие недостатки и просчеты нашего строя, всегда в сердце и душе.

Праздники освобождения Минска и Белоруссии, как правило, отмечались с большим подъемом. Не было семьи, в которой бы кто-нибудь не участвовал в борьбе с врагом.

Отца П.М. Машерова за то, что сын Петр Миронович и вся семья были в партизанах, зверски казнили немцы.

Этот народ, переживший оккупацию, сумел сохранить в себе доброту, честность, порядочность, чувство дружбы и чувство юмора. На одном из правительственных концертов, посвященных освобождению Минска, выступала Людмила Зыкина. В Белоруссии она пользовалась большим уважением и любовью

за то, что пела наши простые, содержательные песни с особой присущей ей выразительностью и задушевностью. Зыкина исполнила положенные по программе три песни, но зал не отпускал ее. К ее ногам положили много цветов. Она исполнила еще одну песню — все продолжается. Один из зрителей, кстати сказать, бывший партизан, замминистра лесного хозяйства, бросился с букетом цветов к сцене. Сбоку сцены ступеньки. Он стал подниматься по ним и, когда достиг сцены, Зыкина, не видя его, начала исполнять пятую песню. Что ему делать? Спускаться вниз на глазах Зыкиной и всего зала как-то не по-партизански. Находясь на сцене скраю, он как бы одной рукой слегка прикрылся занавесом, а в другой был высоко поднят букет, чтобы не помялись цветы. Зал переводил взгляд с Зыкиной на него. Она почувствовала, точнее как бы вспомнила, что в последнюю минуту к сцене быстрым шагом шел высокий худощавый седой мужчина с огромным букетом. Поняла ситуацию. И когда она кончила песню, то как бы невзначай пошла к нему, а партизан, откинув край занавеса, поспешил к ней, чтобы она еще не запела. Зыкина смеясь расцеловала его и зная, что он в войну был партизаном, сказала в микрофон: «Настоящий партизан, всю песню пробыл в засаде».

Так его потом и стали называть, когда что-то о нем говорили, «а, это тот партизан в засаде».

В.Д. было очень дорого внимание Белорусского правительства и особенно Машерова. Они поддерживали его, когда решался какой-нибудь вопрос, находящийся в их компетенции. Радовались успехам армии, которая через два года вышла на первое место по всем показателям. В.Д. был избран депутатом Верховного Совета Белоруссии. Тогда у депутатов не было секретарей и помощника с машинкой. Всю депутатскую переписку вела я. Прочитав письмо избирателя, записывала, какие вопросы В.Д. должен решить. Интересно то, что в депутаты он избирался от города Кобрин, того города, где после войны стоял его полк. А во время выборов два бывших техника полка Падыло и Емельянов проводили в Кобрине избирательную компанию. Это было неожиданно и радостно для В.Д. Он не знал, кто остался в Кобрине после перебазирования полка в Среднюю Азию.

Лев Шестаков-младший был вскоре переведен в Прибалтику, в Даугавпилс. В.Д. делал все, чтобы помочь ему снова войти в русло военной летной жизни.

Однажды В.Д., приехав с работы, сказал мне, что звонил председатель колхоза из Давидковцев. Это колхоз километрах в пятнадцати от Хмельницкого. Здесь, на окраине деревни Давидковцы, во время воздушного боя погиб Л.Л. Шестаков. 14 марта 1944 года летчики полка во главе с Шестаковым вели бой в районе Хмельницкого с группой Ю-87, идущих на бомбардировку наших позиций, и прикрывавшими их «мессершмиттами». Шестаков сбил один самолет, а затем бросился выручать своего ведомого, которому на хвост сел «мессер». Он сумел помочь ведомому, завязав бой с «мессером». Но рядом увидел Ю-87, который спешил сбросить бомбы на наши позиции. Быстро подошел к нему и снарядами всех своих трех пушек вонзился в бензобак Ю-87. «Юнкерс» вспыхнул, но тут произошло непредвиденное — он взрывается в воздухе, и сильная взрывная волна переворачивает находящийся рядом самолет Шестакова. Самолет входит в штопор, а земля уже рядом. Так погиб отважный Лев Шестаков-старший.

Колхозники просили приехать на открытие обелиска на месте падения самолета. В.Д. конечно дал согласие. Позвонил в Даугавпилс Льву-младшему, рассказал о предстоящем открытии обелиска и предложил поехать с нами машиной в Давидковцы. Лева приехал, и мы отправились в путь. Ехали на Украину, в те места, где я родилась — город Изяслав Шепетовского района Хмельницкой области.

У меня теплилась мысль, а может быть, я сумею увидеть дом, где родилась в ночь на Крещение с 18 на 19 января. Ведь отец был военный и часто менял место службы. Куда направляли его эскадрон, туда и он с мамой, а потом и со мной. Я позвонила маме в Москву, спросила, на какой улице я родилась, в каком доме. Мама сказала, что это недалеко от церкви, практически в центре.

Ехали мы довольно быстро. Была поздняя осень. «Дворники» на стеклах плохо работали, уже темнело. А в Давидковцах нас

ждали к вечеру, но я так умоляюще смотрела на мужа, что он, когда на трассе появился указатель на Изяслав, махнул рукой и сказал: «Поехали, мам, в твои родные места». Дом нашли, нашли дочь хозяйки, которая помнила, что у них жил командир с красавицей женой и у них родилась дочь, которую называли Евдохой. Я сказала, что я и есть эта Евдоха. Вошла в хату, в ту хату, где я родилась, погрела руки о печку. Все казалось таким родным и близким. На душе было как-то тепло и спокойно. В.Д. и Лева с пониманием смотрели на меня. Как я благодарна В.Д. за то, что он понял меня!

Вскоре мы были в Давидковцах. Руководство колхоза встречало нас. Устроили в доме бухгалтера Щербы и повели на ужин в правление, где нас уже ждали. Там была приехавшая из Авдеевки Мария Ивановна Шестакова — мать Льва Львовича с внучкой Аллочкой, сестрой Льва-младшего. Приехали летчики полка — Герои Советского Союза Василий Бондаренко и Иван Королев. Описать такие встречи трудно, это надо видеть и чувствовать. Мать Шестакова и Левину сестру В.Д. знал раньше. Он был на семидесятипятилетию Марии Ивановны в Авдеевке.

Разговоры, воспоминания, даже слезы. А потом один из молодых руководителей колхоза, взяв в руки аккордеон, начал петь украинские песни, тихие, спокойные, мелодичные, гордые. И вдруг клавиши аккордеона как бы взорвались и... «ты ж мене пидманула, ты ж мене пидвела». Мы с В.Д. раньше эту песню не слышали, несмотря на то, что жили в Киеве. В.Д. был в восторге. Потом дома часто напевал ее, а слова «ты ж мене пидманула, ты ж мене пидвела» часто звучали у нас дома.

К чести руководителей колхоза, они сумели не только хорошо принять нас за ужином. Самое главное — они очень хорошо организовали открытие обелиска, несмотря на плохую осеннюю погоду. Почти все население села присутствовало на открытии и, что особенно ценно, было много молодежи. Все знали имя Шестакова. Приехали руководители области и в разговоре с В.Д. пообещали помочь колхозу деньгами на строительство школы, которая будет носить имя Шестакова. Свое слово они сдержали, и вскоре мы были на открытии школы.

С матерью Героя в Хмельницком

На следующий день были в Хмельницком. В центре города братская могила, где похоронены герои, освободившие город. Там же похоронен Лев Львович Шестаков, и от этой маленькой площади идет улица, носящая его имя.

Возвращались в Минск с душой, наполненной чистыми, прекрасными, хотя и печальными воспоминаниями.

Дела в армии шли на «отлично». В.Д. сказал, что, видимо, выйдем на первое место. И действительно, в 1968 году вторая Минская армия ПВО заняла первое место.

Приближался Новый год. Командующий округом устроил прием, а на следующий день, первого января, несколько жен членов Военного совета были приглашены на дачу к жене Председателя Совета Министров Нине Федоровне Киселевой. Собрались к часу дня. Пообедали, отметили Новый год, и Нина Федоровна предложила нам поехать посмотреть еще не совсем достроенный мемориальный комплекс Хатынь. День был солнечный, морозный. Сели в машины. Ехать недалеко. От основной трассы шла недавно проложенная дорога, казалось, что в глухой еловый лес. Неожиданно открылась большая поляна. Перед въездом милицейский пост и шлагбаум. Вокруг белый снег, только вдали из-под этого снега торчат трубы деревянных хат. Впереди полуразрушенный сарай и возвышается фигура старика больше, чем в человеческий рост. На руках умирающий внучек, которого ему удалось вынести из сожженного сарая.

Мы проехали дальше, и я увидела, что таких труб, состоящих из двух мраморных брусков, много, они на месте каждого сожженного дома. А между двумя половинками трубы на стальном стержне — колокол. Около каждой хаты поименный список тех,

кто в ней жил. И тут сработало реле, и раздался настоящий погребальный звон. Колокол каждой хаты звонил. От неожиданности мы все вздрогнули, мороз пробежал по коже и, главное по душе и сердцу. Солнце садилось, и только его прощальные красноватые лучи, предвещавшие на завтра мороз, словно кровью прощались с деревней. Ели стояли, как часовые в ночном карауле, своими остроконечными вершинами упираясь в небо. Дважды я слышала страшный звон — в Хатыни и Бухенвальде. В Бухенвальде казалось, что это не звон, а стон, что стонет вся земля...

Говорить мы не могли — такой силы было увиденное. Летом мы с В.Д. были на официальном открытии мемориала. Доделали стены и привезли землю из всех сожженных белорусских деревень, сделали стену в память жертв концлагерей, которые были на территории Белоруссии. Но самое сильное впечатление было тогда, зимой, когда мы были один на один с горем, постигшим жителей Хатыни.

Новый год принес нам много нового — впечатлений, событий и перемен. В начале декабря по приглашению главы литовского правительства мы на десять дней поехали в Друскининкай, расположенный на Немане. Изумительно красивое место. Неудивительно, что его так любил Чурленис, прекрасный, своеобразный художник и композитор, в музей которого мы заходили несколько раз, чтобы переварить головой и сердцем его творчество.

А вернулись — неожиданность, но, видно, только для меня, а В.Д., наверное, что-то знал. Его направляют на курсы высшего командования в Москву в Академию Генерального Штаба.

А пока опять работа: строительство, учения, тактические занятия. На территории штаба армии досконально обновляли здание штаба — и по прочности, и по комфорту, и по дизайну. Построили новую столовую, больше похожую на уютное кафе. «Армия, вышедшая на первое место, должна иметь все столичное», — сказал В.Д.. Денег не хватало. Пришлось В.Д. несколько раз съездить в Москву и там когда клянчить, а когда требовать средства.

Но дело шло хорошо, и ко дню Победы обновленное здание штаба должно было принять своих сотрудников. У В.Д. была удивительная способность, убеждая, выколачивать средства для армии. Главком Павел Федорович Батицкий, генерал армии, большой, грузный с громким, грубым голосом рычал: «Мало тебе, что армия заняла первое место, так еще хочешь, чтобы и твои штабисты были в комфортных условиях». Недаром его называли Лев Лампасович. Он был, как говорил В.Д., мужик умный, но иногда «впертый».

Отношения у них не всегда были гладкие. Батицкий как-то с недоверием относился к летчикам. Сам артиллерист, технически грамотный специалист, он считал, что летун в основном должен летать, а техники — следить за его самолетом. И в общем это не то, что Бог войны — артиллерия. А насчет дисциплины всегда считал, что летчики — это трудно управляемые люди. Ведь у летчиков, особенно истребителей, натура совсем другая, они отличаются от «бомберов» и транспортников. Подвижные, с мгновенной реакцией, дерзкие, отважные, не боящиеся риска. И в основном их риск оправданный и разумный. Но В.Д. и А.И. доказали главкому, что авиация — дело сложное. Должен быть разум, смелость и знание возможностей своего самолета.

На территории Белорусского округа было дивизионное хозяйство генерала Кузьменко, кстати, не летчика, а инженера. Надо было заново оборудовать несколько зенитно-ракетных установок, расположить их в малодоступных и хорошо замаскированных природой местах. А это значит, что ни дорог, ни воды. Короче, ничего нет, это обычное для Белоруссии место вблизи болот. Но надо думать и о людях.

Это произошло еще до 1967 года. Батицкий позвонил В.Д. и спросил, что у него делается и будут ли позиции готовы в срок. Мол, он получил информацию, что там неразбериха и дело застопорилось. Видимо, кто-то из «доброжелателей» доложил ему. Генерал Кузьменко был в шоке от звонка В.Д., который сказал, что через пару дней приедет посмотреть, как идут дела. Ранняя весна, сплошная грязь. К этим точкам даже не добраться как следует, дороги пока еще не сделаны. Решили отвлечь В.Д.

в штабе, показать планы, чертежи, схемы. В общем затянуть время, чтобы хотя бы немного расчистить дорогу бульдозером. Но В.Д. решил сразу пойти на стройку, чтобы войти в курс дела, увидеть недостатки и то, в чем надо помочь. У Кузьменко душа ушла в пятки. Но увидев, как по-деловому ставились вопросы, как сопровождавшие В.Д. офицеры-специалисты четко докладывали ему и как В.Д. так же четко делал замечания, успокоился.

В.Д. внимательно осмотрел технику, оценил возможности радиолокационных установок. Вопросы задавал по существу. Преодолевая препятствия на пути, осмотрел все позиции. Тон разговора с солдатами, сержантами и офицерами не менялся, не было грубости, раздражения. Замечания, указания были четкими, лаконичными, без какого-либо нажима. После осмотра позиций было проведено совещание и подведены итоги работы, даны правильные указания. В.Д. обещал помочь с транспортом и средствами, а в целом работу Кузьменко оценил положительно.

Приехал в Минск, только вошел в кабинет — звонок. И сразу не здравствуйте, а сплошное рычание. «Ты почему не звонишь, завалил дело, а теперь молчишь» — и все в таком духе. В.Д. повесил трубку. Через минуту опять на проводе Главком, говорит: «У тебя еще и связисты плохо работают». И снова рычание. В.Д. опять повесил трубку. Приехал домой, молчит, сел ужинать. Говорит: «Дай рюмочку». Дала, чувствую, что очень перенервничал. Потом налил вторую и третью. Спрашиваю, что случилось, только рукой махнул. Через полчаса расслабился. Сам заговорил: «Не успел покомандовать армией, могут снять».

На следующий день позвонил Главкому, тот уже остыл, говорит: «Докладывай!». В.Д. ему все рассказал и добавил, что позиции для установок будут сданы вовремя. Главком пообещал, что напишет приказ о служебном несоответствии и сомневается, что объект будет сдан в срок. В.Д. ответил: «Цыплят по осени считают», — и повесил трубку.

Больше Главком и В.Д. друг другу не звонили. А через дней 15 — 18 Лев Лампасович прорычал в трубку: «Ну, герой, дело, как я понимаю, движется». В.Д. облегченно вздохнул. Больше таких инцидентов не было. Когда строительство закончили, Батицкий

Главком П. Ф. Батицкий

прислал очень строгую комиссию проверить и, если действительно хорошо, — принять. А было действительно хорошо. Даже из других частей приезжали смотреть. И В.Д. стал пользоваться уважением Батицкого и за работу, и за характер. Но когда армия заняла первое место, вспомнил этот случай.

В конце марта В.Д. отправился в Москву на занятия. Я волновалась, ведь 17 мая ему 50 лет, и хотелось эту дату отпраздновать вместе и хорошо. А занятия почти до конца мая. Но все было хорошо. Числа 15 мая поездом приехали мои отец и мама, а 16 прилетел В.Д. с моей двоюродной сестрой Лидочкой и ее мужем. В.Д. дали на три дня увольнительную. Тем паче, что занятия подходили к концу, и осталось что-то типа экзаменов. Гостей много, весело и вкусно. Но смотрю, что в перерывах В.Д. уединенно разговаривает с Сургановым и командующим округа, а потом и с моим отцом. Ну, думаю, жди перемен. И не ошиблась. После вечера В.Д. сказал мне, что, видимо, опять поедем в Киев. Я удивилась. Ведь Покрышкин ушел год назад, а вместо него был назначен Дважды Герой Советского Союза Андрей Боровых, прекрасный летчик, правда, не совсем организованный и хамовитый. Зато жена его Геточка, латышка по национальности, была славная, умная и выдержанная женщина. Она как могла замазывала грехи мужа. Но он не прижился в Киеве, рвался в Москву. Армия съехала на третье место. Петр Ефимович Шелест сказал Главкому, чтобы вернули на Украину Лавриненкова. Щербицкий тоже был «за». Вот и опять наша звезда вела нас в Киев.

В.Д. в конце мая вернулся с занятий. Ждали приказа, а это могло тянуться два или три месяца. Без министра обороны этот вопрос не решался, а Гречко болел. В.Д. снова включился в полноценную работу в Минске. Опять строительство, учения, ин-

спекции. Летел в Калининград проверять дивизии, и я упросила его взять меня с собой, а то, если уедем в Киев, вряд ли я попаду туда.

А потом Паланга, литовское взморье, янтарное, сосновое, ро-скошное взморье с удивительным музеем янтаря. Я никогда не думала, что из янтаря можно творить такие чудеса. Он хорош сам по себе и отшлифованный и неотшлифованный. Он хорош в обрамлении дерева, золота, серебра, чеканки. Умелые руки и вкус литовских мастеров вызывают уважение и восхищение.

Мы чувствовали, что прощаемся с чудесным Балтийским морем, с его неповторимым запахом — смесью сосны и водорослей.

В Паланге как-то расслабились. Пошли к морю, песок чистый, золотистый. Походили там по берегу, сняв обувь. Я в ситцевом халатике, В.Д. в легких брюках и рубашке навыпуск. Туалет явно дачный, не курортный. У меня на голове косыночка от солнца, а В.Д. не хотел брать соломенную шляпу и приспособил большой носовой платок, сделав на каждом углу узелок. Платок приобрел форму тубетейки и хорошо прикрывал голову от солнца, а по углам игриво торчали четыре узелка. Потом, не надевая обуви, по маленькой улочке пошли в город, который, собственно говоря, и кончался у моря. День неповторимый, июльский. Светит солнце, ярко-голубое небо и, как бы оттеняя его голубизну, темное, почти свинцовое море.

Идем счастливые, почти на сорок лет моложе, чем сейчас, взявшись за руки, а в другой руке обувь, которой мы в такт нашему шагу помахивали. И вдруг навстречу стайка наших летунов — экипаж самолета во главе с командиром. Утром мы должны были улетать, вот они и прилетели за нами, а с аэродрома решили поехать к морю. Они, конечно, в форме и, увидев нас, точнее В.Д., явно растерялись, но, все-таки смущаясь, отдали честь. А В.Д., видя их растерянность, сказал: «Я ведь тоже человек, форма надоела, а босиком вообще здорово. Раздевайтесь, ребята, и отдыхайте до вечера».

Рано утром мы улетели, а летчики потом рассказывали, как генерал с генеральшей босиком по Паланге прогуливались.

Через несколько дней пришел приказ. Я приготовила В.Д. чемодан с необходимыми в первый момент вещами. И вдруг он

мне говорит: «Мам, полетели вместе. Из Киева уже звонили, ждут нас. Через день самолет пойдет назад, ты и вернешься». Так и сделали.

И вот снова Киев, в третий раз. Но из Белоруссии уезжать не хотелось. Очень хороши сябры, квартира отличная, Оленька готовилась к поступлению на филологический факультет, и Петр с Люсей в Минске. Через год Петр должен был заканчивать училище.

На аэродроме нас встретило руководство армии, и В.Д. поехал в штаб, а я в гостиницу, которая сейчас называется «Националь». Сразу стала звонить друзьям. Некоторые знали, что В.Д. возвращается в Киев, и были удивлены и обрадованы. А вечером после восьми часов, когда приехал В.Д., пошли на набережную, а потом в «Кукушку», где когда-то обмывали звание генерал-майора.

Посмотрели временную квартиру, где предстояло прожить несколько месяцев, пока уедет Геточка Боровых, жившая тогда в квартире Покрышкиных. Да и ремонт там надо сделать косметический. В.Д. представился командующему округом генерал-полковнику Куликову, с которым познакомился на курсах в Академии.

Через день я улетела, а В.Д. даже не сумел проводить меня. В этот день он представился в новой должности В.В. Щербицкому и П.Е. Шелесту.

А я через день в Минске уже думала, как буду опять паковать наше имущество. Кое-что оставила Пете, кое-что кому-то отдала. Хорошо, что В.Д. не было, а то он еще бы многое раздал, а я как скупой рыцарь.

Оленька, умница, сдавала экзамены на пятерки, а я переживала под окнами университета. Слава Богу, поступила! И вот команда от В.Д.: «Собирайся быстрее». Мебель и все крупное решила отправить контейнером, так как постоянная квартира еще не готова. Гета Боровых, правда, уехала, но ремонт еще не начали. Пока вещи приедут по железной дороге, видимо, и квартира будет готова. А все мягкое, многочисленную посуду упаковала в чемоданы и большие коробки. Телевизор и люстры тоже.

Оленька с тетей Машей и нашей собачкой Милочкой поехали поездом, тетя Маша боялась самолетов. А я, распрощавшись с дорогими мне Филатовыми, Каснериками и Черваневыми, в самолет. Прощай, Минск, и теперь уже навсегда. Здравствуй, Киев! Здравствуйте, дорогие киевские друзья!

Все они близкие, родные — Мартыновы, Голубевы, Паторминские, Ломако.

О семьях Голубевых и Мартыновых можно писать очень много. Это настоящие семьи и жены — настоящие «боевые подруги», как принято называть заслуживших этого звания жен военных.

Георгия Голубева, или просто Жору, В.Д. знал еще с фронта, знал как прекрасного смелого летчика-истребителя. Он был верным ведомым Покрышкина в небе войны и верным другом на земле. Жена его, Сашенька, редкой души и порядочности человек. Зная бурный темперамент мужа и в небе и на земле, во многих вопросах жизни была у него ведущим. Своей спокойной, мудрой, любящей натурой она многое дала мужу. Дружба их семьи с семьей Покрышкиных была прочной и верной. А дружба жен была трогательной, основанной на фронтовых переживаниях, воспоминаниях и помощи своим соколам в мирное время.

А.И. Покрышкин, как истинный сибиряк, любил пельмени, и у Сашеньки Голубевой они всегда были в холодильнике, когда ожидали его прихода.

В годы командования Покрышкина Киевской армией в любое время его появления у Голубевых на столе было это блюдо — пельмени, которые заранее лепила вся их дружная семья.

В последние годы жизни Г. Голубев написал книгу о Покрышкине «В паре с «сотым». «Сотый» — это номер самолета Покрышкина и его позывной в воздухе.

Нет Покрышкина, нет Лавриненкова, нет Голубева. Нет Сашеньки Покрышкиной и Сашеньки Голубевой, нет их дочерей Светочки и Наташи. Жизнь сурова. И мы, любящие жены наших соколов, прошли одинаковый путь — переезды, переезды, переезды и волнения за летающих мужей.

И опять все сначала, как при каждом переезде, — распаковка вещей. Не знаешь, что где лежит и куда что класть. Правда, на временной квартире были койки и какой-то шкафчик, так что необходимое распихала по полкам.

Начались проблемы с переводом Оленьки из Минского университета в Киевский. На филологический факультет перейти не удалось, так как она не знала украинского языка. Спасибо Екатерине Антоновне Колосовой, изумительной женщине, которая помогла перевести Олю на исторический факультет.

В сентябре мы смогли въехать в квартиру. Начался октябрь, а В.Д. еще не был в отпуске. Командующий округом Куликов тоже «передвигался». Его назначили на должность командующего группой войск в Германии, чтобы сменить заболевшего Петра Кирилловича Кошевого. Куликов предложил В.Д. лететь с ним в Германию и там отдохнуть в санатории группы войск в Бадельстере. Это очень красивое место и водичка в источниках «желудочная». «Да заодно, — сказал, — посмотришь, как живут побежденные по сравнению с победителями». Да, посмотрели. Разница очень большая. Курорт хороший, и знакомых, служащих в группе войск, много. Куликов оставил нас на аэродроме, обеспечил машиной и офицером для сопровождения в Бадельстер, а сам поехал в штаб. Потом он приезжал проведать нас. Спросил В.Д.: «Ну, посмотрел, кто как живет?». В.Д. только промычал: «М-да».

Приехал отдыхать туда же В. Говоров с Людочкой, моей знакомой и хорошей подругой двоюродной сестры Ниночки. Приехал повидаться с нами, пригласил к себе в гости в военный городок под Берлином, где стояла воздушная армия, наш старый друг еще по Академии Григорий Скориков. Теперь Гриша был генерал-лейтенантом, начальником штаба воздушной армии.

Отдыхал с нами и начальник штаба танковой армии, которая базировалась в Дрездене, Тетскин с женой, очень приятная пара. Тоже пригласили нас к себе. Мы воспользовались всеми приглашениями.

Был конец ноября, так что пасмурно, дождь. Дрезден какой-то темный и тяжелый, но все осветила «Сикстинская мадонна», от которой я не могла оторваться. Посетили все музеи, посмотрели

все что можно было. А когда уезжали, остановились у Скорикова. Съездили в Потсдам. Старались представить себе, как все происходило во время подписания акта о капитуляции. Из Бадельстера ездили в Веймар, где Гитлер строил здание для суда над Сталиным.

Посетили кладбище, где похоронен Гете. Там мы удивились, увидев чей-то гроб, висящий над землей на цепях. Переводчик рассказал нам интересную историю, была, а не фантазию. Более ста лет назад у хозяина этих земель была красивая, добрая и умная жена. Она приютила дочь одного из павших в бою рыцарей. Воспитала девушку, сделав ее своей фрейлиной. Любила ее и доверяла ей. Девушка была очень хороша собой и очень нравилась господину. Девушке льстило его внимание, и она не отказала ему в любви. Так продолжалось несколько лет. Когда госпожа узнала об этом, она была потрясена коварством воспитанницы, но будучи по-настоящему благородной дамой, сказала ей, что наказывать ее не будет. «Но когда умрешь, а умрешь ты раньше меня, я тебя земле не предаю». Так и качается неблагодарная уже больше века.

В городе прекрасный концертный зал. Там исполняется музыка Баха, Бетховена, Шуберта, Шумана. А рядом — в пяти километрах — Бухенвальд. И звуки прекрасной музыки, которые должны рождать в душе только добро, заглушали стоны тысяч узников Бухенвальда.

Интересный народ немцы. Как в них сочетались жестокость, бездушие, варварство с внешней благообразностью, порядочностью и сентиментальностью? Как могла земля Баха, Бетховена, Гете, Гейне, Шиллера породить «сверхчеловека», «белокурую бестию», как называл соотечественников немецкий философ

*Ведомый «сотого»
А. И. Покрышкина Герой
Советского Союза
полковник Г. Г. Голубев*

Нищше? Народ технически развитый, четкий, пунктуальный и дисциплинированный. Но душа, где она?

На корабле построенном в Германии, который носит имя «Генерал Лавриненков», путешествуют туристы со всего мира. Самые любознательные, аккуратные и дисциплинированные — немцы, среди которых и те, кто воевал против нас. Им все интересно.

Мы возвращались домой на самолете воздушной армии и не в Киев, а в Москву. Очень заболел мой отец, опять сердце. Лежит в Красногорском госпитале. Нам раньше не сообщили, чтобы мы не прерывали отпуск. Побывала несколько дней с папой и домой. К счастью, вскоре отец был уже дома, и я в трубку услышала: «Евдошка, ну как вы там?». А позже в Москве на его письменном столе увидела, как в перекидном календаре его рукой было написано: «Еще бы разик съездить к Евдошке, а потом до холодов убраться. Раисику будет легче, да и землю копать не так трудно». Эти листки храню до сих пор. Но пожелание папы не сбылось — 31 января его не стало.

Я вылетела в Москву сразу, как только у него начался отек легких. Мама в это время тоже лежала с воспалением легких. Я прилетела 29-го и сразу в больницу.

Отец лежал в районной больнице, куда его успела доставить «скорая». В палате четыре человека. Чистота, внимание со стороны врачей. Папа очень обрадовался, увидев меня. Вид у него был какой-то лихорадочный. Первое, что спросил: «Как там старушонка?». Это он так ласково называл маму.

Отец кашлял, задыхался, но хотел разговаривать. К вечеру поднялась температура, а он все рассказывал соседям по палате о своих молодых годах, о Котовском, у которого несколько месяцев был адъютантом. Рассказывал о Чапаеве и Буденном, которых он знал, о Китае, Норвегии, об обороне Ленинграда. Больные слушали с интересом, и он был доволен. Когда после уколов он заснул, врач сказал, что я могу ехать домой, а завтра желательно, чтобы я утром приехала.

Хорошо, что в доме родителей жила мамина младшая сестра тетя Женя. Она жила у них приблизительно с 1948 года. Вoley

судьбы оставшись без мужа еще в 1929 году во время конфликта на КВЖД, сначала она жила с сынишкой у тети Тины, мамы Лидочки. Потом, когда моя мама стала сильно болеть, она переехала к ней.

Мужья тети Жени и тети Тины были друзьями отца по армии еще с середины двадцатых годов прошлого столетия. Тетя Женя во время войны была медсестрой и могла хорошо присмотреть за мамой. Так что я могла смело поехать к папе в больницу. Папа был в таком же состоянии, даже более лихорадочном, но с удивительной памятью обо всем — и о прошлом, и о настоящем. Первое, о чем спросил, — о маме. Он очень сильно кашлял. Заведующий отделением пригласил меня к себе в кабинет, сказал, что разрешает остаться на ночь. Уезжать не стоит, уже не дни, а часы его сочтены — начался сильный отек легких и вывести его из этого состояния после пяти инфарктов уже не смогут.

Я осталась. Спасибо соседям по палате — приставили к папиной кровати два стула, и я, как-то скрутившись, устроилась на них, прикрывшись шубкой. Ночь пережили.

Утром приехала тетя Тина, чтобы сменить меня. А после обеда я должна была опять приехать. Папа даже написал маме несколько строк, криво, не очень разборчиво. Я поцеловала его и уехала. Приехала домой, только разделась — звонок: «Приезжай немедленно». Я схватила с собой что-то из еды и выбежала из дома.

На метро ехать долго. Схватила такси. Прибежала в вестибюль, раздеваюсь, а гардеробщица как-то странно на меня посмотрела. Я бегом на второй этаж, где лежал папа. Тетя Тина в коридоре и больные из палаты тоже. Меня в палату не пустили — там бригада врачей делала все возможное, но ведь невозможного сделать нельзя.

Врачи вскоре вышли. Увидев меня, заотделением печально развел руки. Все понятно. Согласно медицинским требованиям папа еще 2 часа должен был пролежать в палате. Тетя Тина до моего приезда позвонила сестричке Лидочке и, понимая исход, попросила приехать. Через час она приехала. Тетю Тину отправили домой, а мы с Лидочкой остались. Меня врачи тоже уго-

варивали уехать, но я отказалась, я хотела увидеть папу. Через час его вывезли из палаты на столике. Он еще теплый, а на ноге бирочка с номером и фамилией. Я запомнила это на всю жизнь.

Попросила санитаров разрешить мне и сестре самим отвезти его в морг. Везли мы его молча, а перед глазами и в душе промчалось так много! И везде он с улыбкой, несмотря на большую и очень сложную жизнь.

Удивленные санитары в морге, приняв повозочку, сдернули из-под него простыни и скатили тело на свинцовый холодный стол. Я невольно воскликнула: «Ему ведь холодно!». Санитары так посмотрели на меня, что я онемела.

Приехали домой. Мамочка все поняла. Умная, скромная жена, мать и бабушка. Я так боялась потерять и ее — ей было очень плохо. Прилетел В.Д. с детьми. Заботу о похоронах взял на себя Институт иностранных языков во главе с генерал-полковником Андреевым. Спасибо им.

Мама лежала не поднимаясь, а мы накануне похорон лепили любимые папины пельмени, чтобы его помянуть, а на сорок дней я привезла из Киева небольших карасиков — ведь он был такой заядлый рыбак.

Была я в Москве, пока не поправилось здоровье мамочки. Хотела взять ее с собой, но она отказалась.

А жизнь продолжалась. Очень тяжело было на душе, но ведь убеждала себя, что все мы уходим из этого мира.

Дома, как всегда, множество житейских проблем.

Оленька начала учебу в университете хорошо, а потом училась только на пятерки. Но сказали, что отличных оценок ей ставить не будут, обязательно будет хотя бы одна четверка, хотя и знала на пять. «У тебя семья состоятельная, и тебе хватит обыкновенной стипендии. Если у тебя будут все пятерки, тебе надо давать повышенную. А есть ребята, которым материально нелегко, поэтому она им очень нужна». Оленька все поняла: самое главное — знания, а не оценки, Бог с ним!

Закончила Ольга университет на все пятерки. Тогда деканом факультета был Ю.Ю. Кондуфор — интереснейший человек, изумительный рассказчик, с большим чувством юмора и либерал. Студенты его очень любили, он им отвечал тем же.

После более чем четырехлетней учебы на факультете Оля получила работу на вечернем отделении университета. Она преподавала историю и готовилась к поступлению в аспирантуру. Было непросто — и подготовка к лекциям, и подготовка к экзаменам в аспирантуру. Да и ездить было далековато. Корпус находился на улице Ломоносова. Мы с В.Д. переживали, как она сумеет показать себя в этих условиях. Молодец, справилась! Работала очень хорошо. Когда заболел преподаватель параллельной группы, обе группы, с которыми ей приходилось работать, объединили, студенты были старше, чем она. Вопросы задают разные — по теме и не совсем. Но Ольга, знающая историю, тщательно готовилась к лекциям, стараясь рассказать то, чего не было в учебниках. Кончилось тем, что несколько человек перешли в ее группу.

Эти годы были как бы ее становлением как самостоятельного человека.

Десять лет назад был забавно-печальный случай. Ни для кого не секрет, что жизнь была не сладкой. Деньги мы потеряли, в магазинах пусто — ни еды, ни одежды. И появились модные понятия — чартерные рейсы, челноки. Люди начали ездить, чтобы прокормить семьи. Появились десятки рынков, где каждый продавал что мог. Появилась знаменитая теперь Петровка.

И поехали бедные челноки в Польшу, Турцию, Китай. Изучив сначала спрос, что-то везли туда, а потом оттуда к нам тряпье, обувь, бижутерию, искусственные цветы. У девушек тогда были модными леггинсы — узенькие брючки из силонового бархата. Дешевка, но смотрелась на стройных девчонках хорошо. Оленька с подружкой решили не отставать от моды и поехали на рынок. На одном из маленьких прилавков увидели то, что им понравилось. Ольга, держа в руках леггинсы, спрашивает продавца, молодого мужчину, о цене. А он, отвернув приподнятый воротник куртки, отвечает: «Сорок, а для Вас, Ольга Владимировна, двадцать». Это был один из ее студентов. Учебу ему пришлось бросить — жена, двое детей, надо было выживать. Сейчас этот парень успешно работает на телевидении.

Годы учебы вспоминают, как правило, с благодарностью и теплотой. Так и Оленька. Она очень начитана, остра на язык и не

лишена чувства юмора. Пришлась всем по душе, особенно мужскому сословию. С несколькими подругами университетских лет дружит до сих пор. А в студенческом лагере в Плютах она познакомилась со своим самым верным другом на всю жизнь теперешним мужем Михаилом Буцько. Он закончил факультет экономической кибернетики Киевского университета. Так как там была военная кафедра, то после окончания учебы, не пользуясь никаким блатом, поехал офицером-двухгодичником на Новую Землю. С Оленькой они переписывались и после его возвращения через несколько месяцев поженились.

Я его называю «любимый зять генеральши», а он меня — «любимая теща экономиста».

В.Д. тоже очень его любил, всегда говорил «наш Миша». В день его 55-летия в банкетном зале ресторана «Киев» на праздничном столе возле моего прибора стояла табличка с надписью «любимая теща». И я храню эту табличку как что-то очень теплое и дорогое.

Декан исторического факультета Кондурфор стал директором Института истории при Академии наук. Зная Оленькины способности и четкость в работе, предложил ей перейти работать в Институт истории в отдел Великой Отечественной войны. На семейном совете решили, что стоит, ведь Оля работала над диссертацией на военную тему.

В Институте истории работа интересная, а заведомом — Вячеслав Клоков, Герой Советского Союза, партизан-разведчик из отряда Федорова, прекрасный человек, отличный историк. Да и Институт истории территориально ближе к дому. А что уж говорить о директоре Кондурфоре, которого все ласково называли ЮрЮр. Он оказался другом мужа Галины Паторжинской, в доме которой мы познакомились и стали друзьями, особенно после Олиной защиты.

Сначала защитился Миша в Институте экономики, а потом Оленька. Защита прошла очень успешно. Работать осталась в Академии наук.

Наша дружба с ЮрЮром продолжалась до его последних дней. Вместе слевой Силаевым они были интересной парой, с юмором и неожиданными шутками.

Как-то у нас на даче отмечали день авиации. Приехали несколько человек, в том числе и Лева с Галочкой. Пока другие мужчины кодовали над шашлыком, Лева и ЮрЮр решили детально обследовать полуподвал, где мы сделали что-то наподобие пивного бара: обшили вагонкой, поставили маленький круглый столик и на нем огромный кувшин с пивом, а к нему я из черного хлеба приготовила маленькие соленые сухарики.

На улице жара, а пиво холодное. Окошечки в подвале маленькие, на уровне ног проходящих людей, ни в ширину, ни в длину не пролезть. Вошли, вздохнули с удовольствием, выпили по кружке пивка, крикнули, как полагается настоящим мужчинам. Выпили по второй и когда, наливая себе третью кружку, Лева на минуту отвернулся, ЮрЮр исчез.

Лева окликнул его — не отвечает, заглянул в кладовки — в одной инструменты и дачный инвентарь, в другой моя консервация. Нигде его нет. Зная ЮрЮра, Лева забеспокоился и бросился к выходу. Да не тут-то было, дверь снаружи заперта, как в детективе. Лева еще раз все обошел, даже заглянул под стол — никого. Понял, что это очередная шутка ЮрЮра.

А тот, заглянув в окошечко, сказал: «Консервов много, недельку перебежься, а твой шашлык я сам съем», — и исчез.

Окошечко подвала выходило на ту сторону, где мы редко ходили, но я в этот момент как раз проходила мимо. Слышу Левин голос: «Дуняша, выпусти меня отсюда». Слышу его голос, но не могу понять, откуда. Потом сообразила, спрашиваю: «Что ты там делаешь?». Отвечает: «Пиво пью».

Я вспомнила ухмыляющуюся физиономию ЮрЮра, когда стали раздавать шашлыки, и поняла, что здесь без него не обошлось. Выпустила Леву, а он говорит: «Не шуми, иди как будто ты меня не видела. Теперь я Юрку разыграю».

Я ушла, ЮрЮр с кем-то разговаривая, шутил, что Лева к соседке ушел. А Лева запер за собой подвал, незаметно вошел в беседку, взял свой шампур с шашлыком и громко, чтобы ЮрЮр слышал, говорит: «Так за что будем пить?».

ЮрЮр чуть не поперхнулся, спрашивает, как тот выбрался. А Лева отвечает: «Там ведь окошечко есть, хоть и маленькое, но я сжался и вылез».

ЮрЮр пошел к подвалу — дверь заперта, проверил все окошечки и, покачав головой, сказал: «Ну, Лева, погоди». Тоже самое сказал и Лева, выходя из подвала: «Ну, Юра, погоди».

Ждать пришлось недолго. Через некоторое время на даче у Паторжинских исчезает ЮрЮр. Я поняла, что это «кровная месть» и не ошиблась. ЮрЮр пошел в дачный туалет, а Лева, увидев это, быстро закрыл его снаружи. Деревенский туалет — не подвальчик с пивом и сухариками, и амбре, конечно, не «Лориган-Коти» да и не посидишь. ЮрЮр дергал дверь так, что некрепкое дачное сооружение содрогалось, — не помогло. Тогда он вспомнил, что у него в кармане есть перочинный нож и сумел просунуть его в щель около задвижки. Так пропотев минут двадцать, он все-таки открыл дверь. Вышел весь красный, потный и в Днепр. Когда ЮрЮр вернулся, Лева, как ни в чем не бывало, спросил: «Что ты так долго, мы думали, тебя русалка утащила».

ЮрЮр что-то проворчал и сверкнул глазами, замышляя очередной розыгрыш. А потом оба смеялись вместе со всеми, рассказывая и про подвал, и про туалет.

До университета ЮрЮр был завотделом ЦК по культуре. Когда представлять Украину ехала группа артистов или писателей, он часто возглавлял ее. Тогда очень популярным был молодой Дмитро Гнатюк, высокий, стройный, симпатичный, с прекрасным голосом. Его часто включали в творческие группы за рубеж. Прекрасный певец, особенно были хороши в его исполнении украинские песни. Но он очень любил позировать и быть популярным. Однажды группа деятелей культуры во главе с ЮрЮром была приглашена в Африку, причем в Центральную. Все было хорошо. Наши артисты были в восторге от того, как их принимали, и от экзотики, которая их окружала. В каком-то небольшом африканском государстве Гнатюк очень понравился главе государства и его окружению. Они были в восторге и подарили ему какие-то сувениры. Говорили, что никогда его не забудут, просили приехать еще. Гнатюк был «на коне». Приехав в Киев, восторженно рассказывал, как его принимали и хвалили. Говорил об этом повсюду и всем. ЮрЮра это смешило,

а потом стало немного раздражать. И вот вскоре после приезда, когда при какой-то встрече Гнатюк опять хвалил сам себя, ЮрЮр стал ему поддакивать и сообщил, что глава того государства хочет выразить свое особое восхищение его пением, но каким образом — ЮрЮр не знает. А через несколько дней шепотом, таинственно сказал Гнатюку, что в МИДе ему по секрету, но официально сказали, что глава государства решил подарить Гнатюку маленького чернокожего мальчика, который ему там очень понравился.

Дмитрий был в шоке. Несколько дней сам переваривал это известие, думал, что сказать жене и вообще что будет дальше. Он несколько раз обращался к ЮрЮру с просьбой все уточнить и помочь. ЮрЮр сказал, что отказываться нельзя, так как можно обидеть главу дружественного государства.

Тогда Гнатюк решил сам пойти в МИД. Когда он обратился с этим вопросом к сотрудникам, те, ничего не вразумевши, смотрели на него как-то удивленно, пока не поняли, что это розыгрыш.

Но ЮрЮр был не только озорник и шутник, он был прекрасный историк и руководитель. А самое главное — он был душевным человеком, всегда старался помочь тем, кто к нему обращался. Я хорошо помню, как он помог Галочке Паторжинской пережить смерть дяди Федора. Когда не стало Ивана Сергеевича, Федор был для нее как отец. Братья были очень похожи лицом и даже манерой разговора.

Федор был верующим человеком, и его отпевали на кладбище. Приехал батюшка, и все мы, стоя вокруг гроба у вырытой могилы, вспоминали этого необычного человека с необычной судьбой. После похорон стали разъезжаться. Галя слевой еще остались возле могилы, а сестра Галочки Лида с мужем, генералом Коротченко, сразу решили уезжать.

Лева попросил их отвезти батюшку в церковь, из которой его привезли на отпевание. Коротченко отказался, испугавшись, а что скажут, ведь в его машине едет священник. ЮрЮр без раздумий вызвался отвезти его, несмотря на то, что в машине был полный комплект пассажиров.

Батюшку отвезла я, после чего генерал сказал мне: «Как ты можешь в машине с номерами ЦК везти попа!». ЮрЮр, когда услышал эти слова, пожал плечами, а в моих глазах он еще больше вырос. Рассказала об этом В.Д., он коротко и четко сказал: «Хороший мужик».

Жизнь шла, и работа заполняла дни, а иногда и ночи. А окружали В.Д. в Киеве и «хорошие мужики», и не очень. Киев — золотое место. Киевский округ — жемчужина в Вооруженных силах Советского Союза. Сюда правдами и неправдами старались попасть люди и не очень хорошие — карьеристы, деляги, чьи-то родственники. Из групп войск в Германии и Польше многие мечтали обосноваться в Киеве. Забрасывали начальство округа и Москвы подарками. Вот так и появилось в армии несколько лиц — приятелей предыдущего командующего, разбираться с которыми было не просто. Армию надо было вывести на первое место. Киевская и Белорусская — ведущие армии, ведь это западное направление. Армия предназначалась для защиты от ударов с воздуха населения, крупных промышленно-экономических районов, административно-политических центров, войск трех округов, военно-морских баз и портов Черноморского флота на территории Украины и Молдавии. Уровень боевой подготовки личного состава, систем боевого управления, инженерное оборудование боевых порядков, войск — все должно соответствовать боевой задаче, поэтому проходили частые учения различных уровней, выезды соединений на боевые стрельбы и полигоны. Учения часто были совместными с войсками стран Варшавского договора по планам министра обороны и Генерального Штаба. Чтобы успешно управлять такой крупной и разнообразной группировкой войск, надо было иметь высокую личную подготовку, хорошо разбираться в особенностях каждого рода войск. Надо было знать противостоящую группировку, возможности воздушного противника, для защиты от которого и предназначена армия ПВО.

Что касается авиации, то в этой области В.Д. был первоклассным специалистом, годы войны и командование различными соединениями в мирное время дали ему знания и опыт в этом

вопросе. Что до других родов войск и их развития, то В.Д. всегда прислушивался к мнению специалистов, внимательно и уважительно относился к работе штаба, понимая, что это основной орган управления. Вывести вновь 8-ю армию на первое место, было для В.Д. делом чести, а не тщеславия. Смело могу сказать, что в становлении 8-й армии ПВО решающую роль сыграли два выдающихся летчика — Покрышкин и Лавриненков, которые последовательно командовали этой армией почти 15 лет.

Но и работая на износ, В.Д. старался уделить время и семье, и друзьям, особенно фронтовым. При малейшей возможности собирал фронтовых друзей. Несколько встреч было на берегу Днепра на катере одного бывшего однополчанина. Несколько встреч было на берегу Киевского моря, а иногда собирались просто в лесу. Отсутствие комфорта и цивилизации заменяли душевность и сердечность воспоминаний, неуставные отношения командира со своими бывшими подчиненными.

Как-то раз собирались в лесу по дороге на Киевское море. Там добрые люди сделали несколько беседок со столами и скамейками для приехавших отдохнуть. Требование одно — не устраивать поджогов и не мусорить.

В то лето приехали несколько летчиков и техников полка, так как на Украине были их родные. С помощью Бориса Чубукова В.Д. собрал всех. Суетились, спешили, В.Д. проследил, чтобы все нашли место встречи. За мной и закусками, которые я приготовила, должны были заехать.

Все собрались, а меня нет. Спыхватились, что в суете забыли за мной заехать. Срочно послали машину. Сижу дома с сумками и терпеливо жду. Наконец приехал водитель. Едем, он спешит. Говорю: «Не гони, а то за ЧП командарм нам голову оторвет». Приехали. За длиннющий стол под навесом никто еще не сядет, что-то возятся, а может, это ради приличия — меня ждали. У В.Д. смущенный вид. Все смотрят с выжиданием, устрою ли я сейчас сцену — не дождались. Я, выйдя из машины, скорбным голосом говорю: «Одна генеральша — и ту забыли». Раздался дружный хохот, а В.Д. говорит: «Мам, я в тебе не ошибся, что ругать меня не будешь». И все пошли к столу.

Я всю жизнь старалась, чтобы «погода в доме» была хорошей, и даже серьезные вопросы решала «путем мирных переговоров».

В.Д. очень любил своего фронтового механика Васю Моисеева и шофера Василия Погорелова. Моисеев, его почему-то называли «Капарака», живя в Одессе, сумел быстро найти В.Д. — в районе Одессы находились летные соединения и части РТВ и ЗРВ нашей армии. Но по скромности Моисеев долгое время не решался напомнить о себе. Потом кто-то из фронтовых друзей сказал В.Д., что Вася в Одессе, и он пригласил его на встречу.

А Вася Погорелов, живя в деревне под Харьковом, слышал, что командующий теперь Лавриненков, но тоже стеснялся обзывать, зная, что В.Д. теперь генерал. В.Д. узнал от кого-то из фронтовых друзей, где теперь Вася, попросил разыскать его. Нашли и во время одной из поездок по частям в тех местах В.Д. приехал к нему. Не передать удивления и радости семьи Погореловых. Жаль, что вскоре Василия не стало. А он у меня в глазах такой, каким приехал с фронта в Москву, пригнав машину. Когда приехал фронтовой комиссар полка Верховец, который был комиссаром еще при Шестакове, В.Д. очень взволновался — ведь он пришел в полк, когда Верховец уже был комиссаром. Сам он летчик, но по состоянию здоровья был списан, как не все начальники политотделов, понимал специфику работы и натуру летчиков. К В.Д. он долго присматривался, зная его характеристику из Черниговского училища — летное хулиганство. В Чернигове В.Д., уходя в зону на полеты, иногда гонял коров по полю; а зимой, проходя на бреющем полете вдоль русла реки, старался попасть из пулемета в проруби, за что несколько раз сидел «на губе». Когда в конце 1944 года, уже после плена, В.Д. представили к назначению командиром полка, Верховец был не очень «за». У него была другая кандидатура — Аркадий Ковачевич, прекрасный летчик, Герой и более дисциплинированный. В разговоре с командующим комиссар высказал свои соображения, на что командующий ответил: «Не был бы хулиганом, не спрыгнул бы с поезда на полном ходу, его риск всегда оправдан».

В.Д. с гордостью рассказывал комиссару о работе, подарил ему свою первую книгу «Возвращение в небо». Верховец так

же, как и Покрышкин, сказал, чтобы он обязательно писал, тем более, есть о чем и не надо ничего выдумывать. Все эти встречи со старыми и новыми друзьями вносили разрядку в его напряженную рабочую жизнь. А лучший отдых для него, когда была возможность, — охота, баня, иногда «пулька». Жизнь подарила ему таких друзей, как Борис Николаевич Лукьянов — министр лесного хозяйства, его заместитель Георгий Бабич и главный егерь Болденков. Часы, проведенные с ними, были настоящим отдыхом.

Он начал уставать, даже не то чтобы уставать, а как-то задыхаться. Врачи из поликлиники настоятельно требовали прийти на диспансеризацию, а ему все некогда. Рентген вообще не хотел делать, считал, что незачем облучаться, но чувствовал себя уже неважно.

К концу года — подведение итогов. Армия на первом месте. За многое, сделанное в войсках, Батицкий представил армию к награждению орденом. А я чувствую, что В.Д. нехорошо. Врачи его осмотрели: давление нормальное, желудок в порядке, видимо, просто устал. Но они взяли слово, что после приезда Главкома в связи с награждением В.Д. ляжет в госпиталь на обследование.

Приезд Батицкого, торжественное заседание и вручение ордена Красного Знамени прошли очень хорошо. Главком сам прикрепил орден к знамени армии, осмотрел гарнизоны вокруг Киева и остался всем доволен. В.Д. спросил разрешение лечь в госпиталь на обследование. Батицкий разрешил и сказал: «Лежи и лечись сколько надо, ты это заслужил».

И через день В.Д. уже был в нашем Центральном военном госпитале. Сделали анализ крови — гемоглобин низковат, а лейкоцитов много, РОЭ тоже повышена. Дело дошло до рентгена, и все испугались: прямо на аорте в переднем средостенье лежала большая, как лягушка, опухоль. Еще раз сделали рентгеновские снимки и убедились, что дело плохо, доложили Главкому. Тот потребовал немедленно отправить В.Д. в Главный военный госпиталь имени Мандрыки в Москве, туда, где лежал когда-то мой отец и в войну лежала я. Этот госпиталь был для военных как Кремлевская больница. Делать нечего, собрала ему вещи. Хотела сразу ехать с ним, но он сказал, что не надо. Обещал, когда

*Встреча с фронтовым шофером
Василием Погореловым*

сделают обследование, позвонить. Доложил командирующему округом, позвонил в ЦК Щербицкому, в Верховный Совет, всех предупредил о своем отсутствии.

Через неделю В.Д. позвонил мне и сказал, что хочет, чтобы я приехала, но дня через три, так как на несколько дней его отправляют в клинику Бураковского проверить, не проросла ли опухоль в сердце. Будет решаться вопрос, где оперировать. Я поняла, что значит опухоль есть и она большая, и

это не ошибка киевского рентгенолога. Через три дня я выехала в Москву. Когда приехала, мама тоже поняла: что-то серьезное. Я, как могла, успокоила ее, сказав, что В.Д. надо обследоваться. Он еще лежал в клинике Бураковского. Зондированием сердца удалось установить, что опухоль, лежащая на аорте, в сердце и сердечную аорту не проросла. Оперировать можно в военном госпитале в Серебряном переулке в Москве.

В.Д. держался хорошо, понимал, что ситуация серьезная, но не ныл, весь внутренне собрался. Лежал он в отдельной палате со всеми удобствами. В соседней палате умирал от рака легких маршал авиации Борзов.

В.Д. осмотрел один из лучших врачей-онкологов академик Блохин. Потом пригласили меня. Говорили как-то уклончиво, что надо бы делать операцию, но вы сами решайте. Я спросила: «Без операции можно обойтись?». Ответили: «Вряд ли». И я сказала, что нечего время тянуть, если по-другому нельзя, значит, операция. Начальник отделения полковник Вениамин Игнатьевич Маслов сказал, что операцию будет делать главный военный хирург Вишневский, а он будет ему ассистировать. Маме сказала, что Володю будут оперировать, она промолчала.

Накануне операции почти весь день была с В.Д., уехала часов в пять вечера. А он, как потом рассказал мне Маслов, часов в семь вышел погулять. Принесли ужин, а его нет. Мне звонить бояться, чтобы не волновалась. Обошли все отделение, заглядывали во все палаты — нет. А он поехал к Покрышкину, чувствовал, что может больше его не увидеть. Вернулся часов в десять и спокойно лег спать, привез с собой книгу — стихи Расула Гамзатова.

Я почти всю ночь не спала. Утром поехала в госпиталь, хотя мне сказали, что раньше двенадцати нечего приезжать, операция сложная и займет много времени. Около девяти позвонила мне Машенька Покрышкина, зная, что я собираюсь в госпиталь. Сказала: «В добрый час, с Богом!» — и я поехала.

Дежурный внизу сказал, что Вишневский уехал. Я не знала, что и думать. Стояла под окнами почти час, а потом решила подняться к операционной. С центрального хода нельзя было, пошла с другой стороны. Медленно поднимаясь по лестнице, слышу голоса людей, спускающихся сверху. Слышу голос начальника госпиталя, который говорит, что сейчас будет докладывать Батицкому, что Вишневский уехал, сказав, — больной уже неоперабельный. Я поняла, речь шла о В.Д. Сердце остановилось, стою на лестнице, потемнело в глазах. И тут они увидели меня и растерялись, поняв, что я все слышала. Начальник госпиталя взволнованно развел руками, даже сказать ничего не смог. А я поднялась к операционной. Спросила сестру, где муж, она ответила: операция продолжается. Я удивилась, сказав, знаю, что Вишневский уехал. «Операцию продолжает полковник Маслов», — ответила она, а сама мне в глаза не смотрит.

*Фронтовой комиссар 9-го
гвардейского авиаполка
Н. А. Верховец*

Я села на диван, стоящий недалеко от операционной. Двенадцать, час, два, не знаю, что и думать. Из операционной стали выходить сестры, врачи и никто на меня не смотрит. Потом вышел Маслов с двумя хирургами и прошел стороной в ординаторскую. Я сижу, сердце заходится. Вскоре сестра позвала меня туда, я пошла, ожидая приговора. Несколько человек за маленьким столиком разливали чай, спросили меня, не хочу ли и я чашечку. Поблагодарила, отказалась. А они молчат или что-то говорят, но не главное. Вижу, как им трудно сказать мне самое страшное — саркома, а я не знаю, жив ли он. Решила им помочь, сказала, что все знаю, слышала разговор начальника госпиталя на лестнице. Спросила: «Сколько вы даете ему жизни?». Маслов замялся, потом сказал, что по науке полгода. Под жировой оболочкой оказались саркомные клетки, они безжалостны.

«Но, — сказал Маслов, — еще в операционной он очнулся от наркоза и так пожал мне руку, что, я думаю, еще поборемся».

Пока я сидела в ординаторской, В.Д. перевезли в реанимацию. Я попросила разрешения хоть одним глазком взглянуть на него и, спасибо, разрешили.

Во время операции был растянут возвратный нерв голосовых связок, и В.Д. стал говорить тихо и хрипло. Вес опухоли 650 грамм. Такого плана операция была шестой в Советском Союзе. Когда вскрыли грудную клетку — сразу жировая капсула. Маслов подумал: «Вот обрадую жену». А когда отделили жир — типичное «рыбье мясо» по словам хирурга. Взяли на экспресс-биопсию. Оказалось самое страшное — радикулярная саркома. Опухоль лежала на аорте, проросла в плевру, обернулась вокруг пищевода, захватила левосторонние голосовые связки. После экспресс-биопсии Вишневский сказал, что оперировать бесполезно и уехал. Но Маслов, честь ему, хвала и бесконечная благодарность, не мог с этим смириться.

За время пребывания В.Д. в госпитале Маслов полюбил его как легендарного человека. Он не мог допустить того, чтобы просто так отдать его в вечность и под свою ответственность решил продолжить операцию. Эта операция была настолько редкой и необычной, что во время ее проведения делали съемки.

Двадцать дней после операции В.Д. пробыл еще в этом госпитале, а потом должен был переехать в госпиталь Бурденко, где был центр по облучению.

В.Д. прямо не говорили, что опухоль злокачественная, он понял все сам. Но мы старались об этом не говорить, просто знали, что надо бороться. Дней через пятнадцать он стал выходить в маленький садик на территории госпиталя.

Из Киева звонили друзья, все беспокоились. И если кто-то попадал в Москву в командировку, то старался обязательно проведать В.Д.

У Оленьки был последний университетский год, а Петро окончил Минское училище и получил назначение под Минск. Тетя Маша была с нами, и я могла не беспокоиться о доме.

В один из дней в госпиталь пришли друзья, заядлые охотники. — министр лесного хозяйства Лукьянов и писатель Мыкола Зарудный. В.Д. оживился, даже стал мечтать: ведь в конце лета охота на уток. В.Д. любил бить птицу «в лет». Друзья привезли ему фотографию, где несколько охотников из их компании стоят около убитого ими в Карпатах волка, не дававшего покоя жителям окрестных сел. Фотография очень колоритная: на опушке леса стоят друзья-охотники, а у их ног лежит огромный волк. И внизу подписали: «До встречи на опушке леса».

Приехала очень славная женщина Елена Рыбина и, как доказала жизнь, мой большой друг. Талантливая журналистка, энергичная, очень эрудированная, она развеселила В.Д. и даже взяла у него интервью.

Главком Батицкий, хоть и Лев Лампасович, но в трудную минуту показал себя человеком большой души. Ближе узнав В.Д. по работе, он проникся к нему чувством уважения. Теперь рабочий день Батицкого начинался с доклада начальника медицинской службы войск о состоянии В.Д. Сказал, что любые лекарства, если их нет в госпитале, сумеет достать. Особенно его взволновал рассказ Вишневого о том, что эта опухоль — следствие тарана во время войны. Удар в вилочковую железу не прошел бесследно. Там внутри была или ссадина, или крохотный стусток крови, который притаился до поры до времени, а потом отозвался горьким эхом. Батицкий несколько раз приезжал к В.Д. в госпиталь, чтобы его поддержать.

*Начальник отделения
военный хирург
полковник В. И. Маслов*

Прошло двадцать дней — и переезд в госпиталь Бурденко. Главный рентгенолог Москвы, осмотрев В.Д., красным и фиолетовым чернильными карандашами отметила участки, где надо облучать, то есть места, где была опухоль, чтобы как можно меньше задеть сердце, легкие, бронхи.

Лейкоциты и гемоглобин стали падать. В.Д. посинел, пошатывался. Нужны были орехи и натуральный гранатовый сок. Был конец апреля, в Москве — бешеные цены. Спасибо всем, кто был в это время с нами. Мамина сестра Женя выжимала гранаты, делая сок.

Очень тронули нас солдаты-комсомольцы, приславшие для В.Д. из Баку восемь килограммов гранатов.

В.Д. слабел. Я приходила часам к 10 утра и уходила часов в 10 вечера. Палата на втором этаже. Когда уходила, он стоял у окна и провожал меня взглядом до поворота. Дорога от госпиталя Бурденко до маминого дома была длинная — трамвай и метро. Что я только не передумала за время этих поездок, что только не вспоминала!

Врачом-рентгенологом в этом отделении был муж моей подруги детства Марго Баграмян. Я спросила его, как долго В.Д. может прожить. Он сказал, что это саркома и шансов нет, ну еще полгода. Дома маме я, конечно, об этом не говорила. Старалась за время езды из госпиталя домой прийти в себя и приехать с хорошим видом. А рано утром, когда ехала к В.Д., тоже старалась приезжать с улыбкой и верой в глазах на хороший исход. Когда я ехала из госпиталя домой или из метро в госпиталь на трамвае, недалеко от станции «Бауманская», читая вывески, чтобы стараться ни о чем не думать, увидела маленький ресторанчик под названием «Имба рыбака» и дала себе слово, что когда В.Д. выпишется и мы будем ехать к маме, то обязательно зайдем туда.

Процесс облучения разбили на две части, так как очень падали лейкоциты, и В.Д. отправили в подмосковное отделение госпиталя в Большеево. Это было числа 10 мая, а 17 мая ему 55 лет! В.Д. никогда не думал, что этот юбилей он будет встречать в госпитале, а я еще месяц назад вообще не знала, будет ли этот юбилей.

17 мая в Большеево стали приезжать друзья, но медики и я строго стояли на страже. Желающих приехать было много, но нельзя. В.Д. очень ослабел после облучения, и ему необходимо за две недели перерыва набраться сил, чтобы выдержать второй этап лечения.

С утра стали приносить поздравления и цветы, постоянно звонили. Позвонил и Маслов, обещал приехать, хотя, как никто другой, понимал, что В.Д. нельзя утомлять. Я, как могла, сдерживала поток желающих поздравить, но В.Д. в силу своей натуры и необъятных сердца и души старался каждому сказать хоть пару слов. А голоса ведь почти не было, хрипел. Приехал Байдуков с испытателем Коккинаки, из Киева от армии — да разве всех перечесть!

И никому и никогда В.Д. не жаловался, что ему очень плохо, что жить остается, вероятно, совсем недолго.

Часам к трем В.Д., посиливший и в холодном поту, лег. Я всем объясняла, что у него нет сил. Мне верили, оставляли адреса, цветы, а кое-кто и бутылочку.

Часам к пяти приехал Покрышкин с Машенькой. В.Д. лежал на диване, а мы сидели рядом и говорили, говорили, вспоминали обо всем. Иногда В.Д. хриплым шепотом

Елена Рыбина с внучком

вставлял слово, но больше молчал, улыбался и кивал головой. А мы старались говорить только о радостном, жизнеутверждающем, особенно о счастливых академических годах.

Через несколько дней я уехала в Киев посмотреть, что делается дома, а числа 25-го В.Д. забрали в госпиталь на вторую часть облучения. Я снова приехала. Было начало июня, довольно тепло, и мы с В.Д. в те дни, когда не было процедуры облучения, выходили на воздух. В это время приезжали многие друзья.

Во время одной такой прогулки я познакомилась с В.М. Красковским, тогда еще полковником. В.Д. знал его как хорошего, грамотного офицера и направил его в Академию Генерального Штаба. Его учеба подходила к концу, и он, узнав о болезни В.Д., приехал его проведать и проконсультироваться по некоторым сугубо военным вопросам. После его ухода В.Д. сказал мне, что, если он выйдет отсюда и начнет работать, то обязательно попросит Главкома, чтобы Красковского назначили помощником начальника штаба нашей армии. Так и случилось. За время службы у В.Д. было несколько начальников штабов. Хороши были Л.Г. Панов и В.М. Красковский. Они оба остались для В.Д. образцом штабных работников.

И вот настал день, когда В.Д. разрешили покинуть госпиталь. Собрали немногочисленные его пожитки и поехали домой к маме, заехав по дороге, как я дала себе слово, в «Избу рыбака».

На следующий день утром, попрощавшись с мамой и тетей Женей, мы взяли курс на Киев на нашем самолете.

В.Д. почти всю дорогу молчал, чувствовала, что волнуется. Голоса почти нет. Экипаж самолета счастлив, что везет своего любимого командующего в родную 8-ю армию.

Когда делали круг над аэродромом перед заходом на посадочную полосу, около дома руководителя полетов увидели с десяток машин и множество людей. Когда сели и подруливали на стоянку, все эти люди с цветами стали идти к самолету. Мы узнавали знакомые лица друзей В.Д., и я еле сдерживала слезы. Когда вышли, В.Д. буквально засыпали цветами. Он как-то застенчиво улыбался и платком вытирал глаза.

Дома нас ждали тетя Маша и прибежавшая из университета Оленька.

И началась домашняя борьба за здоровье В.Д.. Я с ужасом считала месяцы, ведь сроку дали с полгода. Но В.Д. потихоньку набирал силы, стал ездить на работу. Сначала на час-два, а потом все больше и больше. В первый же свой выход позвонил Батицкому, говорил тихим, шипящим голосом. Когда доложил: «Товарищ Главком, командующий 8-й отдельной армии ПВО приступил к работе», — Батицкий сказал: «А голос у тебя совсем не командный. Но самое главное — поправляйся и ни о чем не думай. Сколько можешь быть на работе, столько и будь. Я верю, что ты наберешь силы». И В.Д. стал набирать силы и потихоньку восстанавливать голос. Жил под пристальным наблюдением врачей.

Прошло полгода, а потом еще, уже десять месяцев, а он, к счастью, жил. Даже разок на охоту съездил, баньку с бассейном, что на аэродроме, несколько раз посетил. Правда, не парился, в бассейне поплавал и компанию поддержал. Хирург Маслов звонил несколько раз. Когда прошел год, это перевернуло все медицинские прогнозы. Маслов взял отпуск, поехал к своей матери в Кировоград и специально заехал к нам. Был обрадован и удивлен, но В.Д. показал ему странные узловатые опухоли подмышкой, которые нас очень волновали. Маслов сказал, что через 10 дней будет в Москве и ждет В.Д. на вторую операцию.

И мы снова поехали. Удалили множество узлов. Сделали биопсию — диагноз ретикулярный лимфогрануломатоз. Сверили со старыми срезами — идентичны. Саркомные клетки были сверху, но благодаря жировой капсуле не разрослись, а вовремя сделанная операция их все удалила. А лимфогрануломатоз — рак, медленно ползущий по лимфатическим узлам. Болезнь требовала довольно большой химиотерапии, которая давала надежду на 5 — 6 лет жизни, но после второй операции В.Д. прожил почти 14 лет.

Главком Батицкий сделал все возможное, чтобы приобрели лучшие в Европе лекарства для химиотерапии. Спасибо ему. Начали лечение, которое очень изматывало. Но, окончив первый цикл, В.Д. все-таки уехал домой, получив лекарства и надлежащие инструкции по их применению. Дома, отдохнув недельку, стал опять потихоньку выходить на работу.

В армии дела ухудшились: первое место потеряли, заняли второе. Это, конечно, тоже хорошо, но не для характера В.Д.. Собрал военный совет, разбирался во всех ЧП, в вопросах строительства и боевой подготовки. К концу лета части ЗРВ должны были ехать на стрельбы — это далеко, на Балхаше. Надо было, чтобы все офицеры ЗРВ были на высоте. Снова много учений и их разборов. Похудел, хрипел, даже лицо приобрело синеватый оттенок, но не сдавался. Гранаты, грецкие орехи, икру, любые витамины, все, что было нужно, старалась ему давать.

А в октябре, когда начался лет уток, собрался на охоту. У меня в глазах потемнело, ведь отдача приклада при стрельбе прямо подмышку, где вырезали лимфоузлы. Нашила ему на жилетку, которую надевал под куртку, слой ватина, чтобы не так травмировал больное место. Съездил три раза и даже уточек привез. Стрелял он здорово. Да и ружье было первоклассное — Зауэр «три кольца». Об этом ружье все говорили: «Класс!». Пока с охоты не придет, места себе не находила. Стою на кухне у окна, смотрю, не заворачивает ли в наш переулочек машина. Опять стал ходить в баньку и даже мог выпить рюмочку.

Через некоторое время снова химиотерапия и борьба со слабостью и упадком сил. Часто звонил Маслов, очень переживал за В.Д. Мы стали друзьями.

В.Д. начал потихоньку ездить в ближние гарнизоны, вникать в вопросы подготовки к стрельбам. Высший экзамен для войск — боевые стрельбы на полигоне. Там без всяких скидок и натяжек каждый летчик показывает, на что он способен. Сбил мишень, ходишь как король, промазал — расписался в своей плохой подготовке да и все подразделение подвел.

Только Господь знает, как В.Д. было тяжело после операции, облучения, химиотерапии, но он не сдавался, старался, чтобы армия снова достигла лучших результатов. В работе В.Д. немногословен, но внутренне был организованным и дисциплинированным человеком. Он редко отступал от задуманного дела, не дергал людей и не вносил нервозность в работу коллектива. Он умел подбирать кадры и верить им, избегая излишней опеки. Ведь и в больших, и в малых делах человек, если ему доверяют,

раскрепощается и раскрывает свои возможности. Очень важной чертой В.Д., за которую его любили и уважали подчиненные, была готовность брать на себя ответственность или разделять ее с тем, кто допустил промах. Это придавало подчиненным уверенность в действиях.

За время его командования армией было много интересных и поучительных случаев. Но я не военный специалист, и многое осталось в памяти в общих чертах. Чем-то В.Д. делился со мной, а что-то узнавала от его сослуживцев. Даже сейчас, когда прошло уже двадцать лет как его нет, я узнаю новые факты из его служебной биографии и просто о нем как о человеке. Но кое-что запало в память довольно точно, потому что случаи были интересные.

В октябре 1976 года дежурными силами радиотехнических войск в районе Севастополя была обнаружена воздушная цель малых размеров и с малой скоростью с курсом на базу Севастополя. Эта цель отделилась от одного из военных кораблей США во время их очередного захода в Черное море для разведки технических средств армии и Черноморского флота. Цель перемещалась со скоростью 150 километров в час на высоте около 1000 метров. Это был дистанционно управляемый аппарат для разведывательных целей. Нельзя было допустить его пролета и тем более возвращения с разведанными на борт американского эсминца.

Об этом доложили В.Д., который был уже дома. Чтобы выехать на командный пункт, нужно было время, а его не было. Цель могла уйти. В.Д., находясь дома, по правительственной связи

Еще раз военный хирург — генерал В. И. Маслов, подаривший В.Д. четырнадцать лет жизни

отдает распоряжение зенитно-ракетному комплексу на уничтожение цели. Подъем с аэродрома Бельбек скоростного истребителя с ракетным вооружением для перехвата был делом безнадежным, как это потом и подтвердилось. Разведчик был сбит в районе Евпатории при развороте на обратный курс. Корабли США сразу пошли на Босфор и вышли из бассейна Черного моря.

Вопрос о том, чтобы сбить цель ракетно-техническим средством, был сложный и спорный. Место расположения ракетного комплекса могло быть засечено. Но если бы цель не была сбита, то военная разведка США получила бы довольно четкую картину наших позиций на Черноморском побережье. В.Д. не побоялся ответственности, правильно рассчитав, в каком случае будут большие потери для нашей обороны от воздушного разведчика.

На охоте

В такой непростой, напряженной работе проходила наша с В.Д. и конечно же моя жизнь. Но он был оптимистом, считал, что жизнь — это горение, а не прозябание. Он любил жизнь во всех ее проявлениях.

Начатая с легкой руки Покрышкина писательская деятельность все больше его захватывала. Он понимал, что многое пережито и что не все шло гладко. Надо делиться с людьми и особенно с молодым поколением всем своим жизненным багажом.

Может быть, что-то западет им в души, узнают, как надо любить Родину и бороться за нее, как любить и ценить дружбу и

работать для людей в мирное время. В.Д. повезло в этой работе. У него был богатейший материал, но навыков умения литературного изложения не было — некогда было этим заниматься. Первая книга «Возвращение в небо» написана в соавторстве с Хорунжим. Хороший писатель, но он не давал В.Д. творчески мыслить и когда В.Д. пытался сам переделывать какие-то разделы или просто писать, был недоволен и часто возражал. Книга была хорошая, но много полотен. В.Д. хотел вложить в нее не только свои воздушные бои, плен, побег, но и всего себя, свою душу и свое видение и восприятие событий.

Дальнейшая работа на литературном поприще связана с замечательным человеком, военным журналистом Н.Н. Беловолом. Он соавтор В.Д. во всех его дальнейших книгах. Сам НикНик, как я его любя называла, окончил в молодости авиационное училище, поэтому знал терминологию и хорошо разбирался в авиации. Вместе они написали пять книг. НикНик научил В.Д. не только рассказывать, но и записывать всплывшие в памяти эпизоды. Не сразу все удавалось, но со временем получалось лучше и лучше. Материал тщательно обрабатывался и включался в издание. Книгу они назвали «Без войны». Пожалуй, это была первая книга в мемуарной литературе послевоенного периода, которая описывала людей, прошедших войну и возвращающихся к мирной жизни, но не на «гражданку», а в воинские части.

Новые задачи, новые условия работы и жизни. А летный состав был молодой, горячий, привыкший к боям и постоянному риску. Книга удалась. В.Д. смог показать свое становление как командира в мирное время: боевая подготовка, дисциплина, новая техника и быт, который был совсем не простой. Встреча с Луи Дельфино все время была в памяти. Начал собирать материал, связанный с полком «Нормандия — Неман». После первой операции, когда В.Д. еще лежал в госпитале, к нему приходили техники этого полка, которые обслуживали самолеты французских летчиков. Они подарили В.Д. журнал французских ВВС «Икар», выпущенный к 25-й годовщине Победы. Переводчик перевел статьи французских летчиков. Этот документальный материал лег в основу книги. Мне кажется, да и не только мне,

что это лучшая книга В.Д. Книга была переведена на украинский, казахский и болгарский языки, а потом и на французский. Общество «Нормандия — Неман» во Франции заказало киевскому издательству 10 000 экземпляров, которые там быстро разошлись. В работе над книгами В.Д. как бы отдыхал от постоянной напряженной работы в армии.

Я помогала ему чем могла. Вычитывала материалы, писала письма людям, связанным с темой книги, частично также вела и депутатскую переписку. Тогда у депутатов не было секретарей, персональных машин и таких, как сейчас, окладов. Все было намного скромнее и порядочнее, но работы хватало, а пустой болтовни было намного меньше.

В.Д. сидит несколько дней на сессии, а голова раскалывается от мыслей — как там полеты, строительство, дисциплина. А после сессии отчет перед избирателями о сессии и о том, чем удалось им помочь. Где-то надо было провести в колхоз газ, где-то проложить дорогу, где-то помочь со строительством фермы, школы, больницы, помочь купить дешевые, списанные в воинских частях полуторки. Все успевал, может быть, поэтому у простых людей — тружеников села о нем такая благодарная память.

А здоровье не радовало. Во время одного из обследований в Киеве снимки и все анализы оказались тревожными. Позвонила в Москву в радиологию. Там сказали, чтобы срочно приехал. Собрала ему и себе вещи, так как понимала, что может быть снова рентгенотерапия, а это несколько недель. Была поздняя осень. Набрала домашних консервов — клубнику, вишню, облепиху и в путь вместе с нашим армейским врачом.

Прилетели и сразу в госпиталь. В.Д. сидит впереди и молчит. Чего только я не передумала за дорогу! Подъезжаем к воротам, но не к главному входу, а к боковому, где я всегда ходила. Там до радиологии метров триста. Мы с врачом полковником Денисовым на заднем сидении. И вдруг из ворот прямо нам навстречу выезжает грузовая машина, ее номер начинался цифрой 17. Меня как током ударило. Схватила за руку молчавшего Денисова и громко говорю: «Все будет хорошо. Паника ложная».

У самой сердце колотится. В.Д. повернулся, ничего не сказал, только улыбнулся, а Денисов растерянно посмотрел на нас. Через день мы улетели в Киев. Паника действительно была ложная. А 17 — это число В.Д. Это его день рождения и позывной его самолета во время войны «Сокол-17». Врач был потрясен моей верой. Я всегда помню слова Всевышнего: «Вера твоя спасла тебя».

Домой вернулись как победители. И опять все сначала — работа, работа, но, кроме того, жизнь, встречи с друзьями и новая книга «Сокол-1» снова в соавторстве с Н. Беловолом. Это книга о любимом командире Л.Л. Шестакове.

Сын Шестакова Лев-младший был переведен из Прибалтики в Киевскую армию. В.Д. наблюдал за ним как за родным сыном.

А наш Петро окончил Минское училище и работал сначала недалеко от Минска, а когда после первой операции уже никто не надеялся, что В.Д. выживет, Главком перевел Петра в Киевскую армию в Севастополь. Там он командовал ракетно-техническим дивизионом на мысе Фиолент. Жили они с женой в Севастопольском гарнизоне, там и родился их сынишка Вовочка.

Его жена Люся была чудесная хозяйка, все умела — и шить, и вязать, и вкусно готовить. Но как всем женам военных, ей было очень трудно с работой: то живут в гарнизонах, откуда не прыгнешь, то бесконечные переезды. Они пошли нашим путем. Предпоследняя должность Петра — командир полка в Гомеле. Но полк должен был перебазироваться в Монголию, а у Пети было плохо с ногами, ему сделали две операции — вытянули вены, он не мог носить сапоги и брюки-галифе. А в Монголии основной вид транспорта у военных — конный, а форма — галифе и сапоги. Спасибо командованию войск ЗРВ в Москве. Они ушли это и перевели Петра в штаб Московского округа. Первое время он жил у моей мамы, а потом получил двухкомнатную квартиру под Москвой в Кунцево.

У Люси не голова, а, как говорят, сельсовет: она сумела обменять эту двухкомнатную квартиру и квартиру моей мамы на прекрасную квартиру в центре Москвы. Раньше эта квартира была коммунальной, поэтому сильно запущенной. Дом старый,

В. Д. Лавриненков и Дважды Герой Советского Союза генерал Н. М. Скоморохов среди украинских литераторов. Слева направо: А. Стась, В. Кондратенко, А. Хорунжий, Н. Беловол

его еще перед революцией построил фабрикант Савва Морозов для артистов Художественного театра.

К моменту обмена мамочки не стало, и в новую квартиру с семьей Петра переехала тетя Женя.

Вовочка учился в школе, Петро работал, Люда — по хозяйству и еще вела занятия по аэробике — гибкая, пластичная, красивая. Все было поначалу хорошо. Но через несколько лет после смерти В.Д. они расстались. Кто виноват? Наверное, все понемногу, но, думаю, больше всех Петр. Да и себя виню. Конечно, на расстоянии трудно разобраться.

Больше года я не давала Петру разрешения на развод. Потом Петя женился на другой женщине, Люся вышла замуж за другого мужчину.

Я благодарна им обоим. Люсеньке я благодарна за то, что она сумела воспитать Вовочку в любви и уважении ко всей нашей семье: она до сих пор, когда звонит, называет меня «мамочка».

Аллочка — вторая жена Петра сумела быть с ним рядом, когда ему было плохо и когда он болел. Спасибо ей. Она женщина

работающая, с непростой судьбой, видевшая счастья в жизни совсем немного. У нее дочь Леночка. С Петром они друзья. А теперь он и дедушка — у Лены двое хороших ребятешек — Настенька и Андрюша. Особенно Петя привязался к Андрюше. Для меня очень важно, что отношения у двух семейств не только цивилизованные, но и дружеские. За это я их всех ценю и уважаю. Петро с мужем Люды — друзья. Даже одно время работали вместе — было общее дело. Петро несколько раз был у них в гостях в Лас-Вегасе. Аллочка тоже нашла с ними общий язык и встречалась во время своей поездки в Америку.

И Аллочка с Петром, и Вовочка со своей женой Лизой, будучи в прошлом году у нас в гостях, были в круизе на теплоходе, носящем дорогое для всех нас имя. Внук Владимира Лавриненкова — на теплоходе, носящем имя дедушки — «Генерал Лавриненков». Это ему память на всю жизнь.

А в Севастополе на Сапун-горе, где создана диорама, на стенах выбиты имена героев, освобождавших город. И среди них В.Д. Лавриненков — Почетный гражданин Севастополя.

Годы летели. Появились новые друзья, старые уезжали или уходили в вечность. Не стало комиссара партизанского отряда Ломако и его жены, разведчиков Крячко, Янцилевича и многих фронтовых друзей.

Но жизнь дарила нам новые встречи и новую дружбу, сохраняя в душе память об ушедших. Никогда не забуду уже ушедших из жизни министров Б. Лукьянова, О. Касьяненко и Н. Славова.

Б. Лукьянов — министр лесного хозяйства. Не так часто встретишь людей не только влюбленных в природу, но и делающих все, чтобы ее сохранить. Веселый, остроумный, с хорошим голосом, он всегда был душой компании. Да еще и прекрасный, грамотный охотник. Это была основная точка соприкосновения В.Д. и Бориса Николаевича.

О. Касьяненко — министр легкой промышленности. Они с женой Любочкой — верные друзья. Сколько теплоты исходило от них, когда не стало В.Д. Касьяненко и познакомил нас с семьей Н.А. Славова, тогда стоявшего во главе Укрречфлота, а впоследствии ставшего его первым Президентом.

Знакомство с ним состоялось у одного из днепровских причалов Киева. Мы все жили в одном доме, только в разных подъездах. В одно из воскресений, когда собирались ехать на дачу и уже вышли к машине, встретили Касьяненко. Он предложил поехать с ним и его женой к Славову, который устраивал увеселительную прогулку по Днепру на солидном катере начальника Укрречфлота. В.Д. как-то замялся и сказал, что неудобно, ведь приглашали только Касьяненко, хотя в душе я чувствовала, что он не против прогулки. Короче, мы согласились и прямо в чем были, так и поехали, поскольку Олег Яковлевич сказал, что еду брать не надо, а вид у нас вполне речной. Ну, а НЗ всегда с нами. Подъехали к причалу. Касьяненко с женой первыми вышли из машины, Славов уже ждал их около причала. Олег Яковлевич оглядывается, а мы не выходим — как-то неловко. Он рукой поманил нас, и мы с В.Д. подошли сзади и как бы спрятались за его могучую спину. Славов, зная скромность В.Д. в жизни, шутя сказал, что Герой — летчик, а прячется за спину легкой промышленности. Все рассмеялись, а В.Д. сказал, что как-то неудобно, что мы приехали без приглашения, что, может быть, нет мест. Но Славов ответил своей любимой поговоркой, которая и у нас потом вошла в обиход: «У матросов нет вопросов». И действительно, вопросов не было, всем хватило места, и мы великолепно провели воскресный день.

Анатолий Сенников — мясо-молочная промышленность, Олег Касьяненко — легкая промышленность, Николай Славов — Укрречфлот, Борис Лукьянов — лесное хозяйство, Алексей Горяшко — авиация, Василий Большак — кинематография и известный писатель, ну и конечно мой супруг — чисто тебе мини Совет Министров. Почти все отрасли, так что разговоров о политике и делах в республике всегда хватало.

Меня всегда удивляло стремление В.Д. увидеть и узнать что-то новое. Но если это новое было нестоящее, то он не вникал в суть дела, а там, где он чувствовал что-то нужное и интересное, то досконально разбирался. Так и в литературе, искусстве и научных трудах, так и в своей работе.

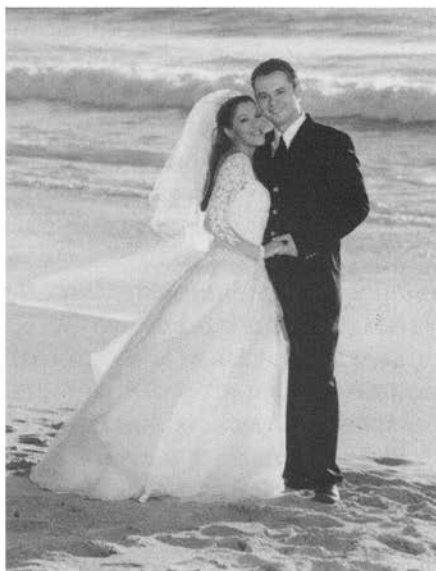

Очень любил путешествовать и хотя бы неделю отпуска оставлял для знакомства с нашей великой необъятной Родиной. Благо, на всей территории страны почти все командующие армиями были выходцами из Минской или Киевской армий и учениками В.Д., а в Архангельске и Узбекистане были его фронтовые друзья. В составе Ташкентской воздушной армии находился 9-й гвардейский истребительный полк, которым в последний год войны командовал В.Д.. Полк стоял в Андижане. В.Д. с двумя другими фронтовыми летчиками полка был почетным гостем авиаторов. Молодые, послевоенного выпуска летчики гордились тем, что им выпала честь служить в этом полку. В клубе части был представлен весь путь полка, фронтовые фотографии и боевые листки тех лет. А вдоль дорожки, ведущей к клубу, стояли бюсты 28 Героев. Потом В.Д. рассказывал мне, что очень волновался, когда увидел боевое знамя полка, а также почет и внимание, с которым все относятся к памяти погибших и к живым Героям. Он привез много фотографий. Понравилась древние узбекские мечети, был интересен быт города, который он увидел не в кинофильмах, а воочию.

Летал с фронтовым летчиком Чубуковым в Хабаровск, был на Камчатке в долине гейзеров. Ему все было интересно, хотелось как можно больше увидеть, как бы пощупать своими руками.

А потом, после операции, когда он набрал силы, мы ездили вместе да еще и друзей своих сагитировали.

Командующим Новосибирской армией в это время стал генерал-лейтенант Башняк, который у В.Д. раньше был ко-

Внук Владимир Лавриненков-младший со своей избранницей Лизой

мандиром Львовского корпуса. Уезжая в Новосибирск и зная любовь В.Д. к путешествиям, он пригласил нас посетить те края, что мы и сделали. Собрали команду — Лукьянов, Зарудный и Любочка Касьяненко. Сам Касьяненко поехать не смог. Купили всем билеты, только В.Д. бесплатно, и полетели. В каком-то городке уже за Уралом была посадка. Часа два мы ходили по городу. Зайдя на почту, Любочка решила дать мужу телеграмму. Мне поручили составить текст. И я написала:

*Во глубину сибирских руд
Летим мы без сомнения
Лав, Кас, Лук и Заруд
В отличном настроении.*

Все наши фамилии сокращенно. Телеграмма пришла в Киев часов в двенадцать ночи. Касьяненко, проснувшись, перепугался, а прочитав телеграмму, спросонья не мог понять ее содержания. Лежа в постели, перебирал в уме запомнившийся текст, и наконец его осенила догадка. Когда мы вернулись, сказал: «Всю ночь не спал из-за этих Лав, Кас, Лук и Заруд».

А поездка была необычайно интересная. Где мы только не побывали! Иркутск, где я около церкви положила цветы женам декабристов. Новосибирск, Красноярск, а в районе Красноярска заповедник — Красноярские столбы. Сказка! Братская ГЭС, Красноярская ГЭС, тайга и изумительная речка — «Ах ты, речка, речка Бирюса». Тайга потрясла своей непроходимостью и красотой с воздуха. Жизнь только по берегам Бирюсы. Там мы варили уху. А потом полетели самолетом на Абакан и в Шушенское. Когда вылетели в Абакан, было вроде бы холодно, мы утепились. Шушенское — Сибирь, место ссылки, наверное, холод, но на самом деле совсем нет. Место райское, тепло, даже жарко, а была вторая половина сентября. В Шушенском арбузы вызревали, так что Владимир Ильич знал, куда ехать в ссылку.

Впечатлений от поездок на всю жизнь! А Байкал, его красоты трудно описать, надо видеть: чистейшая вода и роскошные берега. Только бы человек все это не испортил. А через пару лет мы с В.Д. вдвоем летали в Свердловск. Плавали на катере по Чусовой. Посетили Пермь. Богатейший край, но человек уже оставил здесь свой не совсем добрый след. Все впечатления от

увиденного и встречи с новыми интересными людьми давали В.Д. какой-то жизненный импульс и веру, что еще будем жить!

А жизнь и работа порой приносили и не совсем приятные сюрпризы. Основной вопрос в работе армии — ее боеготовность, мгновенная реакция на пролеты или угоны самолетов. Угон летчиком Беленко новейшего истребителя и пролеты иностранных воздушных разведчиков были тщательно изучены, принимались строгие меры, издавались строгие приказы, хотя они не всегда были рациональны.

Нарушения наших воздушных границ участились. Министр Гречко издал приказ о круглосуточном дежурстве летчиков истребительных звеньев. Летчику было предписано круглосуточно находиться в самолете, а не в дежурных домиках на аэродроме, то есть боевая готовность №1. В.Д. сам неоднократно проверял, какой при этом выигрыш во времени и какие потери в остальном. Выигрыш — одна-две минуты, проигрыш — неимоверная усталость летчиков, сидящих на парашютах в одном и том же положении по несколько часов. Это сильно сказывалось на их здоровье, моральном духе и на отношении к службе. В.Д. поездил по частям, побеседовал с летчиками, медиками и пришел к выводу, что этот приказ надо отменить, так как он принесет только вред и в конце концов снизит боеготовность истребительной авиации ПВО.

Министр решил собрать коллегия, на которой среди прочих вопросов рассматривался и приказ о круглосуточных дежурствах. Но в это же время в Киеве был пленум ЦК, а В.Д. — член ЦК, сидит в президиуме. И это как раз в тот день, на который было назначено рассмотрение вопроса о приказе.

С Президентом Укрречфлота Н. А. Славовым

В.Д. очень переживал, что не пришлось поехать в Москву. Он подготовил всевозможные справки, отработал несколько вариантов доклада.

Наконец началась коллегия, министр спрашивает, где Лавриненков. Ему сказали, что на пленуме ЦК. Министр приказал срочно его вызвать. Я смотрела по телевизору открытие пленума, видела мужа в президиуме. Через некоторое время опять подошла к телевизору посмотреть на В.Д., так как всегда боялась, что он начнет дремать. Вижу, его место пустое, еще раз подошла — опять его нет. Стала беспокоиться. Звоню в приемную к адъютанту — его тоже нет. Дежурный ответил, что командующий вместе с адъютантом выехал на аэродром. Стало тревожно: подумала, что-то случилось, а потом вспомнила, что у министра коллегия и, очевидно, его вызвали туда. В.Д. говорил мне, что если он поедет, то уж выскажется и докажет всю абсурдность этого приказа. «Ну, — думаю, — в любом случае будет тяжело».

Москва. В.Д. вошел в зал к концу заседания. Как ему потом сказали, до этого выступало человек двенадцать генералов и маршалов, но никто не решился затронуть вопрос о круглосуточных дежурствах летчиков в самолетах. Министр, увидев В.Д., сразу дал ему слово. Ему вручили текст заготовленного доклада и попросили не отступать от него. Прочитав страницу тезисов, В.Д. попросил у министра разрешения продолжить доклад своими словами и порассуждать о том, как летчикам дежурных звеньев лучше выполнять свою боевую задачу. Его выступление привело всех в шоковое состояние, хотя в душе ему единогласно аплодировали. Министр молча все выслушал, а в заключительном слове признал неэффективность приказа. Вскоре приказ был отменен. Но сколько у В.Д. ушло на это энергии, нервов, здоровья. Ведь после доклада некоторые чины говорили: «Вздумал министра критиковать и учить!». Но наш Главком — Лев Лампасович молча пожал ему руку и сказал: «Я не ошибся, когда решил тебя с пленума вызвать».

А жизнь нашей семьи продолжалась. В.Д. был очень внимателен к моей маме. Когда он летел в Москву, всегда брал меня с собой, чтобы хоть пару дней ее порадовать.

Тогда после смерти моего папы состоялась встреча мамы с поэтом Мыколой Бажаном. Бажан думал, что мама во время войны погибла в Умани. После войны при посещении Умани у поэта всколыхнулись воспоминания, и они вылились в поэму «Дебора», посвященную маме.

Уманский историк-краевед Комарницкий переписывался с маминной младшей сестрой, и когда Бажан в очередной раз приехал в Умань и был у него, тот сказал, что мама жива. Бажан разволновался и взял у Комарницкого адрес. Через некоторое время мама получила письма и от Комарницкого, и от Бажана. Поэт вспоминал незабываемые юные годы в театре Курбаса, спросил, может ли он ее проведать. Мама согласилась. И вот почти через шестьдесят лет Мыкола Платонович с букетом цветов стоял возле маминной двери на улице Володарского в Москве. Оба находились по разные стороны двери, сильно волнуясь, ведь прошло много лет! За несколько мгновений, пока мама подошла к двери и открыла ее, сколько всего пронеслось в их памяти. Встретились два человека, связанные дружбой и работой в юности. Сразу даже говорить не могли, всматривались в лица друг друга, измененные годами и тяготами войны. А когда все-таки нашли дорогие черты юности, в душе сразу потеплело и спала напряженность на лицах. Сидели и говорили, говорили — красавица Раиса Зорич и поэт Мыкола Бажан. Эта встреча, воспоминания и письма, которые Мыкола Платонович писал маме, помогли ей пережить трудное время после смерти моего отца.

Когда мама умирала, она просила передать письма Бажана мне, и тетя Женя сделала это. А после смерти Мыколы Платоновича его супруга Нина Владимировна уговорила меня отдать письма ей для включения их в издание полного собрания сочинений Бажана. Я так и поступила, о чем теперь очень сожалею.

Архивом Бажана занималась чудесная женщина Наталья Александровна, которая раньше работала в музее Тычины. Бажан и Тычина жили в одном доме. В квартире Тычины музей был уже давно, там проходили интереснейшие литературные встречи. Наталья Александровна не раз также устраивала вече-

ра, посвященные Бажану, на которых я всегда бывала. Теперь в квартире Мыколы Платоновича тоже начал работать музей.

Благодаря В.Д. я в Одессе встретила с двоюродным братом моего отца, которого не видела лет тридцать. Они с папой оба были из Уржума Вятской губернии. Их было три двоюродных брата: мой отец Петр, Андрей и Григорий. В империалистическую войну все трое воевали в царской армии. У отца был даже Георгиевский крест, как я узнала со временем. Но дороги братьев разошлись. В двадцатых годах отец уже был в Красной Армии. Андрей жил на родине, а потом тоже ушел в Красную Армию, а Григорий был в белых войсках. После разгрома белогвардейцев с остатками войск бежал за границу. До Андрея дошли слухи, что он чуть ли не в Америке.

Началась Великая Отечественная война. Дядя Андрей — командир артиллерийской дивизии, которая одной из первых стала гвардейской, а сам он — Герой Советского Союза. Папа — дипломат, разведчик. О Григории — ни слуху, ни духу.

Дивизия дяди Андрея в конце войны брала Бухарест. Там были и союзные войска. Один американский генерал спросил дядю Андрея, не его ли это брат известный актер и продюсер в Голливуде Грегори Ратов. Андрей отнекивался как только мог. Американец рассказал, что Грегори недавно снялся в нашумевшей кинокартине «Все о Еве» и был продюсером широкоизвестного фильма «Балерина», который, как сказал американский генерал, вскоре также появится и на наших экранах.

Дядя Андрей, рассказывая об этом папе, говорил, как он перерождал, опасаясь КГБ. А я, когда у нас на экранах появились эти фильмы, конечно же пошла их смотреть. Да, Грегори Ратов — продюсер «Балерины», но в фильме его нет, а когда посмотрела «Все о Еве», в одном из героев нашла какие-то черты сходства с ратовской породой.

Уже потом, когда мы с В.Д. были у дяди Андрея в Одессе, командующего артиллерией Одесского округа, он смеясь рассказывал нам, как все время боялся, что КГБ пронюхает о его родственнике.

М. П. Бажан в последние годы жизни

Не так давно ко мне приезжала моя троюродная внучка, очаровательная девушка, которая с компьютером и интернетом, как говорится, на «ты». Она нашла о Григории немного материала, хотела узнать, есть ли у него потомки. Оказалось, есть кто-то в Испании. Она связалась с родственником, получила его фото, но ничего ратовского в этом лице не было.

Петр Тимофеевич Тронько — человек и друг, о котором можно написать не одну книгу о разных периодах его жизни.

Они с В.Д. познакомились на фронте. Тронько поздравлял В.Д. с первым сбитым самолетом. Он был знаком с В.Д. раньше меня. Во все наши приезды в Киев мы встречались, а уезжая, расставались. Встречались с радостью, а расставались с грустью, сожалея, что рядом не будет этого близкого человека. Как много он сделал для истории Украины, для настоящей, истинной истории. Создание историко-этнографического музея в Пирогово — это его идея. Он начал работу по сбору неповтори-

мых образцов народного быта и архитектуры. Сколько написал книг и статей о народе, о Героях Украины и Советского Союза, защищавших нашу Родину в годы Великой Отечественной войны. Как много он помогал и помогает людям, как много делает для увековечивания памяти Героев. Это с его помощью удалось поставить в Одессе памятник 9-му гвардейскому полку. Раньше полк был 69-м. Этот полк под командованием Льва Шестакова был единственным полком ПВО, защищавшим Одессу.

Я благодарна жизни за то, что мы теперь живем в одном доме. Возраст у П.Т. Тронько солидный, ему уже за девяносто, но ум светлый, ясный. Он всегда подтянут, корректен в решении любых вопросов.

В школе № 210 на Оболони есть музей 9-го гвардейского полка. В середине 90-х годов группа ветеранов с помощью руководства школы, и особенно военрука полковника Гойко Неговача, полностью обновила этот музей и сейчас он один из лучших в нашем городе. Петр Тимофеевич не раз посещал эту школу и выступал там.

П.Т. Тронько удостоен высокого звания Героя Украины. Он настоящий Герой, что доказал всей своей жизнью. Он всегда знал и уважал прошлое нашей Родины. Прекрасно понимал, что хорошо и достойно подражания, а что не так, должно быть изменено. На таких людях и друзьях держится общество, страна. Петр Тимофеевич приобщил В.Д. к культуре и искусству Украины, и не только Украины. Многие выставки или правительственные концерты мы посещали вместе.

В.Д. очень любил украинские народные песни, не воспринимал, когда почти в каждом концерте академические голоса пели о Стеньке Разине. Когда на очередном концерте объявляли эту песню, он говорил: «Ну когда же он, наконец, утопит ее совсем! Песня хорошая, но нельзя же так!».

Когда мы отдыхали в Трускавце, там недалеко от источника была беседка, где собирались отдыхающие незнакомые люди и пели украинские душевные песни, так называемые «трускавецкие спиваночки». Мы часто подходили туда, стояли поначалу далеко, а потом подходили все ближе и ближе. Пытались петь с ними, запоминать слова, хотя В.Д. слон на ухо наступил, а у меня, увы, не было голоса.

В.Д. любил в песнях не только хорошие мелодии, но и настоящие душевные слова. Он любил смысл во всем. Никогда не забуду, как буквально за несколько недель до его смерти я слушала какой-то эстрадный концерт после программы «Время», которую В.Д. прослушал и пошел отдыхать, так как чувствовал себя плохо. Песни звучали хорошие, без грохота, но с такими примитивными словами ни о чем. Да и певцы и певицы были еще одеты, не полуголые. Послушаешь такую песню — ничего ни в памяти, ни в душе. И вдруг — Николай Гнатюк и «Малиновый звон». Я устремила как-то вперед, вслушиваясь и в музыку, и в слова. Боковым зрением вижу, что в дверях стоит В.Д., опершись о косяк. И он, и я молчали, не хотелось вторгаться в песню. Когда она закончилась, я повернулась к В.Д., а он, как-то застенчиво вытирая глаза, ушел.

*Малиновый звон на заре,
Скажи моей милой земле,
Что я в нее с детства влюблен,
Как в этот малиновый звон.*

В словах этой песни было все то, что В.Д. чувствовал. Он любил родную землю, жизнь и людей, для защиты которых сделал все что мог. И теперь, когда я слышу эту песню, мне кажется, что я получаю от него привет.

Сотрудники музея Великой Отечественной войны и работники телевидения, когда я там выступала, давали тихим аккомпанементом его любимые песни «Журавли» и «Малиновый звон». Я благодарна им за чуткость и понимание.

Уверена, что любовь к родимой земле дала В.Д. силы выжить в войну и прожить после тяжелейших операций еще четырнадцать лет. Эта любовь к Родине и людям давала ему силы работать с полной отдачей, несмотря на состояние здоровья. Он хотел охватить все — основную работу, писательский труд, умение помогать людям, путешествия, чтобы еще больше познать простор и душу нашей земли.

Удивительна и трогательна его любовь к людям, и не только к друзьям. Всегда старался помочь, если видел, что человек по-настоящему нуждается в его помощи. Как-то, отдыхая в

П. Т. Тронько и В. Д. Лавриненков

санатории «Черноморский» под Ялтой, на окраине Никитского ботанического сада, В.Д. решил показать не только мне, а и нескольким министрам, как работают офицеры в небольших гарнизонах и как живут их семьи. У Черного моря красивая, покрытая невысоким кустарником гора Ай-Петри. Наверху находится радиотехнический гарнизон. Люди, работающие там, защищают нашу Родину от пролетов непрошенных гостей. Когда В.Д. сказал, что там находится дивизион, почти все отдыхающие, а это были работники Совмина и ЦК, сказали: «Везет же людям». Солнце и море рядом целое лето. Красота! Вот и решил В.Д. показать им в натуре эту «красоту», а также то, что военные недаром хлеб едят. Поехали на нескольких машинах. Подъехали к горе, и начался подъем по более или менее приличной дороге. Вначале встречались даже несколько ресторанчиков, а потом дорога становилась все хуже и хуже. Приехали на каменистую площадку. Лес остался внизу, а здесь почти пусто, только редкий кустарник. Стоит несколько двухэтажных домиков для семей офицеров, казарма и столовая для солдат, маленький почти пустой магазинчик и локаторы.

А главный хозяин — ветер, причем в любое время года. Летом раз в день вниз ходил автобус, и женщины бросались в него, чтобы поехать на базар. Но это летом, а зимой туда продукты доставляли только на вертолете. Да весна и осень тоже не очень баловали. Жены офицеров молодые, многие имели специальность, а работать негде — не прыгнешь с Ай-Петри в Ялту. Зарплата у офицеров небольшая, а район курортный — все дорого. Женщины обступили В.Д., а он уже, оказывается, все это знал и продумал, что делать. Организовал для женщин работу надомницами. Летом машиной, а зимой вертолетом им привозили сырье. Кто шил, кто вязал, кто-то занимался переводами. Женщины благодарили и просили В.Д. помочь еще и с транспортом, чтобы хоть раз в неделю им давали машину съездить в Ялту и купить все что нужно, для всех. Ведь магазинчик в гарнизоне маленький, в нем многого нет и он также зависит от транспорта.

Походили по территории, спустились чуть ниже к машинам, а там экскурсанты фотографируются на высоте Ай-Петри. Но долго они не задержались — ветер срывал все с головы. Ответ-

Е. П. Лавриненкова и П. Т. Тронько (стоят в центре) в музее 9-го гвардейского полка в киевской школе № 210 среди ветеранов и учителей

ственные работники молчали, а Касьяненко сказал: «М-да, и моря не надо».

А детям скоро школа будет нужна. Правда, пока семьи были молодые и дети детсадовского возраста. У некоторых родителей не было родных, с которыми можно было бы оставить детей. В.Д. планировал, что, когда будут назначать новых офицеров, надо, чтобы у кого-нибудь из них жена была бы учителем младших классов.

Забота о людях, о детях была в крови у В.Д.. Депутатские обязанности старался выполнять добросовестно, особенно когда это касалось нужд людей.

Село Давидковцы, где погиб Шестаков, было для В.Д. кусочком его сердца. Жители этого села и района не были его избирателями. У них был свой депутат, но В.Д. делал все что мог для их колхоза. С его помощью построили школу, провели газ и сделали 8 – 10 километров дороги в сторону от основной трассы, где раньше было не пройти, не проехать, особенно весной и осенью. Мы с В.Д. ездили на открытие школы, взяв с собой Льва Шестакова-младшего. Он тогда уже стал настоящим летчиком высшего класса. Какое-то время был даже инструктором по освоению новой техники в Ливии у Кадафи и там тоже зарекомендовал себя как прекрасный, опытный, грамотный летчик. Вернувшись в Киев, был инспектором в войсках истребительной авиации армии.

В.Д. с Беловолом всерьез задумали написать и о Льве-младшем, что потом и осуществили. Работать с Н. Беловолом было приятно, плодотворно. Вместе они создали книги «Без войны», «Шпага чести», «Сокол-1» о Шестакове-старшем и «Сокол-2» о Шестакове-младшем.

Трудно давалась книга о партизанском подполье «Дед Василь». Для этого понадобились поездки по партизанским местам, встречи с теми, кто был свидетелем событий тех времен. Эта книга полна трагизма и мужества, это история жизни советского офицера Вячеслава Иванова, военюриста 1-го ранга, председателя военного трибунала Киевского гарнизона.

Он в силу сложившихся обстоятельств в начале войны оказался на оккупированной территории. Оставаясь верным присяге и воинскому долгу, стал организатором подпольной и партизанской войны в районе Переяслава-Хмельницкого. Повесть написана на документальной основе — записях самого Иванова, которые сохранил его сын. Он передал эти записи В.Д. и просил написать о подпольной работе отца. Как выяснилось из записей, отряд имени Чапаева, в котором недолго находился В.Д., тоже был под общим руководством Иванова.

В.Д. задумал написать также о своем любимом командующем армией Тимофее Тимофеевиче Хрюкине и о славном боевом друге Амет-Хан Султане. Скрупулезно собирал материал, ездил в Жуковский, виделся с его друзьями — инженерами и испытателями, встречался с одним из сыновей Амет-Хана. В.Д. делал записи, обдумывал процесс построения книги, но осуществить это, увы, не удалось. Позднее Беловол еще долгое время думал о книге, но без В.Д. писать не решился.

Книги В.Д. пользовались успехом у читателей, особенно у летного состава и ветеранов, так как все описанное было им знакомо и близко.

В.Д. провел не одну читательскую конференцию с молодежью в Доме военной книги, в авиационных училищах и училищах ДОСААФ. После смерти В.Д. Черниговскому училищу ДОСААФ было присвоено его имя.

Для него неожиданным, но очень приятным и волнительным событием было сообщение в конце 1976 года о его приеме в члены Союза писателей СССР.

Когда были съезды писателей Украины, В.Д. при возможности бывал на них. Из современных украинских писателей любил Натана Рыбака. Кстати, мы были друзьями, и я была особенно близка с его женой Евгенией Евдокимовной — сестрой Корнейчука. В.Д. любил произведения Загребельного, Большака, Гончара, пьесы Зарудного. Был особенно близок с В. Большаком и Н. Зарудным.

Когда у Гончара был юбилей, В.Д. послал ему телеграмму, которая начиналась словами: «Маршалу литературы Гончару от

генерал-полковника авиации Лавриненкова». В.Д. считал его ведущим писателем современной украинской литературы.

Дел было много, и В.Д. старался не думать о своей болезни. Срок, отведенный для жизни, еще не кончался. В начале 1977 года армия привлекалась к большим учениям, которыми руководил маршал Огарков. Предстояло заслушивание оперативной группы армии, касающееся учений. В.Д., как всегда, тщательно отработывал все вопросы и доклады своих подчиненных.

И когда на заслушивании он докладывал свое решение о проведении армией противовоздушной операции, его выслушали, не перебивая с нескрываемым интересом. В.Д. предстал как военачальник современности. Его четкость в изложении мыслей и подтянутость вызвали восхищение и уважение. Учения прошли блестяще, Главком был доволен.

В середине сентября мы поехали в отпуск в санаторий «Фабрициус». Там, как всегда, много военных друзей, которых я видела от отпуска до отпуска, а В.Д. еще виделся с ними у министра обороны или на подведении итогов у Главкома.

Приехали, когда как раз начался клев ставридки — любимой рыбки Главкома, и он, конечно, был уже здесь. Рыбак он отменный, не хуже Савицкого. Уходил с ним в море на моторке бывший моряк, ставший в санатории мотористом. Рыбак был под стать Батицкому, к тому же хорошо коптил ставриду и селедку. Павел Федорович привозил с курорта для всех своих друзей в Москву изумительно вкусную копченую и вяленую рыбу да и в санатории отдыхающих угощал, мы были в их числе.

Когда мы приехали на отдых, В.Д. представился Главкому и пожелал ему удачной рыбалки. А Батицкий все хотел сделать его рыбаком, но В.Д. отбивался, говорил, что у него терпения не хватит смотреть, клюет рыба или не клюет. Я даже уговаривала В.Д., чтоб хоть разок съездил на рыбалку в порядке подхалимажа, но В.Д. стоял на своем. «Это не моя стихия», — твердо сказал он, но поесть копченую ставриду любил.

Батицкий по-прежнему агитировал — рыбалка, мол, нервы хорошо успокаивает. Только, видимо, не у истребителей.

Как-то через день после большого улова позвонила медсестра и сказала, что Батицкий просит зайти, В.Д. не было, и я пошла сама.

На столе в номере стояло большущее блюдо со свежескопченной ставридкой и блюдо поменьше с копченой золотистой селедкой. У меня челюсти заломило. Вспомнила рижскую салаку — сколько мы ее там поели!

Батицкий спросил: «А где твой Сокол-17?». Я сказала, что где-то на пляже. А он прорычал: «Знаю я этот пляж, небось, у Гулаева (это командарм Архангельской армии) пульку пишат».

Я смутилась, так как знала, что они действительно играют, но не в номере, а на пляже, так что ложка была половинчатой. Супруга Павла Федоровича, Ольга Андреевна, увидев мое смущение, махнула на него рукой, сказав: «Ему бы только рыбачить».

Я съела несколько ставридок и чувствую, что ела бы еще и еще, но поблагодарила и попросила, если можно, парочку рыбок взять с собой для В.Д. «сухим пайком». Батицкий засмеялся и сказал, что он уже всем пакетики приготовил, а потом стал серьезным, заметил — хорошо, что я сейчас одна, без В.Д., и нам надо поговорить.

Спросил, как В.Д. себя чувствует, я ответила, что пока держится. Главком помолчал и вдруг неожиданно спросил: «А ты в Москву не хочешь? Ведь там у тебя мать, могила отца, В.Д. работал бы в штабе одним из моих заместителей по учебным заведениям. На этой должности могу представить его к званию маршала авиации. Через год ему уже трудно будет работать командующим, я ведь знаю срок его жизни. А в Москве тебе будет легче, а у него ответственности меньше. Подумай».

Дважды Герой Советского Союза командующий армией Т. Т. Хрюкин

У меня в голове помутнело от неожиданности, но я взяла себя в руки. Поблагодарила его, но в Москву ехать отказалась. Сказала, что не имеет значения, кого — маршала или генерал-полковника в гроб класть, но в Киеве он дольше проживет, а когда уже не сможет командовать, сам об этом скажет. Да и не приспособлен он к большим штабам, ему простор нужен. Супруга Батицкого стояла рядом со мной, но не вмешивалась в разговор.

Батицкий помолчал, внимательно посмотрел на меня и вдруг сказал совсем неожиданное и приятное: «Молодец, правильно решила. Знаю, что твой «Сокол-17» никогда за власть не держался. И тебя хорошо воспитал». На всю жизнь я запомнила этот разговор, а Батицкий, сколько мог, поддерживал В.Д..

Вечером к ужину, слава Богу, почти без проигрыша пришел мой В.Д. После ужина мы, сидя на своем балконе, пили пиво, закусывая ставридкой. Я ему рассказала о разговоре с Батицким. А он мне: «А ты, мам, молодец. Действительно, не хочу в Москву, сколько могу, проработаю, а потом видно будет». Я говорю ему, что «батя», как мы дома называли Батицкого, тоже назвал меня молодым.

Командовать армией В.Д. смог еще год.

Весной 1978 года случилась катастрофа — погиб летчик. Его долго искали и нашли в реке. В.Д., как обычно, расследовал катастрофу сам. Это произошло где-то в районе Днепропетровска. Ранняя весна, холодно, сыро и серо. В.Д. вернулся домой таким, каким я его еще не видела — серый, с потухшими глазами на очень усталом лице. Не снимая шинели, присел в прихожей и сказал: «Как я устал». Помолчал немного и добавил: «А у него двое маленьких детей осталось». На глазах слезы. Я поняла, что усталость не только физическая, но и душевная. Помогла ему раздеться, ужинать не стал, пошел и лег, но не спал, о чем-то думал.

Я тоже думала, что ему пора оставлять работу. А когда он вечером стал рассказывать, как искали тело летчика и нашли его в реке, на глазах опять выступили слезы. Он никогда не мог примириться с гибелью пилота, особенно в мирное время, всегда доискивался причины катастрофы, чтобы постараться предотвратить беду в будущем.

На несколько дней В.Д. замкнулся в себе. Чувствовала, что-то обдумывает, готовится к решительному шагу — отказаться от командования.

Прошло некоторое время, и однажды, придя с работы на обед (обедал он почти всегда дома), сказал мне, что был у В.В. Щербицкого. Доложил ему, что хочет уходить, так как чувствует, что уже не может работать в полную силу.

Щербицкий, видимо, был готов к этому разговору. Он очень хорошо относился к В.Д., ценил и уважал его как работника, а не только, как Героя минувшей войны. Да и разговор с Батицким у него, вероятно, уже был. В.Д. по долгу службы и партийной дисциплины, так как он был членом ЦК, должен был доложить Щербицкому о своем решении. В ответ услышал, что В.Д. принял правильное решение, но чтобы пока с уходом не спешил.

В.Д. в силу своего характера недели через две позвонил Батицкому по этому же вопросу, сказал, что командовать армией так, чтобы она была в первых рядах, уже не может. Батицкий был готов к этому разговору. Спросил, какую бы он предложил

Главком ПВО маршал П. Ф. Батицкий вручает 8-й отдельной армии ПВО орден боевого Красного Знамени

кандидатуру вместо себя. «А что делать с тобой дальше, подумаем. Знаю, что в Москву ты не хочешь, значит, так тому и быть».

Вот мы и стали ждать «того, чему быть». Дней через десять Щербицкий вызвал В.Д. и сказал, что ему звонил Батицкий по вопросу его ухода с занимаемой должности. Сказал, что В.Д. не хочет уезжать в Москву и просит оставить его в Киеве, несмотря на то что в Москве для него есть большая работа, но намного легче, чем армия. Просил подумать.

Щербицкий ответил, что и думать не надо, так как по состоянию здоровья из армии уходил генерал-полковник Чиж — начальник Штаба гражданской обороны Украины. Ему было уже более 65 лет. Через несколько дней Щербицкий официально предложил В. Д. вступить в эту должность. На семейном совете мы решили, что В.Д. все равно не сможет без работы, поэтому надо соглашаться. И с 1978 года по апрель 1984 года В.Д. работал в ГО Украины. Первую неделю он был в шоке. Здесь все было не так, как в его родной армии. Дома сказал: «Не пойму, что это за организация. Тут можно ничего не делать или целый день какими-то пустяками заниматься, и от этого ничего не изменится».

Через несколько дней после приказа о назначении В.Д. радио «Голос Америки» передало, что Советский Союз укрепляет свою гражданскую оборону, но ее надо было не просто укреплять, а почти всю структуру переделывать. Что это за оборона, когда уже есть атомное оружие, а гражданская оборона имеет для защиты и помощи населению только противогазы и носилки. Пожарные войска — это самое эффективное, но они тоже плохо оснащены.

В каждом министерстве, на заводе, в учреждении, колхозе был человек, отвечающий за гражданскую оборону, но средств защиты, кроме огнетушителей и противогазов, у него не было. Вся система гражданской обороны устарела. Когда В.Д. разобрался, то стал консультироваться с учеными, писал в Москву генералу Алтунину, который возглавлял эту систему в масштабах Союза. В.Д. писал, что всю систему управления, средства обороны и помощи населению надо пересмотреть. Но Алтунину не нравилась такая деятельность В.Д.

А пока велась эта борьба за обновление, В.Д. проводил учения с министрами, строил убежища. При нем был построен перво-классный подземный пункт для руководства страны.

В.Д. говорил: «Это для руководства, а для людей? Кем они будут руководить, если мы народ не убережем?».

Хорошо работали курсы по гражданской обороне в Киеве, где проходили стажировку высшие должностные лица республики.

И несмотря на стычки с Алтуниным, тому некуда было деваться, В.Д. занимал первые места по стране и даже получил подарки — именные часы и ружье.

Штаб гражданской обороны находился совсем близко от нас, и В.Д., как всегда, приходил на обед и еще минут двадцать мог прикорнуть.

Гражданская оборона на Украине стала одной из лучших в Союзе, а учебная база, убежища и командный пункт вообще были образцовыми. В Украину приезжали начальники ГО других республик и приглашали к себе посмотреть, что у них сделано, и, зная любовь В.Д. к путешествиям, заодно познакомиться с историческими памятниками, природой и людьми. В.Д. присутствовал у них на учениях. А приглашениями начальников ГО Армении и Грузии воспользовался во время отпуска, захватив из него десять дней. Решили, что я тоже полечу и даже можно взять женщин — Славову, Касьяненко и Сенникову. «Только, — сказал В.Д., — за все в Армении надо платить — за самолет ГВФ, гостиницу и питание, так что решайте». Мой «Совмин» сказал: «Да, летим». И полетели. В.Д., естественно, в гражданском, только с депутатским значком, чтобы было легче в аэропорту. Сначала Ереван. Нас встретили офицеры и начальник ГО республики, отвезли в гостиницу и забрали В.Д., чтобы показать свое хозяйство, а мы пошли знакомиться с городом.

На следующий день вместе с В.Д. и сопровождающим офицером, знатоком исторических мест, отправились все досконально осматривать. Посетили Эчмиадзин с его почти двухтысячелетней архитектурой и историей, были во владениях католикоса Вазгена. Там духовная семинария и очень интересный музей —

кусочек Ноева ковчега будоражил умы посетителей. Осмотрели хранилище древних рукописей Матенадаран, где выставлены древнейшие книги от самой маленькой до самой большой. Увидели место, где начинался Ереван, памятник жертвам геноцида и множество великолепных фонтанов в центре города.

На следующий день поехали в Гарни, на территории которого находится мужской монастырь. Кельи и помещения для службы высечены в скале. Нас принял настоятель монастыря — второе духовное лицо после католикоса. Обаятельный, образованный человек, влюбленный в свою страну, в свой народ, в свой монастырь да еще и обладающий прекрасным голосом. Там, в скальном молитвенном зале, он пел нам на армянском языке молитвы. Звучание потрясающее — наверху в потолке круглое отверстие, откуда в зал попадают солнечные лучи, а молитва, казалось, уносится к Богу.

Были на Севане, а потом поехали в Грузию, в Тбилиси. Там нас встретили грузинские товарищи по ГО и представители войск ПВО. Мы расположились в маленькой гарнизонной гостинице. А на следующий день сказочный Тбилиси удивлял нас своей историей и памятниками. Осмотрели старинные монастыри и по общему решению поехали в Гори, на родину Сталина. Там интересный музей. Его сотрудники рады каждому посетителю и рассказывают о маленьком, юном и взрослом Сосо Джугашвили.

А потом мы еле-еле улетели — были какие-то неполадки с бензином в аэропорту. Но это детали, ведь мы многое увидели и узнали.

Догуляли вторую часть отпуска, и В.Д. снова включился в работу. Но теперь времени у него все-таки было больше, чем в период командования армией, поэтому он и писал, и в театр иногда ходили. И я пописывала, особенно, если шли к кому-нибудь в гости, вместо тоста стихи, но относилась к своему творчеству критически. Друзья говорили: «Вот было бы здорово, если бы ты издала книгу и стала членом Союза писателей». Я отвечала, что одного члена Союза в семье достаточно.

Но генерал Карл Винаров, который был у В.Д. представителем от Болгарии по Варшавскому договору, собирал все стихи, кото-

рые я посвящала ему, жене и дочери, и шутя говорил, что к его отъезду на родину у него скопится много моих «шедевров», в том числе и частушки для нашей компании «Матрешки-ПВОшки».

Работа у него в Киеве была, как говорят, не бей лежачего. Он присутствовал на учениях, их разборах, согласовывал взаимодействие частей ПВО нашей армии и болгарской. Ответственность почти нулевая. Рабочий день максимум до трех часов дня. К отъезду я ему написала:

*Ну что же, милый груг Карлуша,
Пора настала уезжать.
Кончай в России бить баклуши,
Чтобы в Софии вновь начать.*

Вскоре после отъезда Винарова В.Д. получил от него письмо: «Дусенька была права, живу так, как она написала». Министр обороны Болгарии Джуров, старый друг семьи Винарова и особенно его дяди, крупного разведчика полковника Винарова, дал ему работу, похожую на киевскую.

С Винаровым у нас и наших друзей связано много приятных воспоминаний. Он прекрасно говорил по-русски, учился у нас в одной из Академий, а его работа в Киеве давала ему возможность быть в курсе всех культурных событий города. Украину он любил всем сердцем. У него было много друзей в артистическом мире. Среди них — Ирина Александровна Молостова, режиссер оперного театра, необычайно талантливая, но не очень уживчивая с начальством. Она поменяла несколько мест работы: оперный театр, театр имени Леси Украинки, театр имени И. Франко. И все ее постановки были своеобразными, неординарными. Ей завидовали, ей мешали работать, о ней сплетничали и в оперном театре — ее родной стихии — практически не давали возможности ставить новые спектакли. Ей была доступна и драматургия, и опера. В наших родных киевских театрах ей почти ничего не светило, и она соглашалась на работу за рубежом. Молостова первая поставила оперу Дмитрия Шостаковича «Катерина Измайлова» («Леди Макбет Мценского уезда»). Сын Шостаковича Максим считал, что лучшей постановки этой

оперы нет. Известна истина — нет пророка в своем отечестве, поэтому от зарубежных предложений она не отказывалась и с большим успехом ставила там спектакли. Последние годы, когда она стала болеть и старалась быть ближе к дому, в нашем оперном театре она блестяще поставила оперы «Лючия ди Ламмермур» Доницетти и «Чио-Чио-сан» Дж.Пуччини. С Ириной мы были друзьями. Я старалась бывать на всех ее премьерах, а она на моих девичниках, когда я на свой день рождения приглашала человек двадцать женщин. Она была душой компании. Ее эрудиция и простота общения снискали к ней большое уважение среди военных дам. И сейчас, если мы собираемся, то всегда с теплотой вспоминаем ее.

Настала такая пора, что теряем и друзей, и родных. В начале восьмидесятых годов не стало моей мамы, отца В.Д., а чуть позже и его матери. Очень расстроила В.Д. смерть его друга Лукьянова, фанатически любившего лес. Именно он научил многих, в том числе и В.Д., бережно относиться к деревьям, траве, к обитателям леса. Никогда не делали лишнего выстрела. Не было глупого азарта убить зайчика, козочку, кабана, утку. Лукьянов всегда продумывал и красиво обставлял весь процесс охоты. Лишних жертв среди лесных обитателей не было. Потом все трофеи складывались в общий котел. И даже тот, кто ничего не подстрелил, не уезжал с пустыми руками. Лукьянов хорошо пел — и русские, и украинские песни, а порой шуточные и озорные. В общем был душой компании. А на отдыхе в санатории у моря все были вокруг него. По утрам собирал ответственных работников и пел на мотив «Мы парни brave, brave, brave» слова, которые я написала:

*Министры brave, brave, brave,
Но, чтоб неглазили сестрички нас лукавые,
Мы перед завтраком с утра
Все прокричим физкульт-ура,
Чтоб нас услышали, конечно, доктора.*

Его любили и уважали не только гражданские коллеги, но и военные.

В дружную компанию охотников входил и наш командующий округом И.А. Герасимов, brave генерал, не лишенный чувства

юмора и молодого задора. А если в компании за столом был генерал Стэльмар Сергеевич Болбас, то и спиртного не надо — все были пьяны и веселы от юмора и смеха.

Хорошо, когда есть друзья, и повседневную непростую работу можно растворять в часах веселого дружеского общения на охоте, в бане, просто на прогулке в лесу и даже иногда за «пулькой».

А дача наша была местом, куда любой мог приехать без приглашения, В.Д. принимал гостя с удовольствием. Приезжали и старые друзья, и новые. И писатели, и партизаны, и артисты. И всегда традиционная

Татьяна Доронина

окрошка, которая у меня всегда удавалась. А если на охоте были трофеи, то в меню еще и уточки.

Как-то приехала Танечка Доронина с нашей общей подружкой Еленой Рыбиной и ее мужем Валентином. День солнечный, жаркий, а рядом Киевское море. Таня в каком-то изумительном комбинированном платье из ситца и сатина с аппликациями — подарок Киевского дома моделей. Она как сказочная красавица. Идем по песку босые, туфли в руках. Лежащие на берегу соседи по даче с недоверием и удивлением смотрят на нее. А один полковник в плавках, а не в форме, вскочил, подбежал и заикаясь кричит: «Так это же Татьяна Доронина». Танечка даже растерялась от неожиданности и от любопытных взглядов греющихся на солнце дачников — и мужчин и женщин. Удивительно красивая и талантливая женщина, имеющая свою твердую жизненную позицию. Характер непростой. Она не любит фальши ни в жизни, ни на сцене. Каждый ее приезд в Киев для нас четырех подруг — праздник. Мы — это Леночка Рыбина, Наталочка Преображенская, Танечка и я. Жаль, это бывает не часто.

Никогда не забуду спектакль «Виват, королева», с которым она приехала в Киев. Мы с В.Д. на нем были. Что сказать? Здо-

рово! Играть сразу двух королев, различных по характеру и внешности, может только актриса с большим талантом. Мы с В.Д. передали ей цветы и открытку, где я написала:

*Обеих королев прекрасней во сто крат —
Виват, Доронина, виват!*

А когда она готовила концертную программу в двух отделениях, то отдыхала в Киеве, в Пуще. Мы с Леной приехали к ней, и она нам читала стихи, которые отобрала для концерта. Ее серьезный подход к подбору поэзии и глубина их исполнения поразили меня. Мы ходили по парку, и она читала нам и читала, а потом спрашивала: «Ну как?».

Приблизительно через год она приехала снова и выступала в Киевской филармонии с этой программой. Концерт в двух отделениях: Марина Цветаева и Сергей Есенин. Концерт сопровождал гитарист, пела и Танюша. Она вышла на сцену в темно-синем панбархатном платье. Луч прожектора был направлен на нее. Публика замерла, а когда Таня закончила читать, зал взорвался аплодисментами. Хороша была необыкновенно и сама, и

Б. Н. Лукьянов и В. Д. Лавриненков

классика в ее исполнении. Недаром любитель эпиграмм Гафт писал:

*Доронина Таня —
Клубника в сметане.*

Как-то во время ее приезда В.Д. не было в Киеве, а когда он вернулся, то сразу пошел на работу в Штаб ГО. Таня очень хотела с ним повидаться. Лена, она и я подъехали к Штабу, предварительно позвонив В.Д. Когда вышли из машины, а он — из здания, сотрудники чуть из окон не вывалились. В.Д. сказал: «Таня, садись в машину, а то ЧП будет».

После смерти В.Д. она несколько раз приезжала в Киев, и мы, как всегда вчетвером, сидели у меня до двух-трех часов ночи и не могли наговориться. А совсем недавно она приезжала, чтобы стать крестной мамой Лениного внука. Танечка всегда старается привезти нам что-то симпатичное на память. Мне она подарила две книги с душевными трогательными надписями.

Ярославская девочка — великая актриса, а для меня она очень теплая дорогая частица сердца.

Здоровье В.Д. хромало, но он никогда не жаловался. Ему нравились слова Высоцкого: «Не записывай землю в калеки», — как будто бы о нем. Он не хотел сам ощущать свою болезнь и не хотел, чтобы другие ее ощущали.

Два замечательных врача постоянно его наблюдали — Николай Алексеевич Черемухин, начмед службы гражданской обороны, и Анатолий Иванович Перепельченко, главный терапевт 4-го управления.

В. Д. Лавриненков и генерал армии И. А. Герасимов

Они были не только врачами, но и друзьями. Они ненавязчиво, спокойно и умело давали В.Д. советы и силы для борьбы с болезнью, ведь сроки жизни, данные Масловым, практически истекли. Мы стали ездить отдыхать не в Сочи, а в Черноморское в Крым. Полсрока на море, полсрока — Моршин или Трускавец.

Там, в Черноморском, В.Д. познакомил меня с академиком Глушковым. Большой ученый с мировым именем, национальная гордость Украины. Небольшого роста, худенький и необычайно скромный. На пляже появлялся редко. Все больше в кабинете за письменным столом или в огромной лоджии, выходящей на море. Стоит и смотрит куда-то вдаль и видно, что погружен в свои мысли не праздные и не личные, а решает какие-то важные проблемы. И когда он ходил, и во время еды в столовой казалось, что он в другом, своем мире науки. У него каждая минута времени не проходила даром.

Начальник гражданской обороны генерал армии Алтунин, который недолюбливал В.Д., захотел познакомиться с Глушковым и его работой. В одну из своих инспекционных поездок Алтунин назвал время, когда хочет встретиться с академиком. В.Д. сказал, что это надо сначала согласовать с Глушковым. Согласовали, но Алтунин вздумал приехать минут на 30 раньше. Глушкова, конечно, нет, вернее есть, но занят. Генералу пришлось ровно полчаса нервно ходить по приемной. Глушков появился точно, минута в минуту, в назначенное время. На лице Алтунина неудовольствие, которое он высказал. Глушков вроде бы не прореагировал. Встреча прошла нормально, но когда Алтунин решил задавать еще вопросы, Глушков извинился и сказал, что у него в данный момент уже другая работа. В.Д. почувствовал, что Алтунин вот-вот взорвется — так и произошло.

В.Д. извинился перед Глушковым за некорректность Алтунина. Академик сдержанно сказал: «Ваш шеф не только не умеет мыслить, но еще и хамоватый».

У В.Д. с ученым миром были добрые отношения. Конечно, он очень многого не знал, не понимал, но всегда к работе ученых относился с уважением и ценил их время. А если чего-то не понимал, то не пыжился, не делал на лице умную мину, не кивал

головой, а просил объяснить, за что его и уважали. Когда началась разработка проекта безопасности в шахтах Донбасса, знали, что с ним можно будет нормально работать.

Вопрос о взрывах метана в шахтах старых и наболевший. Сколько людей ушло и уходит из жизни из-за этого невидимого врага. Ученые решили произвести подземный взрыв в шахте, чтобы сместить пласты угля и дать выход метану. На несколько дней в шахтах были прекращены работы. Все, что зависело от В.Д., было хорошо организовано.

Но, к сожалению, эксперимент не дал особо ощутимых результатов, повторения не было.

А лесные пожары? Сколько горя приносят они людям и какие потери стране. В.Д. все больше задумывался о целесообразности ГО в таком виде, как она есть. Подготовил большой материал о преобразовании, но Алтунин не дал ему ходу. Потом, после Чернобыля, когда Алтунин был снят, кое-что из предложений В.Д. было учтено.

Приближалось 65-летие В.Д. Он сказал: «Доработаю до 65 и уйду, как положено, на пенсию».

Алтунину не терпелось выпроводить В.Д. на «заслуженный отдых». Он больше года готовил Щербицкого к тому, что у него есть хорошая кандидатура, а В.Д. скоро 65. Этой кандидатурой был начальник штаба Бакинского округа, друг Алиева-старшего. Он жал на Алтунина, да не просто жал, а насыпал его подарками, а Алиев давил на Щербицкого. Но Владимир Васильевич был твердый, честный, порядочный человек.

В.Д. держался до конца апреля 1982 года, а в последних числах апреля, за несколько недель до своего 65-летия, оставил должность начальника Штаба граждан-

Наталья Преображенская

ской обороны и пожизненно остался в армии.

Юбилей отметили очень хорошо, но я чувствовала, что В.Д. переживает. Переживает не о том, что ушел — он сам этого хотел, а о том, что «выпихнули» его за несколько дней до Дня Победы и дня рождения. Многие молча возмущались, понимая, что, не случись этого, Алтунину пришлось бы торжественно поздравлять В.Д. и с Днем Победы, и с юбилеем. Он должен был отметить не только фронтовые и армейские заслуги В.Д., но и работу в Штабе ГО. Это было бы ударом по самолюбию и тщеславию Алтунина. В.Д. это понимал. Он помнил их взаимоотношения в Риге, когда В.Д. был избран депутатом Верховного Совета Латвии и членом ЦК. Алтунин в то время членом ЦК не избирался.

Я к юбилею написала поздравление в стихах, которые В.Д. очень растрогали. Когда я читала текст, то у него даже в глазах выступили слезы. Стихотворение большое, но несколько четверостиший я все-таки приведу:

*Твои звезды всегда настоящие,
Из военного золота отлиты,
Не шальные, не проходящие,
А слезами народными облиты.
И за каждой из них — наша Родина,
И за каждой из них — смертный бой,
Сталинград, Севастополь пройденны,
И Берлин за твоею спиной.
Ты земли нашей русской сыночек.
От нее простота, обхождение.
Коренастый смоленский губочек,
Ты нашел в своей жизни призвание.
Никогда ничего ты не кланчил —
Ни погоны, ни должность, ни звезды.
У меня лишь попросишь стаканчик
И запьешь родным соком березы.*

В июне В.Д. становится консультантом Академии имени Василевского. Военные называли это место «райской группой», можно было хоть неделями не ходить на работу. Но В.Д. так не мог. Особенно поначалу он старался понять, что должен делать,

кого консультировать. Вскоре понял, что люди вокруг грамотные, знающие свое дело, это Академия сухопутных войск ПВО. Специфика здесь немного другая, а руководству Академии нужна была помощь в воспитании молодежи и в «выбивании» средств от округа и Совмина. В.Д. это делал с успехом.

Он много выступал, а кроме того, доставал для небогатой Академии необходимые, как всегда, средства.

Но свободного времени оставалось много, и он успешно занимался литературной деятельностью, собирал материалы для двух новых задуманных книг, которые не успел, к сожалению, написать.

А здоровье все хуже и хуже. Несколько раз попадал в Феофанию из-за проблем с сердцем. Основная болезнь пока не прогрессировала, но организм был разрушен облучением и химиотерапией.

Каждый год в Смоленск уже не ездили, сложно стало, но одно путешествие еще все-таки совершили. Вместе с семьей Касьяненко посмотрели Суздаль, Владимир, заехали к родным В.Д. в Смоленск и оттуда, минуя Москву, сразу в Киев.

Но до этого под Москвой заехали на Бородинское поле. А самое главное, побывали на месте гибели Гагарина. От милицейского поста дорожка вела к березкам, срезанным крылом падающего самолета. Три березки, стоящие рядом, были связаны вместе пионерским галстуком. Словно капли крови. И это было сильнее, чем памятник.

А в стороне крыло самолета из гранита с потрясающими словами: «Земля, поклонись человеку». В.Д. был как натянутая струна и все время молчал.

Это было наше последнее путешествие, хотя задумок было еще много.

А тут Чернобыль! В.Д., будучи начальником Штаба ГО, еще за несколько лет до Чернобыльской катастрофы единственный не подписал разрешение на строительство Запорожской атомной станции. Он понимал, что в случае военных действий Запорожье является важным объектом и что при бомбардировке города может произойти авария на ЗАС.

Уйдя из ГО года за полтора до Чернобыльской аварии, В.Д. был

в курсе того, что там происходило. Вечером в этот злополучный день мы провожали Машу Покрышкину. Она приезжала на открытие мемориальной доски на здании КВИРТУ, которому было присвоено имя Покрышкина. На вокзале к нам подошел новый командующий армией В.А. Прудников. Он шепотом сказал В.Д. и еще нескольким генералам об аварии. По городу сообщения не было, размера катастрофы еще не знали.

Наступило 1 мая, В.Д. добросовестно отстоял во время торжеств на трибуне вместе со всеми членами правительства. Когда Щербицкий докладывал в Москву об аварии и предложил отменить майскую демонстрацию, Горбачев заявил: «Не мешайте людям праздновать». В.Д. был возмущен. Щербицкий стоял на трибуне серый как земля, но выдержал. А потом 2 мая еще и велогонка мира!

И самое страшное, что правды никто не знал. Расхватили в аптеках йод, а в магазинах — морскую капусту. Не знали, что пить, что есть.

В.Д. очень переживал, говорил: «Вот ГО и показала себя — девочки с носилками и противогазами. А надо было работать с наукой, знать, что такое атом».

А на страну тогда обрушились несчастья: гибель теплохода «Адмирал Нахимов», страшное землетрясение в Спитаке и Чернобыль.

Все ожидали, что в Киев приедет Горбачев, чтобы на месте узнать правду об аварии и понять, какая нужна помощь. Но он не приехал.

Когда Горбачев стал Генеральным секретарем, В.Д. где-то с год присматривался к нему. Сначала Михаил Сергеевич подкупил всех своим либерализмом, вроде бы правильными демократическими взглядами. Старались не пропустить каждое его выступление, слушали, обсуждали. Но повторялось одно и то же, а дела, увы, не было видно. Просто народ распустили — «процесс пошел», да не так, как надо. И через год В.Д. сказал: «Он развалит страну». Так и случилось.

Переделывать надо было многое, но не пустыми разговорами о перестройке, а настоящими делами. Уже позже я написала:

Перестройка, перестройка

*До чего нас довела,
Словно бешеная тройка,
Занесла невесть куда.*

А в конце стихотворения:

*Видно, гоголевской тройки
Еще долго не догнать.
А за эту перестройку
Народ будет отвечать.*

В конце апреля и начале мая Киев полнился слухами. Все, кто мог, обзавелись дозиметрами, старались везде все измерять. А разве можно измерить и не съесть крупную красную клубнику, на которой Бог знает сколько микрорентген?

Говорили, что начальство сразу же на второй день вывезло из города свои семьи. Неправда, мы ведь жили в одном доме с детьми Председателя Совмина Ляшко. Тогда начальство само толком не знало размера опасности, и его маленькая внучка Клавочка еще 3-4 мая играла в песочнице возле дома вместе с моей внучкой.

Врачи сказали, что В.Д. надо обязательно уезжать, так как эта радиация на фоне его химиотерапии и большого облучения

На месте гибели первого космонавта Земли Ю. А. Гагарина

опасна и нежелательна. Он отказывался. Но анализ крови был плохой, очень упали лейкоциты и гемоглобин. Уговорила его уйти в отпуск не в сентябре, как всегда, а уехать сейчас. Числа десятого мая самолет нашей армии шел на Бельбек — в Севастополь, и нам предложили путевки в Евпаторию в военный санаторий. Вместе с группой офицеров В.Д., я и внучка Дуняша улетели в Крым.

Сын был в Москве, а Оленька с Мишей остались в Киеве на работе. Кстати сказать, в эти дни увезли и Клавочку Ляшко. А дочь Ляшко Ниночка, врач, осталась в городе и очень много работала. Года через четыре ее не стало!

В Киев вернулись без внучки, оставили ее в детском лагере еще на месяц, а в сентябре дочь с зятем сумели взять отпуск и тоже поехали в Крым. Так все крутились как могли, пытаюсь хоть немного оздоровить семью, а главное — детей.

По приезде мы отправились на дачу, а она в 27 километрах от Киева по направлению к Чернобылю. Растительность буйная. Абрикос, который всегда рождал некрупные и неяркие плоды, в это лето был усыпан ярко-оранжевыми крупными аппетитными плодами. Я бросилась к дереву, чтобы нарвать их и наестся. Но муж остановил меня, сказав: «Ты что маленькая, не понимаешь?». Но я все-таки тайком съела штук пять. Красота на даче была обманчивой. Когда привезли дозиметр, две наши роскошные серебристые ели пришлось спилить — на нижних ветвях было 500 микрорентген. В доме терпимо — всего в 5-6 раз больше нормы.

Листья, которые в октябре начали опадать, надо было собирать в мешки, потом их куда-то увозили. А многие не знали, собирали листья и сжигали, думая, что сжигают и радиацию.

Безграмотность и неподготовленность населения были потрясающие. Да и я хороша, хоть и жена бывшего начальника ГО. Оставив В.Д. дома, поехала с водителем убирать листья и вывозить их на общую свалку. Надела очки — берегла глаза, надела косынку — берегла волосы, а вот марлевою повязку на рот не надела. Кончилось это кабинетом ЛОРа. Врач сказал — ожог слизистой — пришлось дней 10 смазывать горло облепиховым маслом. В.Д.

больше был дома. Полеживал, немного читал, что-то писал, но больше думал. Я чувствовала, что он таит. Но на работу периодически ездил, что-то выбивал для Академии, выступал, советовал.

А мы с тетей Машей дома все чистили и мыли. То, что стояло на балконе, пришлось отнести к мусоросборнику, откуда все вывозили Бог весть куда. На всем было порядочно микрорентген.

В.Д. чувствовал, что уходит, но не подавал виду, только стал больше полеживать. А когда у меня упало и разбилось зеркальце, сказал: «Это я». Мне стало страшно.

Помню последнюю поездку в Смоленск. Собрали всю родню, а главное — все вместе поехали на могилы отца и матери. В.Д. вроде бы даже приободрился. Опять рьяно стал пробивать газ для колхоза Шестакова, но газ загорелся, когда В.Д. уже не стало. Ездил на охоту на уток, а потом по первому снежку и на зайцев. В декабре в Ржищеве Киевской области в каком-то училище состоялось его последнее выступление. Вернулся довольный, какой-то умиротворенный. Посадил там вместе с учащимися дерево и сфотографировался с ними на память. Это его последняя фотография.

Кончался декабрь 1987 года. 21 декабря даже на охоту поехал. Заядлый охотник, друг В.Д. генерал Абрамов рассказывал, что на охоте был радостным, веселым, и никто не мог подумать, что видит его живым в последний раз.

Новый 1988 год встретили снова у Паторжинских. Нас было три семьи. Почему-то было невесело, как будто что-то нависло над нами и давило на сердце.

Начинаю писать о самых тяжелых минутах моей жизни и все переживаю заново. Напишу несколько строчек, встану, отойду, похожу, соберусь с мыслями и опять сажусь.

Он не споткнулся, он просто упал, сердце и душа не выдержали того, что он переживал. Приехав к Паторжинским, В.Д. рассказывал, как тяжело и одиноко живет его большой друг бывший партизан-разведчик Крячек. Рассказывая, ходил, а потом взмахнул рукой и упал — остановилось сердце. Он потерял сознание, падая, сломал ребро, а в голове образовалась сильная гематома, на которую сразу не обратили внимания. Беспокои-

лись о сердце. Увезли в Феофанию. Когда открыл глаза, сказал: «Опять Феофания».

Я к нему приезжала каждый день. В.Д. становилось все хуже, стал терять сознание, и, видимо, от стресса произошло внутреннее кровоизлияние в кишечник. Он все время был на капельнице. Нам с сыном разрешили ночевать в палате. Я старалась сама все для него делать. Смазывала его вазелином, и вдруг увидела, что на пальце нет обручального кольца. Знаю, какая это примета. Все покатилося внутри. Судорожно кольцо ищу в белье, которое ему поменяла, в подстилке — нигде нет. Сердце заходится, ищу на полу — нет. Понадобилось еще раз смазать В.Д. вазелином. Сунула в баночку палец, вынимаю, а на нем мое колечко. Поняла: это знак, что я его потеряю, но буду все равно ему женой до своих последних дней. Так оно и есть. Я надела кольцо и не снимаю его. Вот уже приближается 20-я годовщина со дня смерти В.Д., а я ношу кольцо на пальце правой руки — не вдова, а жена. «Я навсегда жена твоя», — так я написала в одном из первых стихотворений, посвященных В.Д. после его смерти.

11 января В.Д. забрали от меня и перевели в реанимацию. Когда его увозили, он слегка приподнялся, но сказать ничего не смог. Я поняла, что больше его не увижу.

Рядом со мной снова были два врача — Перепельченко и Черемухин. Каждое утро вместе с Черемухиным я ездила в Феофанию, но к В.Д. нас не пропускали, сказали, что состояние крайне тяжелое. 14-го января мы поехали снова. Вышел дежурный врач, а завотделением реанимации не вышел. Дежурный врач сказал, чтобы ехали домой — все без изменений. Просто завотделением реанимации не мог сказать мне правду. Поехала домой. Буквально минут через тридцать приехал командующий Прудников и члены Военного совета. Я все поняла...

И было все так же, как у всех — горе, тоска, мысли о том, что что-то недоделали, не сумели спасти. Плакать я не умею, а это еще тяжелей, все в себе. И не случайно одно из первых моих стихотворений — «Я плачу стихами, я плачу без слез». Все мое горе, все мои слезы вылились стихами.

Спасибо всем, кто был со мной в эти тяжелые дни. Наша род-

ная 8-я отдельная армия ПВО, сколько внимания и помощи мне оказали. Я понимаю, что это не мне, что это дань любви и уважения к В.Д. Если б не они, не знаю, как бы все пережила. Спасибо моим детям и тете Маше...

*Каждый день, как с похмелья,
Все кружит в голове,
Словно адского зелья
Налила жизнь моя.
И от этого зелья
Все тошней и тошней.
Жизнь захлопнула двери
У оставшихся дней.*

И начались первые страшные дни одиночества. Понимание, что я больше никогда его не увижу. Как всегда, вставала рано утром, приводила себя в порядок и начинала что-то делать, готовить еду — кому? Ведь его нет. Убирать квартиру — зачем? И так чисто. Выйду куда-нибудь из дома и скорее домой, кажется, что он дома и ждет меня. А на вешалке в передней на полке уже 20 лет лежит его фуражка. Как открою дверь, сразу вижу ее. И первая мысль: «Папа дома». А потом как кипятком сердце обдаёт. Начала принимать затормаживающие таблетки — седуксен. Появилась какая-то сонливость и безразличие. Не могу собрать мозги, все мысли расплываются. Это продолжалось почти месяц. Даже стихи писала как-то лихорадочно, расплывчато. Не плакала, не жаловалась. Вначале ездила на кладбище почти каждый день. Но там я не ощущала, что В.Д. там, в могиле, рвалась домой. И до сих

Внучка Дуняша

пор я не чувствую его на кладбище. Я приезжала убирать могилу, ставила цветы, но было ощущение чего-то нереального. Он — дома. Только дома я чувствовала его присутствие.

Поняла — надо взять себя в руки, прежде всего прекратить пить таблетки и постараться войти в обычный ритм жизни. Стала, как всегда, рано вставать и писала, писала стихи, как будто бы с ним разговаривала.

И еще я поняла, что горе мое со мной навсегда, но я не должна его никому показывать. Надо спрятать, загнать его вглубь на всю жизнь. Надо улыбаться людям, не утомлять их своим горем. Я видела, что первое время многие при мне стеснялись улыбаться, смеяться, что-то рассказывать, мол, мы живем своей полной жизнью, а у нее горе. Правильно, сколько же можно соболезовать.

Хорошо, что я это поняла и не оттолкнула людей от себя. Горе мое со мной навсегда, а жизнь продолжается. Я снова почувствовала себя членом нашего армейского коллектива и еще большее тепло своих друзей. Они поняли, что я не буду ныть и не буду ничего клянчить. Началось мое новое становление как личности. По просьбе друзей вместе с Николаем Николаевичем Беловолом решили написать книгу воспоминаний о В.Д.,

Но меня ждало еще одно тяжелое испытание: месяцев через 7 после смерти В.Д. я упала и сломала позвоночник. И вот я тоже в Феофании. Лежу на спине на валике. Перелом нехороший, чуть не дошло до спинного мозга. Двигаться нельзя, могу остаться прикованной к постели на всю жизнь. За эти три месяца лежания я написала около двухсот писем друзьям, однополчанам В.Д., партизанам, родным с просьбой прислать свои воспоминания о В.Д. Связалась по телефону с В.С. Шевченко и попросила ее о выпуске конверта или марки с портретом В.Д. Писала на Смоленщину в родной Починок, в общем, писала куда только могла. Я помнила, как В.Д. любил Днепр, и позвонила Славову с просьбой один из кораблей назвать именем В.Д. Николай Антонович сразу отозвался и сказал, что в Германии строят большой круизный корабль типа «река — море», и его назовут «Генерал Лавриненков». Но для этого нужно было обратиться к руководству армии, чтобы написали письмо с такой просьбой за подписями Командующего и Военного Совета. Я это сделала.

Лежа на спине, постоянно думала: а как же В.Д. переносил все свои операции, облучение и химиотерапию. Почти три месяца лежа на спине... Трудновато, но человек может и должен все суметь осилить. Писала много стихов, посвященных врачам, сестричкам, диетсестре и даже лежащим больным из соседних палат для поднятия духа, хотя я их и не знала.

Когда разрешили встать, первый поход в туалет. Вот когда начинаешь ценить прелести цивилизованной жизни. На двери туалета я прикрепил маленькое стихотворение:

*Ах унитаз, ах унитаз,
Я рада снова видеть вас
И замечательный пейзаж,
Когда мы в паре, унитаз!*

Все мои «шедевры» врачи забрали на память, а также прощальную оду судну.

Встала, но еще два месяца можно было только стоять или лежать, сидеть нельзя. Вскоре отпустили домой, а еще через месяц снова положили. Выкарабкалась. Занималась физкультурой и жила мечтой о книге воспоминаний о В.Д.

Сразу после смерти В.Д. я стала думать о памятнике и о мемориальной доске на доме. Спасибо М.А. Лопатину. Как много он мне помог с работой, связанной с памятником и его установкой. А мемориальную доску пробивала сама. Позвонила заведующему отделом ЦК по административным вопросам Чумаку. Он как-то замялся, спросил, где я хочу установить доску. Я ответила, что на доме. В ответ: «В вашем доме живут такие большие люди, что, может, лучше установить доску на стене штаба округа». Я ответила: «Да, в нашем доме живут хорошие люди, но они должности, а личность одна — В.Д.».

Я победила. Доску сделал скульптор А.П. Скобликов, который любил В.Д. и лепил его бюст для выставки при жизни. Доску повесили на нашем доме возле входа в подъезд. Я оказалась права в своем решении — всегда могу положить цветы и поздороваться с В.Д., могу уберечь от хулиганских выходов «любителей свободы». Ведь мемориальную доску с именем Покрышкина сняли с

КВИРТУ, носившего его имя. Где она теперь, эта мемориальная доска? На нашем доме повесили другую, не совсем удачную. Да и повесили ее тайно около подворотни и напротив мусоросборника, а я ведь просила, чтобы повесили ее рядом с доской В.Д.

На открытии мемориальной доски В.Д. было очень торжественно, событие носило воспитательный и патриотический характер для молодежи и школьников, пришедших к дому. Это — 1990 год. Было бы такое сейчас?

А в начале апреля 1990 года вместе с нынешним Президентом Укрречфлота П.И. Подлесным я была в Германии, когда немецкая верфь сдавала теплоход нашей судоходной компании.

Когда подошли к кораблю и я прочитала его имя «Генерал Лавриненков», трудно передать мое волнение, хотя внешне держалась спокойно.

*Я ступила ногой,
Улыбнулся ты мне.
Я прижалась щекой —
Отозвался в гуше.*

Казалось, что он живой, этот корабль, что он чувствует и знает, что я пришла к нему. Немецкие друзья очень хорошо нас приняли и оказали большое внимание, понимая, какое волнение я испытываю. Спасибо начальнику верфи Краузе, Подлесному, с которым я приехала, и моим новым друзьям в команде теплохода.

Александр Толстых — первый капитан теплохода «Генерал Лавриненков». И хотя годами он тогда был молод, но настоящий «морской волк». Плавал много, избороздил и моря, и океаны, правда, капитаном еще не был. Там же я познакомилась с его очаровательной женой Людочкой, и мы стали друзьями. Даже потом, когда Толстых стал капитаном другого судна, наша дружба продолжалась. И где бы не были все капитаны корабля «Генерал Лавриненков», на Новый год они звонят и поздравляют меня. Корабль приписан к Запорожскому порту, там зимой находится и капитан. Иногда, если получается, уходят в плавание в заграничные порты, обычно на сухогрузах, ведь всю зиму высидеть на берегу моряку трудно, да и материально туго.

После того как корабль приняли и подняли на нем флаг, мы с Подлесным уехали, а теплоход пошел своим ходом в Киев — Волго-Балт, Волго-Дон, выход в Черное море и наконец родной Днепр, который и привел его в Киев.

А в Киеве в порту на берегу Днепра корабль ожидали друзья, родные, руководство армии, Речфлота и городские власти. Он шел красивый, бело-голубой под флагом Советского Союза. Шел, гордо неся имя генерала Лавриненкова. У многих на глазах выступили слезы. Капитан представился руководителю Речфлота Славову и Командующему армией генерал-полковнику Лопатину, который сменил ушедшего в Москву В.Прудникова. Я очень жалела, что Прудников не сумел приехать. Это он от своего лица и от имени Военного совета армии написал Славову письмо с просьбой и пожеланием назвать ходящий по Днепру корабль именем В.Д.. Я расцеловала капитана. Потом он пригласил нас на корабль, где бокалом шампанского отметили прибытие.

В газете «Народная армия» была помещена статья Беловола «К нам вернулся генерал Лавриненков». И действительно, все как бы ощущали его возвращение в жизнь и то, что он снова среди нас.

Вот уже почти 18 лет корабль в строю. Он один из лучших в Днепровской флотилии. Уже лет 14 швейцарская фирма «Viking cruise river» фрахтует корабль для круизных рейсов по Днепру с туристами из Англии, Германии, Австрии, Италии, Испании, Голландии, Бельгии, Швейцарии, туристов с Американского континента. За эти 17 лет на корабле сменилось пять капитанов: Толстых, Кот, Алексашин, Беленко, Китаев. И все они — друзья нашей семьи. Капитан и менеджер фирмы каждый год приглашают меня и детей в рейс на теплоходе. Это такое счастье быть на корабле, носящем имя самого родного человека. На корабле было много интересных встреч с французскими и немецкими туристами. Они с интересом рассматривали альбом, подаренный руководством армии теплоходу. В альбоме основные этапы жизни В.Д. в фотографиях. Я поняла, что туристам интересно знать не только качества теплохода, но и город, где он построен, это есть в буклете Речфлота о корабле. Их интересуется, кто же такой генерал Лавриненков.

В один из первых круизов к капитану Толстым подошел старый немец с переводчиком и спросил, нет ли у капитана современного портрета Лавриненкова. На корабле в холле около ресторана висит чеканка — портрет В.Д., сделанный немецкими мастерами. Сходства почти нет. Видно, что летчик в шлемофоне, а понять, что это В.Д., можно только по тому, что корабль носит его имя. Но спасибо немецким мастерам и за этот несколько символический портрет. Капитан ответил туристу, что в каюткомпании и у него в каюте висят современные портреты В.Д. Капитан спросил немца, почему его так интересует портрет. Немец ответил, что в последний год войны их летные соединения стояли в районе Пилау буквально друг против друга. Турист оказался бывшим военным летчиком. Он рассказал, что когда им объявляли, что в воздухе Лавриненков со своими летчиками, они старались под любым предлогом не взлетать. Естественно, капитан показал ему оба портрета В.Д. и альбом, который был вручен команде в день первого прибытия корабля в Киевский порт.

Капитан рассказал туристу, что семья В.Д. живет в Киеве, и в каждый рейс я, иногда с детьми, провожаем корабль в очередное плавание.

Было много интересных встреч и разговоров с туристами во

Открытие мемориальной доски на доме, в котором жил В. Д. Лавриненков

время моего пребывания на корабле. Я просила капитана не представлять меня, не говорить, что я Лавриненкова. Приблизительно неделю сохранялась эта тайна, но потом то переводчики случайно об этом скажут, то в Бахчисарае в музее сотрудница, знавшая меня по прошлым рейсам, обращаясь ко мне, назвала мое имя. А было, что меня «засекли», когда я клала цветы к портрету В.Д.

Со мной вежливо здоровались, старались сфотографироваться и через переводчика расспрашивали о судьбе моего супруга.

Все это натолкнуло меня и Беловола на мысль о создании буклета о корабле, что мы и сделали. Половину денег на печатание нам выделила швейцарская фирма, а половину — Украинский Речфлот. Буклет был издан на четырех языках. Начала я работать над буклетом с Беловолом, а заканчивала сама — Николай Николаевич ушел из жизни. Для нашей семьи это была большая потеря.

Н. Беловол был очень близок с В.Д. и в жизни, и в литературном творчестве, а после смерти В.Д. он стал уделять больше внимания моей писанине, поощрял меня, говорил, что я должна писать и серьезно подумать об издании книги. При его поддержке мои стихи и басни печатались в газетах, он познакомил меня с очень хорошим человеком и поэтом А.В. Шерепицким, смолянином, родом из Починка, где стоит бюст В.Д.. Он принимал активное участие в организации литературного вечера в Союзе писателей, посвященного 80-летию со дня рождения В.Д. Этот вечер стал как бы отправной точкой в моей писательской работе.

На вечере были ветераны нашей родной 8-й армии и ветераны Союза писателей. Было несколько поэтов и в их числе поэтесса Вера Артамонова. Она, послушав мои стихи, подошла ко мне и сказала, что из стихов, посвященных В.Д., можно и нужно сделать небольшой сборник, посоветовала мне серьезно отнестись к творчеству. Мы обменялись телефонами, и она взяла несколько моих стихотворений.

Прошло немного времени, и вдруг звонок: это она — Вера Климовна Артамонова, которой я так благодарна за то, что она поверила в меня, расшевелила, заставила писать, попросила собрать все стихи, сказав, что, как только я это сделаю, она придет ко мне с редактором В.В.Шлапаком, что, не откладывая задуманное в долгий ящик, она и сделала.

Прочитав мои стихи, вскоре редактор вернул их с просьбой еще поработать: где-то рифма хромала, где-то размер вылезал из строчек, где-то были повторы, но мысль и душа есть.

На теплоходе «Генерал Лавриненков». Слева направо: А. И. Кот, В. А. Алексаши и командующий Киевской армией ПВО генерал-полковник М. А. Лопатин

И начались мои творческие мучения. С некоторыми замечаниями согласилась сразу, а кое с чем была не согласна и пробовала отстоять свое мнение. А самое страшное, когда надо было что-то сокращать, выбрасывать. Как же не хочется себя сокращать, но надо было из всего выбирать самое лучшее.

Тогда мне было это сделать так трудно, но теперь я благодарна Вам, Виктор Владимирович! Вы научили меня быть требовательной к слову, к умению им пользоваться, и первая книга стихов «Моя печаль полна любовью», почти полностью посвященная В.Д., вскоре увидела свет.

Но это еще не все. Надо было иметь деньги, чтобы ее напечатать. Теперь у нас в обиходе появилось новое слово — спонсор. И я благодарна Михаилу Алексеевичу Лопатину за то, что он первый помог мне. Все мои последующие пять книг и их переиздания увидели свет с помощью спонсоров. Я благодарна семье Лопатиных, обоим братьям, Кедринской, А.А. Стеценко.

О семьях братьев Лопатиных, Михаила и Владимира, можно писать много хорошего. Они и вся их белорусская большая «родина» — люди душевные, большой человеческой порядоч-

ности и верности в дружбе. Они всегда готовы протянуть руку помощи. Но жизнь жестока. Несколько месяцев назад ушла из жизни жена Владимира Лопатина Валентина. А как она пела и плясала на моем юбилее!

Оба командующие после В.Д. — Прудников и Лопатин — достойные люди и командиры. Хорошо зная В.Д., они глубоко чтили память о нем, перенимали опыт его работы, часто просматривали материалы об учениях, разборах и заседаниях Военного совета.

Первая моя встреча с Михаилом Алексеевичем Лопатиным состоялась в самый тяжелый день моей жизни — в день похорон В.Д. На похороны приехали командующие нескольких армий Союза, представители войск ПВО из Москвы и командиры почти всех соединений нашей армии. Лопатин, будучи командиром корпуса в Харькове, приехал с группой офицеров.

Во время похорон я ничего и никого не видела, только смотре-

В добрый путь!

ла на В.Д., понимая, что больше никогда его не увижу. Ко мне подходили многие люди, военные и гражданские, знакомые и незнакомые. Я машинально что-то отвечала им и пожимала протянутые руки.

А на поминках в Доме офицеров наши военные окружили меня такой заботой и вниманием, что и теперь, вспоминая это, бесконечно благодарю всех.

Ко мне подошел Лопатин, представился. В его глазах слезы. Потом я узнала, что он очень любил В.Д. не только как командира, но и как человека. От лица группы своих подчиненных он передал мне деньги, которые они собрали на памятник В.Д. Его душевность и непоказная печаль сразу тронули меня. Это было не официально, а как-то душевно. Через некоторое время Лопатина перевели в Киев начальником Штаба армии, а потом, когда ушел Прудников, Михаил Алексеевич возглавил 8-ю армию ПВО, которой раньше командовал его любимый командарм В.Д. Лавриненков.

В кабинете, где раньше сидел В.Д., ни Прудников, ни Лопатин ничего не изменили.

Очень многое связывает меня с семьей Лопатиных. Я познакомилась с женой Лопатина Любовью Моисеевной. Она умная, внимательная, добрая и красивая женщина. Эта семья была и есть моей поддержкой. По всем вопросам я могла обратиться и к Лопатину, и к руководящему составу нашей любимой армии. Теперь это объединенные войска ПВО и ВВС.

Лопатин прошел путь настоящего военного командира, всегда и всему учился.

Окончив авиационное техническое училище, работал в 8-й армии ПВО. В 1962 году с войсками был направлен на Кубу. Принимал участие в операции «Анадырь». После разрешения Карибского кризиса, вернувшись на Родину, окончил Минское зенитно-ракетное училище. И дальше жизнь пошла, как у всех военных семей: переезды, встречи и расставания.

Теперь он возглавляет общество интернационалистов-кубинцев. За что бы не брался этот человек, все делает с полной отдачей своих сил.

На посту командующего Лопатина сменил генерал Стеценко, а позже генерал Торопчин. Я всем им благодарна за внимание к памяти В.Д. Каждый год Лопатин вместе с офицерами армии в день рождения, день смерти и День Победы бывают на могиле В.Д. Приходят не только сослуживцы, но и старые друзья — все, кто еще может ходить.

Вспоминаем В.Д. с улыбкой, без слез, потому что В.Д. любил жизнь во всех ее проявлениях с какой-то своей, смоленской — от земли — философией. Нам всегда кажется, что он где-то рядом, слышит и видит нас.

За часовенкой на кладбище возле могилы В.Д. сделали маленький столик. На нем в эти дни закуски и, конечно, его любимое сало. И когда на бутылочку горилки сядет синичка, мы все замираем — словно это В.Д. прилетел к нам. И так было не раз — прилетит, поклюет сало, посидит на бутылочке, окинет нас быстрым взглядом и улетит.

Когда выходила моя новая книга, я брала несколько экземпляров с собой и дарила тем друзьям, с которыми наш возраст и здоровье не позволяли часто видеться.

Свои книги я практически не продавала, отдавала ветеранским организациям, в школы, библиотеки и друзьям, знавшим и не знавшим В.Д., просто дарила их людям, проявившим интерес к личности В.Д.

Все книги В.Д. и свои я подарила музею Великой Отечественной войны и многим его сотрудникам. Они мне как родные. Нет праздника, чтобы не позвонили или не пришли с цветами. Мне кажется, что все они влюблены в свою работу и честно, благородно и скромно выполняют ее не просто как работу, но и как свой долг перед павшими Героями.

Мое знакомство с сотрудниками музея состоялось после смерти В.Д. Приблизительно через полгода ко мне пришла Наталья Алексеевна Шевченко, спокойная, опрятная, нежно-красивая и удивительно симпатичная женщина. Она понимала, как мне тяжело. Очень правильно и тактично объяснила цель своего прихода.

За несколько недель до этого мне позвонил директор музея генерал Козлов и попросил, чтобы все, что сочла бы возможным,

передала в музей, спросил про ордена и звезды. Я сразу как-то нерешительно сказала, что подумаю, что звезды и грамоты на его родине.

Наталья Алексеевна была у меня пару раз, и я все больше проникалась к ней уважением и симпатией. В ней, а потом и в других сотрудниках меня поразила влюбленность в свою работу и уважение к памяти людей, защищавших Родину. Когда зашел разговор об орденах, она не настаивала, но объяснила, что я всегда смогу придти в музей и посмотреть на них. И я сдалась, подумала, что ведь все эти награды В.Д. дала Родина, и они принадлежат ей. Пусть все останется как память о Великой войне, и когда нас не станет, люди будут знать о Героях, защищавших и освободивших свою страну.

Это было еще во времена Советского Союза. Не знаю, отдала бы я их сейчас. Мне не хочется, чтобы в одном зале были награды Героев страны и «героев» дивизии «СС-Галичина».

Когда отдавала ордена, я каждый орден и каждую медаль поцеловала, словно опять переживала потерю В.Д., расставаясь с его наградами. Наташенька тихо сидела и печально смотрела на меня. В ее глазах тоже были слезы.

А потом я отдала генералу Козлову грамоту короля Норвегии Хокона о награждении моего отца высшей наградой страны. Она была единственная на Украине, а быть может, и в Союзе в те времена, да, думаю, и сейчас.

С сотрудниками музея, точнее с сотрудницами, у меня установились очень теплые, дружеские отношения. Если надо, я выступаю у них. Наташенька, Надя Смолярчук, Ярослава, Любовь Васильевна — все мои друзья. С Надеждой Смолярчук и Ярославой к одной из годовщин начала боевых действий эскадрильи «Нормандия — Неман» была сделана интересная экспозиция. Она вызвала большой интерес прессы и посетителей, хотя из семи журналистов, которые были на открытии экспозиции, четверо вообще не знали, что французский полк «Нормандия — Неман» воевал в составе ВВС Советского Союза на Восточном фронте и четыре его летчика были удостоены звания Герой Советского Союза. Эта экспозиция немного открыла глаза на историческую правду.

Военный атташе Швейцарии, очень милый человек, бывший пилот и француз по национальности, был удивлен, узнав, что французы воевали у нас. Присутствовавший на открытии экспозиции посол Франции господин Паскаль Фиеске и военный атташе подполковник Франсис Манкобег были тронуты и благодарны за память и уважение к летчикам полка «Нормандия — Неман».

На открытии экспозиции была почетный член полка «Нормандия — Неман» наша летчица Герой Советского Союза Мария Долина и дочь полковника Филишова, одного из немногих советских военных, удостоенных французского ордена Почетного Легиона.

А месяца через два после открытия экспозиции мне позвонила сотрудница музея и рассказала, что, проходя по залу, она увидела около экспозиции пожилого мужчину с переводчицей. Подойдя, увидела, что он плакал, спросила, что его так взволновало. Утирая слезы, он сказал: «Неужели нас здесь помнят?». Его дочь была замужем за сыном полкового врача полка «Нормандия — Неман», а сам он был в рядах Движения Сопротивления. Сказал, что приедет во Францию и расскажет, как у нас чтят память французских летчиков.

Было еще несколько случаев близкого соприкосновения с памятью о французских летчиках. И всегда это было очень волнительно и неожиданно для них.

А моя встреча во время круиза на корабле с бывшим летчиком полка майором Мюра тоже была очень интересная. Он служил в полку уже после войны и очень гордился тем, что служит в такой прославленной части. Он прекрасно знал Луи Дельфино и Пьера Пуйяда.

На могиле В. Д. Лавриненкова

Я показала ему альбом, он обрадовался, увидев там фотографии своих командиров. Благодаря ему я связалась с генералом Леоном Кюффо, о котором уже давно ничего не знала, думая, что его нет в живых. Мюра прислал мне адрес генерала, я написала ему и получила ответ с благодарностью за память. Но, увы, буквально через года полтора генерала не стало, и майор Мюра прислал мне вырезки из газет, посвященные памяти Кюффо.

Через год в музее была открыта экспозиция, посвященная В.Д. Всякий раз, когда меня просят выступить там перед учениками школ, училищ, молодыми военнослужащими, рассказывая о В.Д., я обязательно говорю о его боевых друзьях — французских летчиках.

Моя работа в МУСУВ (Международный украинский союз участников войны) дала мне возможность установить связи с французским посольством, так как я представляю французское направление. И когда состоялось открытие восстановленного музея в школе № 210, туда были приглашены атташе Франции, Белоруссии и России.

Ежегодно в день смерти В. Д. Лавриненкова на Байковом кладбище

В. Д. Лавриненков оставляет факел Славы к мемориалу Великой Отечественной войны в Киеве, где будет зажжен вечный огонь

В этой школе давно был небольшой музей 9-го гвардейского истребительного полка, а потом он пришел в запустение. Спасибо директору школы Игнатюк и военруку полковнику Гойко Неговачу. В смутные времена перестройки и начала независимости они не дали растащить этот музей, сохранили его. А потом ветераны 8-й воздушной армии, в которую входил полк, взялись за восстановление и возрождение музея. Он стал одним из лучших в городе, получил не одну грамоту и благодарность.

Уважение к памяти В.Д. друзей, знакомых, даже незнакомых людей и вся житейская круговерть дают мне силы жить и писать. Очень растрогали меня ветераны военного городка-гарнизона в Василькове, где находилась авиационная дивизия армии. Почти при въезде в городок возвышается памятник В.Д. — большая каменная глыба абстрактной формы, в которую вмонтирован бронзовый портрет В.Д. Там всегда порядок. На День Победы, в день рождения В.Д. и в день его смерти школьники приносят туда цветы. Да и ветераны тоже, особенно те, кто знал В.Д., не забывают об этих датах.

В местной школе есть класс, который носит имя В.Д. Я там бываю, выступаю перед учащимися. Их внимание очень трогает и вселяет надежду, что в душе молодого поколения есть искра настоящей любви к Родине, ее истории и подвигам ее защитников. Надо стараться, чтобы эта искра любви и уважения к памяти ушедших из жизни Героев не погасла.

А военный городок носит имя В.Д. Лавриненкова.

Спасибо Смоленской писательской организации во главе с замечательными поэтами Смирновым, Пашковым и Мишиным. Это с их подачи я стала членом Союза писателей России, что для меня большая честь. Думаю, что и В.Д. гордился бы мною.

Писатели-земляки В.Д. поверили в меня. Встречали как родную, как свою, что сердцем почувствовала всю скромную красоту и душевность смоленской земли. На мой 80-летний юбилей я получила от них и из школы в Починке, носящей имя В.Д., поздравительные телеграммы. Очень хочу при малейшей возможности хотя бы еще раз поехать туда, на эту ставшую мне такой родной и близкой Смоленщину.

Президент Всемирного Международного Союза участников войны Датук Абдул Хамид Ибрагим с супругой в музее Великой Отечественной войны возле стенда, посвященного В. Д. Лавриненкову

*Ты земля, земля смоленская,
Как тебя нам не любить.
Городская, деревенская
Научила многих жить.
Ты земля исконно русская —
Белоствольный край берез.
Головой своею русою
Первая коснулась звезд.*

Юрий Гагарин — сын Смоленщины. Он первый в мире взлетел в необъятные просторы Вселенной.

А на юбилее от лица смолян выступил поэт Шерепицкий, зачитывавший телеграммы и прочитавший свое стихотворение, посвященное нам — мне и кораблю «Генерал Лавриненков».

Присутствовавшие капитаны Кот, Алексашин и семья капитана Толстых при упоминании о корабле даже встали, а после Шерепицкого они выступили. Через несколько дней мне позвонили еще два капитана.

Укрречфлот во главе с П.И. Подлесным порадовали и взволновали меня своим вниманием.

Военный городок в Василькове

Председатель Смоленского отделения Союза писателей России В. П. Смирнов вручает автору книги членский билет

сквозь призму моей памяти. Я переживала все заново, чему-то улыбалась, а из-за чего-то печалилась, едва сдерживая слезы. И даже когда не писала, в мыслях продолжала свой рассказ, стараясь не упустить даже мелочей, характеризующих В.Д., нашу жизнь и нашу эпоху.

А по вечерам, уставшая от житейской суеты, я вновь погружалась в незабываемые далекие воспоминания о большой прожитой жизни. Перед глазами проносились лица родных, друзей, события нашей жизни и жизни Родины.

Что же дало мне силы не просто выжить, а выжить достойно, утвердившись не как жена В.Д., а как Евдокия Лавриненкова? Хотя поначалу

*Я думала, что больше года
Я без тебя не проживу.
Так думала, когда у гроба
В последний путь отправила судьбу.*

Я не только прожила, я прожила эти годы не прозябая, стараясь с честью нести светлое имя В.Д., как по Днепру его несет красавец корабль «Генерал Лавриненков».

*Нет, не хочу, не должна и не буду
У тоски гувернанткой служить.
Если прошлого я не забуду,
Значит, буду бороться и жить.*

И это стало моим кредо в непростой вдовьей жизни.

Я не была верующим человеком, но в последние годы жизни В.Д. мои мысли все больше обращались к Всевышнему. Я не была крещеной, но восемнадцать лет назад приняла крещение. Моя крестная мама — Талочка Преображенская.

И сейчас все больше и больше понимаю, что мы потеряли, разрушив веру человека в Бога, — потеряли духовность. Я не фанатичка, но верю, что есть высший разум, высшая доброта, высшая любовь к человеку — это Господь Бог.

*Я гимн пою тебе, Всевышний,
Ты в небесах и на земле.
И мною пройденные версты
Принадлежат, Господь, тебе.
Принадлежат все наши жизни,
Принадлежит извечный наш покой.
Мне только жаль, что мои мысли
Так поздно встретились с тобой.*

Мы утратили духовность нашего народа, пожалуй, самого доброго народа на планете. Чем ближе к вечности, тем глубже и сильнее это понимаешь.

*И как бывает сердцу больно,
Как растревожится душа,
Когда ты вольно иль неволью
Стираешь грань добра и зла.*

Мне кажется, что если бы начала жизнь сначала, многих ошибок постаралась бы избежать. А может, наделала бы новых? Селя ви, как говорят французы. Так хочется, чтобы дети и внуки уберегли свои души от зла.

Разве можно забыть помощь и внимание руководства армией?!

Дочь Ольга и зять Михаил

Генерал Бурковский — внимательный, эрудированный и очень душевный человек, с которым всегда можно поговорить и посоветоваться.

Генерал-полковник Стеценко — один из командующих 8-й армией ПВО. Спасибо ему за финансовую помощь в печатании книги.

Полковник Чижик, по натуре орел, всегда улыбающийся и готовый прийти на помощь в любом деле.

Подполковник Киселев — мы дружим почти сорок лет. Он давно в отставке, но всегда в строю добрых и отзывчивых людей. Часто по телефону слышу его голос: «Евдокия Петровна, какие вопросы будем решать?».

Это он в дни, когда мы собираемся у могилы В.Д., приезжает раньше всех. И если там что-то не так, все поправит и положит цветы.

Полковник Черемухин — прекрасный врач и человек. Мы были с ним рядом в последние дни жизни В.Д.

А Паторжинские, Беловолы, Касьяненко, Перепельченко, Рыбина и наши дорогие женщины 8-й армии ПВО. Всех не перечить.

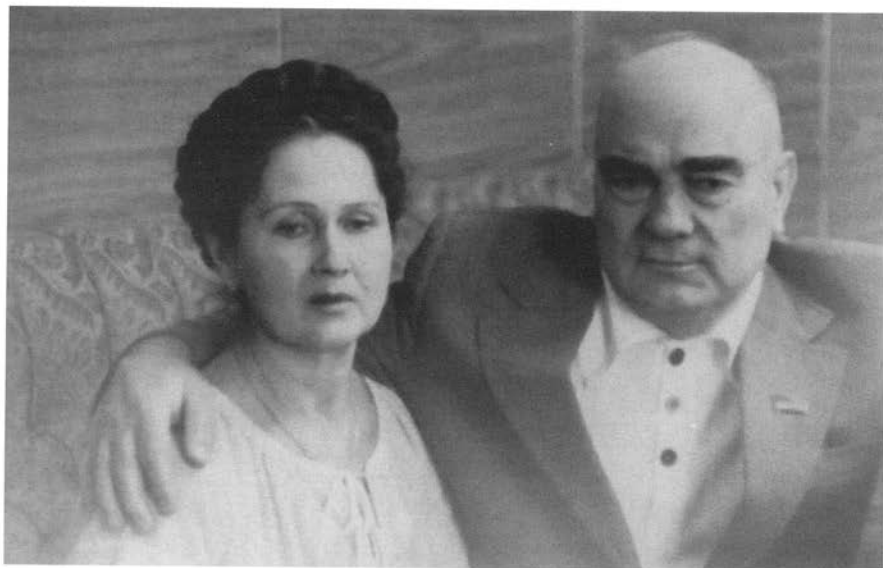

Мои года — мое богатство. С дочерью Ольгой

Я называю эти имена не для того, чтобы перечислить их в книге, я хочу, чтобы моя семья — дети и внуки знали и запомнили их на многая лета.

Спасибо вам за то, что были со мной рядом в эти нелегкие годы. Каждый из Вас дорог мне.

Сейчас весна, снова весна начала моего восьмидесятилетия. Днепр рано очистился ото льда и несет свои воды от ставшей мне родной Смоленщины к нам на Украину, где видна вся его могучая сила. Уже скоро в порт снова придет теплоход «Генерал Лавриненков». Говорят, что у таких кораблей жизнь лет тридцать и более. Он переживет меня, а пока я, как всегда, снова буду провожать его в каждый рейс и ждать возвращения.

Так искренне любили...

*И опять по Днепру
Теплоход белокрылый,
Продолжая судьбу,
Понесет твоё имя.
Продолжая твой путь,
Продолжая судьбу,
Я встречаю его
Как бывшую весну.
А над ним журавли
Пусть летят в небесах,
И в одном из них ты,
Как солдат на часах.
Пусть хранит моя мольба
Корабль белокрылый.
С мольбой уходит прочь беда,
А ты плыви, мой милый!*

Р.С. Спасибо, Господи, за то, что Ты дал мне силу, разум и возможность написать эти воспоминания! Хорошо получилось или не очень — судить не мне. Знаю одно: во все написанное я до конца вложила свою душу.

2007 год

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Все двадцать лет я без тебя
Живу и дни, и ночи.
Порою горькая слеза
Мне увлажняет очи.
Все двадцать лет храню в себе
Твои слова и мысли.
И двадцать лет стремлюсь к тебе
В моей нелегкой жизни.
Все двадцать лет с тобой делюсь
Всем, что меня тревожит.
И двадцать лет с тобой шепчусь
О том, что сердце гложет.
Все двадцать лет не видишь ты,
Как расплетаю косы.
И двадцать лет не слышишь ты,
Как нежно пахнут розы.
Все двадцать лет рукой своей
Ласкаю твой портрет.
И двадцать лет совсем иным
Я вижу белый свет.
Все двадцать лет, как в дом войду,
Твою фуражку вижу.
И кажется, что наяву
Родной твой голос слышу.
Все двадцать лет твои грузья
В день смерти и рождения
Приходят навестить тебя
По сердца повелению.
Все двадцать лет с руки своей
Кольцо я не снимаю.
И двадцать лет своей судьбе
Я верность сохраняю.
Я улыбаюсь и шучу
Все эти двадцать лет,
Но боль мою в себе ношу
Все эти двадцать лет.

Тебе, любимый!

Литературно-документальное издание

Лавриненкова Евдокия Петровна
Дорогой мой «Сокол-17»
Воспоминания и размышления

Киев: издательский дом «АДЕФ-Украина», 2008. - 288 с.

Ответственная за выпуск и редактор – А.Н. Спрогис
Макет и верстка – ИД «АДЕФ-Украина»

Подписано к печати апрель 2008 года. Формат 60х90/16
Усл.-печ. л. 18. Печать офсетная. Бумага офсетная

Издательский дом «АДЕФ-Украина»
01030, Киев, ул. Богдана Хмельницкого, 32, оф.40-а
тел. (044) 235-33-03, 235-94-31
<http://www.adef.com.ua>
e-mail: adef@adef.com.ua

© Все права защищены